

ISSN 0235-1188 (Print)
ISSN 2618-8961 (Online)

68(3) 2025

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ФН

**RUSSIAN JOURNAL OF
PHILOSOPHICAL SCIENCES**

- ◆ *КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНЫЙ РАСКОЛ*
- ◆ *ТРАНСТЕРМИНАЦИОННАЯ ПРОЦЕДУРА*
- ◆ *МЕТАКОГНИТИВНАЯ РЕФЛЕКСИЯ*
- ◆ *МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ РЕЛЯТИВИЗМ*
- ◆ *ТРЕТЬЯ СУБЪЕКТНОСТЬ*
- ◆ *СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ*
- ◆ *МЕТАСИСТЕМНАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ*

МОСКВА
ГУМАНИТАРИЙ

MOSCOW
HUMANIST PUBLISHING HOUSE

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Том 68. № 3/2025

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года

Журнал включен в «Реферативный журнал» и в базы данных
**ВИНИТИ РАН, Российский индекс научного цитирования,
EBSCO Academic Complete Search, The Philosopher's Index.**

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям
«Ulrich's Periodicals Directory»

DOI: 10.30727/0235-1188

Москва
Гуманитарий

Международная редакционная коллегия

Председатель международной редакционной коллегии **Гусейнов А.А.**

Амплеби С.А., д.филос., проф. Ун-та Джорджа Вашингтона (США); **Бараш Дж.Э.**, д.филос., проф. Ун-та Пикардия им. Ж. Верна (Франция); **Брес И.**, проф., гл. ред. «Revue philosophique de la France et de l'étranger» (Франция); **Денн М.**, д.филос., проф., координатор отношений и международных проектов с Россией и странами Восточной Европы Ун-та Бордо им. Монтеня (Франция); **Майнцер К.**, проф. Мюнхенского технического университета, научный директор Академии им. Карла фон Линде (Германия); **Тиханов Г.**, д.филос., зав. кафедрой сравнительного литературоведения Лондонского ун-та Королевы Марии (Великобритания); **Чжан Байчунь**, проф. Пекинского педагогического университета (Китай); **Штольценберг Ю.**, д.филос., проф. Ун-та Галле-Виттенберга им. М. Лютера (Германия); **Эпштейн М.**, проф. Ун-та Эмори (США), директор Центра обновления гуманитарных наук Даремского ун-та (Великобритания); **Эспехо Р.**, д.филос., президент Международной организации систем и кибернетики (Великобритания), приглашенный проф. Ун-та Сантьяго (Чили).

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии **Смирнов А.В.**

Автономова Н.С., ак. Академии гуманитарных исследований (АГИ), д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Аршинов В.И.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Блауберг И.И.**, д.филос.н., в.н.с. ИФ РАН; **Вдовина И.С.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Водолазов Г.Г.**, ак. Академии политической науки (АПН), вице-президент АПН, проф. МГИМО (У); **Гусейнов А.А.**, ак. РАН, ВРИО директора ИФ РАН; **Давыдов А.П.**, д.культурологии, гл.н.с. ИС РАН; **Дубровский Д.И.**, д.филос.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Журавлев А.Л.**, ак. РАН, научный руководитель ИП РАН; **Кашников Б.Н.**, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ; **Клюев А.С.**, д.филос.н., проф. РГПУ им. А.И. Герцена; **Лепский В.Е.**, д.психолог.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Михайлов И.А.**, к.филос.н., с.н.с. ИФ РАН; **Пантин В.И.**, ак. АПН, зав. отделом ИМЭМО РАН; **Порус В.Н.**, д.филос.н., руководитель Школы философии факта гум. наук НИУ ВШЭ; **Розин В.М.**, д.филос.н., г.н.с. ИФ РАН; **Рябов В.В.**, чл.-корр. РАО, президент МГПУ; **Сиземская И.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Смирнов А.В.**, ак. РАН, зам. академика-секретаря Отделения общественных наук РАН, ВРИО зам. директора ИФ РАН; **Смолин О.Н.**, ак. РАО, 1-й зам. пред. комитета ГД ФС РФ по образованию и науке; **Соловьёв А.В.**, к.филос.н., доц. МГУ имени М.В. Ломоносова; **Степанянц М.Т.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. кафедрой ЮНЕСКО ИФ РАН; **Тульчинский Г.Л.**, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ (СПб); **Федотова В.Г.**, ак. РАЕН, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Черниговская Т.В.**, чл.-корр. РАО, д.б.н., д.ф.н., проф., зав. кафедрой СПбГУ; **Шевченко В.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН.

Редакция:

Главный редактор Дубровский Д.И.

Научный редактор Винник Д.В.

Редактор отдела культурологии и религиоведения Дуркин Р.А.

Литературный редактор Чулкова Е.С.

Верстка: Топилина В.М.

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.info>

Шеф-редактор Мариносян Х.Э.

THE MINISTRY OF SCIENCE
AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION

ACADEMY FOR
RESEARCH INTO
THE HUMANITIES

ФН

RUSSIAN JOURNAL OF
PHILOSOPHICAL SCIENCES
(FILOSOFSKIE NAUKI)

Vol. 68. No. 3/2025

Scientific and Educational Journal
Published since the Year 1958

The journal is listed in the *Abstracts Journal* and **databases of the VINITI** (All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences), **Russian Index of Science Citation, EBSCO Academic Complete Search, The Philosopher's Index.**

The information about the journal is published annually
in the international information system on serial publications

Ulrich's Periodicals Directory

DOI: 10.30727/0235-1188

Moscow
Humanist Publishing House

International Editorial Board:

Chairman of the International Editorial Board **Guseynov A.A.**

Barash J.A., Dr., Prof., Jules Verne University of Picardy (France); **Brès Y.**, Dr., Prof. em., Paris Diderot University – Paris 7, Editor-in-Chief of the *Revue philosophique de la France et de l'étranger* (France); **Dennes M.**, Dr., Prof., coordinator of relations and international projects with Russia and other Eastern European countries, Montaigne Bordeaux 3 University (France); **Epstein M.**, Ph.D., S.C. Dobbs Prof. at Emory University (USA), Director of the Centre for Humanities Innovation at Durham University (UK); **Espejo R.**, Ph.D., President of the World Organisation of Systems and Cybernetics (UK), Visiting Prof. at the University of Santiago (Chili); **Mainzer K.**, Dr., Prof. em., Technical University of Munich (Germany); **Stolzenberg J.**, Dr., Prof. em., Martin Luther University of Halle-Wittenberg (Germany); **Tihanov G.**, Ph.D., George Steiner Professor of Comparative Literature at Queen Mary University of London (UK); **Umpleby S.A.**, Ph.D., Prof., The George Washington University (USA); **Zhang Baichun**, Prof., Beijing Normal University (China).

Editorial Board:

Chairman of the Editorial Board **Smirnov A.V.**

Arshinov V.I., D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Avtonomova N.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Blauberg I.I.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Chernigovskaya T.V.**, RAE Corr Memb., D.Sc., Prof., Head of the Department at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Davydov A.P.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., Institute of Sociology of the RAS; **Dubrovsky D.I.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Fedotova V.G.**, RANS Full Memb., Prin.Res.Fell., IPhRAS, Ph.D.; **Guseynov A.A.**, RAS Full Memb., Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Kashnikov B.N.**, D.Sc., Prof., NRU HSE; **Klujev A.S.**, D.Sc., Prof., Herzen University; **Lepskiy V.E.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Mikhaylov I.A.**, Ph.D., Sen.Res.Fell., IPhRAS; **Pantín V.I.**, Academy of Political Sciences (Russia) Full Memb., Head of the Department at the Institute of World Economy and International Relations of the RAS; **Porus V.N.**, D.Sc., Head of the Department at the NRU HSE; **Rozin V.M.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Ryabov V.V.**, RAE Corr. Memb., President of the Moscow City Teacher Training University; **Shevchenko V.N.**, D.Sc., Prin. Res. Fell., IPhRAS; **Sizemskaya I.N.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Smirnov A.V.**, RAS Full Memb., Deputy Academician-Secretary of the Department of Social Sciences of the RAS, Acting Deputy Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Smolin O.N.**, RAE Corr. Memb., First Deputy Chairman of the Russian State Duma Committee for Education; **Soloviev A.V.**, Ph.D., Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University; **Stepanyants M.T.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., UNESCO Chairholder at the IPhRAS; **Tulchinskii G.L.**, D.Sc., Prof., NRU HSE (St. Petersburg); **Vdovina I.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Vodolazov G.G.**, APS Full Memb., Vice President of the Academy of Political Sciences (APS), Prof., Moscow State Institute of International Relations; **Zhuravlev A.L.**, RAS Full Memb., Chief Scientific Officer of the Institute of Psychology of the RAS.

Editorial Staff:

Main Editor Dubrovsky D.I.

Scientific Editor Vinnik D.V.

Cultural and Religious Studies Department's Editor Durkin R.A.

Literary editor Chulkova E.S.

Page Layout: Topilina V.M.

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.info>

Editor-in-Chief Marinosyan Kh.E.

ОГЛАВЛЕНИЕ

МОДУСЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ:
СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

Социоиндивидуальный синтез:

поиск новых оснований ■

<i>Х.Э. МАРИНОСЯН</i>	Медиация. Преодоление социальных дихотомий	7
<i>А.Я. РУБИНШТЕЙН</i>	Интересы индивидуумов и общества: от экономической социодинамики до релятивистской методологии	10
<i>П.М. КОЗЫРЕВА, А.И. СМИРНОВ</i>	Доверие как социальная проблема	38
<i>В.М. РОЗИН</i>	Типы и механизмы диалога (размежевание, сосуществование, медиация, переосмысление)	62
<i>В.Ю. КУЗНЕЦОВ, Р.Р. КАРНЕЕВ</i>	Субъект проекта реконцептуализации субъекта: проблема ответственности	77
<i>А.В. НЕДЯК</i>	Возможен ли диалог с техносубъектом? Архитектуры искусственного интеллекта и признаки сознания	93
<i>О.А. БАШЕВА</i>	Волонтерское движение как субъект социального диалога	114
<i>А.П. ДАВЫДОВ</i>	Между З. Фрейдом и А. Маслоу: барьеры и условия развития социального диалога	133

CONTENTS

MODES OF SOCIOCULTURAL DEVELOPMENT:
SOCIAL DIALOGUE

**Socio-Individual Synthesis:
In Search for New Foundations ■**

<i>Kh.E. MARINOSYAN</i>	Mediation: Overcoming Social Dichotomies	7
<i>A.Ya. RUBINSTEIN</i>	Individual and Societal Interests: From Economic Sociodynamics to Relativist Methodology	10
<i>P.M. KOZYREVA, A.I. SMIRNOV</i>	Trust as a Social Problem	38
<i>V.M. ROZIN</i>	Types and Mechanisms of Dialogue (Delimitation, Coexistence, Mediation, Reappraisal)	62
<i>V.Yu. KUZNETSOV, R.R. KARNEEV</i>	Subject of the Project of Reconceptualizing the Subject: The Problem of Responsibility	77
<i>A.V. NEDYAK</i>	Is Dialogue with a Technosubject Possible? Architectures of Artificial Intelligence and Signatures of Consciousness	93
<i>O.A. BASHEVA</i>	The Volunteer Movement as an Agent of Social Dialogue	114
<i>A.P. DAVYDOV</i>	Between S. Freud and A. Maslow: Barriers and Conditions for the Development of Social Dialogue	133



МОДУСЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ



Социоиндивидуальный синтез: ПОИСК НОВЫХ ОСНОВАНИЙ



Введение в раздел
Section introduction

Медиация. Преодоление социальных дихотомий

Вопросы о соотношении индивидуального и социального вообще, в особенности их противопоставление, всегда были одними из центральных в философии и всего спектра социально-гуманитарных наук. В настоящее же время, когда российское общество переживает период интенсивной трансформации и сталкивается с необходимостью решения задач модернизации и в то же время сохранения национальных, исконно российских традиций, при этом конструируя механизмы, призванные обеспечивать социальную солидарность в многоэтнической и поликультурной стране с множеством социокультурных, конфессиональных, этических, моральных особенностей, эта проблематика приобретает особую актуальность и общегосударственную важность. В условиях нарастающей сложности социальных систем, возникновения новых технологических реальностей и усиления внешних вызовов становится очевидной недостаточность классических методологических подходов, основанных на жестких дихотомиях и противопоставлениях «или, или», приводящих к выбору крайних мер, т.е. той или иной позиции из диаметрально противоположных, зачастую взаимоисключающих. Необходимость выработки новых концептуальных инструментов для анализа «пространства между» – того медиационного поля, где рождается подлинный социальный диалог и создается возможность для выбора срединной позиции, устраивающей все стороны, – ощущается сегодня как никогда остро.

Статьи данного номера являются продолжением журнального проекта «Проблемы медиации и диалога»¹ (руководитель проекта – доктор культурологии А.П. Давыдов) и представляют результаты междисциплинарных исследований, объединивших усилия

¹ Предыдущие подборки статей журнального проекта были опубликованы в ФН № 2, № 3, № 4 за 2024 год.

философов, экономистов, социологов и специалистов в области искусственного интеллекта. Авторы стремятся не просто описать существующие и возможные формы взаимодействия между индивидом и обществом, но выработать концептуальный аппарат для анализа тех срединных пространств, где в процессе диалога происходит переформатирование различных позиций и, как следствие, преобразование индивидуальных потребностей и общественных интересов.

Объединяющей темой представленных работ является стремление авторов выйти за пределы традиционных дихотомий – индивид/общество, доверие/недоверие, субъект/объект, человек/природа, человек/техника, коллектив/личность – и найти методологические инструменты для анализа сложной, многоуровневой «середины», которая связывает противоположности и создает основу для социального диалога, взаимопроникновения и в результате взаимопонимания. Авторы опираются на новейшие разработки в различных научных дисциплинах – в экономике, социологии, политологии, культурологии, высоких технологиях, философии и в области изучения искусственного интеллекта, формируя междисциплинарный подход к изучению медиационных процессов в современном российском обществе.

Открывает номер статья А.Я. Рубинштейна (Институт экономики РАН), в которой развивается концепция методологического релятивизма как альтернативы противопоставлению методологического индивидуализма и холизма, а также переосмысливается природа государства в контексте метасистемы «политическая власть – экономика – гражданское общество». П.М. Козырева и А.И. Смирнов (Институт социологии ФНИСЦ РАН) анализируют парадоксальное сочетание дефицита межличностного доверия с ростом обобщенного доверия в российском обществе, что указывает на переход от жесткой дихотомии «доверие – недоверие» к более рациональной основе социального доверия. В.М. Розин (Институт философии РАН), выделяя различные типы и механизмы диалога, демонстрирует, что диалог эффективен для достижения размежевания, компромисса и переосмысления, но редко приводит к подлинной медиации. О.А. Башева (Институт социологии ФНИСЦ РАН) рассматривает волонтерское движение как платформу социального диалога, в рамках которой совместная деятельность порождает «третью субъектность» – синергию участников, открывающую новые возможности для решения общественных задач. В.Ю. Кузнецов (МГУ имени М.В. Ломоносова) и Р.Р. Карнеев (Институт философии РАН) предлагают концепцию «пересборки субъекта», утверждая, что в эпоху человеко-машинного взаимодействия требуется развитие системной архитектурной этики для определения границ конструирования техносубъектности.

А.В. Недяк (Лаборатория по изучению искусственного интеллекта) анализирует признаки сознания в различных архитектурах искусственного интеллекта и обращает внимание на то, что потенциальное появление общего искусственного интеллекта делает необходимым обсуждение принципов регулирования и нормативного статуса техносубъекта. Завершает и обобщает обсуждение тематики номера статья А.П. Давыдова (Институт социологии ФНИСЦ РАН), в которой социальный диалог анализируется в контексте противостояния архаических потребностей и высших ценностей и демонстрируется, каким образом в пространстве между взаимодействующими сторонами возникает «третья субъектность», становящаяся медиатором, способствующим преодолению социокультурных расколов.

Представленные исследования демонстрируют, что социальный диалог не может быть сведен к простому обмену мнениями или достижению компромисса между заранее заданными позициями. Подлинный диалог предполагает создание нового общего пространства смыслов, в котором формируется то, что авторы называют «третьей субъектностью» – особой формой социальной реальности, возникающей в процессе взаимодействия и не сводимой только к интересам отдельных участников. Это пространство становится основой для выработки совместных решений в условиях ценностного и культурного многообразия, характерного для современного российского общества.

Особое значение приобретает вопрос о практической реализации теоретических разработок. Представленные примеры – от волонтерского движения и локализации национальных проектов до концепции индивидуальных бюджетных назначений – показывают, что медиационное мышление и ориентация на социальный диалог не являются абстрактными философскими конструкциями, а могут быть воплощены в конкретных институциональных формах и управленческих практиках.

Целенаправленное культивирование таких диалогических практик, превращение их в общенациональную традицию представляется ключевым условием гуманистической эволюции российского общества, повышения эффективности деятельности управленческих структур и построения более консолидированного и успешно развивающегося общества, что, как следствие, должно привести к повышению качества жизни каждого человека, каждого члена современного российского общества.

*Шеф-редактор журнала «Философские науки»,
президент Академии гуманитарных исследований
Х.Э. МАРИНОСЯН*

Интересы индивидуумов и общества: от экономической социодинамики до релятивистской методологии

А.Я. Рубинштейн

Институт экономики РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье представлен критический анализ развития концепции экономической социодинамики (КЭС) за последние 25 лет, выполненный с позиций современного междисциплинарного знания. Автор показывает, что в основе КЭС и ее последующих разработок находится общая логика, базирующаяся на фундаментальном положении о несводимости общественного интереса к простой сумме индивидуальных предпочтений. Этот подход позволяет рассматривать наследие КЭС как комплекс идей, существенно расширяющих традиционные границы экономического анализа и предлагающих альтернативу доминирующим моделям. Теоретические результаты, полученные с 2000 по 2025 год, находят более глубокое научное обоснование при обращении к достижениям современной философии и теоретической социологии. Этот синтез предоставил автору возможность преодолеть историческое противостояние методологического индивидуализма и холизма, ввести в научный оборот такой новый принцип, как методологический релятивизм. На основе анализа ключевых философских доктрин релятивизма (культурного, концептуального, социального конструктивизма и постмодернизма) в статье формулируются особенности релятивистской методологии. Ее суть состоит в «уравнивании в правах» интересов индивидов и автономных интересов государства, что исключает априорное доминирование одного над другим и требует контекстуального подхода к анализу. Применение релятивистской методологии и признание наличия у государства собственного, автономного интереса открыли путь к переосмыслению самой категории «государство». Ключевым результатом исследований стало введение новой парадигмы государства, определяемого как сложная социальная целостность, функционирующая в форме метасистемы «политическая власть – экономика – гражданское общество». В статье сделан

А.Я. РУБИНШТЕЙН. Интересы индивидуумов и общества: от экономической...

вывод о том, что противоречие между интересами индивида и общества следует рассматривать не как дихотомию, а как задачу поиска сбалансированной структуры, в рамках которой эти разнородные интересы выступают взаимосвязанными и неотъемлемыми элементами единой социальной целостности.

Ключевые слова: индивидуализм, холизм, социальная философия, теоретическая социология, методологический релятивизм, государство, власть, экономика, гражданское общество.

Рубинштейн Александр Яковлевич – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного направления «Теоретическая экономика» Института экономики РАН.
arubin@aha.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0455-3879>

Для цитирования: *Рубинштейн А.Я.* Интересы индивидуумов и общества: от экономической социодинамики до релятивистской методологии // *Философские науки.* 2025. Т. 68. № 3. С. 10–37.
DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-3-10-37

Individual and Societal Interests: From Economic Sociodynamics to Relativist Methodology

A. Ya. Rubinstein

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article presents a critical analysis of the evolution of the theory of Economic Sociodynamics over the last quarter-century, framed within contemporary interdisciplinary scholarship. The author argues that Economic Sociodynamics and its subsequent developments are underpinned by a foundational premise: the public interest is irreducible to the mere aggregation of individual preferences. This perspective allows the legacy of Economic Sociodynamics to be understood as a body of thought that substantially broadens the traditional boundaries of economic analysis and provides a compelling alternative to prevailing models. The theoretical findings from the period 2000–2025 are further substantiated by insights from contemporary philosophy and theoretical sociology. This synthesis has enabled the author to transcend the long-standing dichotomy between methodological individualism and holism, introducing the principle of methodological rela-

tivism into scholarly debate. Drawing upon an analysis of key relativist doctrines – including cultural and conceptual relativism, social constructivism, and postmodernism – the article articulates the core tenets of this methodology. At its core, this methodology treats individual interests and the state’s autonomous interests as coequal, rejecting the *a priori* primacy of either and requiring context-dependent analysis. The application of this relativist methodology, combined with the recognition of the state’s autonomous interest, has opened new avenues for reconceptualizing the state itself. The study advances a new paradigm in which the state is defined as a complex social entity functioning as a meta-system comprising “political authority – economy – civil society.” The article concludes that the tension between individual and societal interests should be understood not as a dichotomy but as a design problem: constructing a balanced structure wherein these diverse interests operate as interconnected and integral components of a unified social whole.

Keywords: individualism, holism, social philosophy, theoretical sociology, methodological relativism, state, power, economy, civil society.

Alexander Ya. Rubinstein – D.Sc. in Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department “Theoretical Economics” at the Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.

arubin@aha.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0455-3879>

For citation: Rubinstein A.Ya. (2025) Individual and Societal Interests: From Economic Sociodynamics to Relativist Methodology. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 68, no. 3, pp. 10–37. DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-3-10-37

Введение

Настоящая статья посвящена вопросам разработки общей экономической теории государства. Среди предпосылок этого проекта – понимание необходимости создания новой теоретической модели смешанной экономики без доминирования государства или рынка. Кроме того, изначально на интуитивном уровне, было ощущение того, что при сопоставлении государства и рынка пропущен один из важных элементов – институты гражданского общества. Реализация данного проекта потребовала разработки особого теоретического подхода и

А.Я. РУБИНШТЕЙН. Интересы индивидуумов и общества: от экономической...
экономической методологии. Их ядром стала концепция экономической социодинамики (КЭС), созданная в конце прошлого столетия в соавторстве с Р.С. Гринбергом. КЭС, в свою очередь, послужила отправной точкой в развитии нового направления исследований, обусловившего разработку ряда теоретических конструкций, ставших продолжением КЭС. Это и побудило нас взглянуть на ее эволюцию на протяжении четверти века сквозь призму современного знания.

Однако целью настоящей работы являются не воспоминания о прошлых достижениях, даже не о встречах с выдающимися российскими и зарубежными учеными, с которыми мы обсуждали нашу теоретическую концепцию. Это попытка посмотреть на пройденный путь с позиций сегодняшнего восприятия базовых положений КЭС. В ее основе находится желание понять, характерна ли для этих исследований общая логика, позволяющая говорить о формировании особого научного направления.

Первая публикация «Экономической социодинамики», в которой сформулированы ее предварительные положения, состоялась на страницах издания «Российский экономический журнал» в феврале 1997 года [Гринберг, Рубинштейн 1997]. Летом этого же года была проведена презентация КЭС в Москве, на семинаре с участием специалистов Венского института высших исследований, экономического факультета Марбургского университета и ученых экономических институтов РАН. Многочисленные рекомендации участников состоявшегося обсуждения подтолкнули авторов концепции к дальнейшей работе, результаты которой нашли отражение в российских и зарубежных публикациях [Гринберг, Рубинштейн 1998; Grinberg, Rubinstein 1999]. Датой же рождения КЭС принято считать первое издание монографии «Экономическая социодинамика» в 2000 году.

Презентация обновленной версии «Экономической социодинамики» состоялась в январе 2001 года в Калифорнийском университете, в котором по приглашению М. Интриллигейтера был представлен соответствующий доклад, на знаменитом Маршак-коллоквиуме. Последующие встречи и несколько по-

истине мировоззренческих обсуждений с выдающимися американскими учеными, Р. Масгрейвом и К. Эрроу, показали перспективы дальнейшего развития КЭС. Интерес к ней со стороны зарубежных коллег побудил издательство Springer предложить авторам издание «Экономической социодинамики», которое в исправленной и дополненной англоязычной версии увидело свет в Германии и США в 2005 году [Grinberg, Rubinstein 2005].

Анализируя годы исследований и траекторию развития КЭС с ее немалым книжным наследием, можно прийти к разным выводам, но главное – к пониманию того, что многое изменилось и теперь видится иначе. Это имеет и свои преимущества, ибо позволяет сформулировать то, что не было обнаружено в прежних работах. С учетом этого доминантой настоящей статьи являются исключительно новые результаты.

Два канона интерпретации общественного интереса

Экономическая теория неодинаково трактовала активность государства. К концу XIX столетия обозначились два канона в интерпретации ее первопричины – общественного интереса. Германская традиция, постулируя интерес общества как такового (*холизм*), признала категорию «коллективные потребности» в качестве фундаментальной основы знаменитой «немецкой финансовой науки». Английская традиция, наоборот, в основном отрицала возможность существования общественных интересов, отличных от агрегата предпочтений индивидуумов (*индивидуализм*). Став в XX столетии антитезой холизму, методологический индивидуализм занял прочное место в основном русле экономической теории.

Ее основу, как известно, составляет классическая политическая экономия А. Смита, с присущей ей индивидуализмом и внутренним экономическим механизмом «невидимой руки». Завершающий этап эволюции классической политической экономии представлен в работах Дж.Ст. Милля, который, отстаивая концепцию индивидуальной свободы в противоположность неограниченному государственному контролю, внес значительный вклад в философию либерализма.

В рамках данной традиции, после и в результате маржиналистской революции, было успешно решено много непростых вопросов, включая проблемы общественных благ, которые, несмотря на их особые свойства производятся для обеспечения индивидуального спроса [Samuelson 1954]. Это обусловило разработку известной модели равновесия Векселя – Линдаля для общественных товаров, особенностью которой является процедура «вертикального суммирования» [Wicksell 1896; Lindahl 1919].

Сегодня становится очевидным, что в рамках позитивистского подхода нерешенным остался один из главных вопросов, связанный с существованием функции общественной полезности, обеспечивающей эффективное по Парето равновесие. В попытках его решения, например при разработке функции общественного благосостояния А. Бергсона, сформулирован вывод о том, что общественная полезность определяется комбинацией индивидуальных предпочтений, в которой в качестве весов выступают ценностные установки [Bergson 1938].

Иными словами, исследования показали, что внутренний механизм «невидимой руки» сам по себе, без каких-то экзогенных условий, не обеспечит оптимального равновесия, превращая функцию социальной (общественной) полезности де-факто в *нормативный* критерий, генерирующий существование множества возможных оптимумов. В сложившейся ситуации вопрос о функции социальной полезности трансформировался в проблему общественного выбора. Но в данном случае исследователей ожидала определенная неудача.

После публикации известной работы К. Эрроу с доказательством невозможности согласования индивидуальных предпочтений, в которой он обобщил «парадокс Кондорсе» [Arrow 1951], выяснилось, что проблема цикличности не исчезла. Многочисленные попытки обойти «условие диктатора» и преодолеть феномен цикличности в процессе рационального общественного выбора, основанные на использовании различных процедур голосования, т.е. вариантов его организации, существенного результата не принесли. Общественному выбору, как было показано позднее, должен предшествовать

общественный выбор о том, каким образом этот выбор совершать [Некипелов 2023]. В результате отношение экономистов к функции социальной полезности вынужденно изменилось. Стало ясно, что рассуждать о ней имеет смысл лишь с позиций ее нормативного содержания, и это уже не слишком отличается от холистических представлений, характерных для немецкой альтернативы.

В этом направлении экономической мысли главный акцент был сделан на потребностях общества как такового. Среди представителей можно выделить ряд экономистов конца XIX – начала XX века: Ф. Хермана [Herman 1870], А. Шеффле [Schäffle 1873] и К. Менгера [Menger 1923]. Несмотря на известные различия в их взглядах, главная общая черта их подходов связана с выделением интереса, присущего совокупности людей в целом. Представители германской традиции, такие как А. Шеффле, писали о потребностях, «которые не могут быть обеспечены отдельными членами общества» [Schäffle 1873, 113]. К. Менгер прямо указывал на то, что у объединений есть «общие потребности, которые не следует смешивать с потребностями их отдельных членов и даже с потребностями всех членов, вместе взятых» [Menger 1923, 8]. Эти идеи стали важной мировоззренческой опорой для КЭС.

Вместе с тем критика холистической позиции была жесткой. Основным аргумент, выдвинутый еще Х. Йехтом, заключался в том, что у социальной общности «отсутствует способный к переживаниям живой центр» [Jecht 1928, 62]. Позднее Р. Масгрейв, К. Шмидт и П. Самуэльсон развивали этот тезис, характеризуя «испытывающее потребности сообщество» как «мистический орган» или «мистический коллективный разум» [Musgrave 1959, 87; Schmidt 1964, 337; Samuelson 1954, 387].

С позиций современного знания, однако, подобные аргументы не кажутся настолько убедительными, поскольку по мере усложнения социальных связей институты способны генерировать специфические интересы общества. В этом контексте продуктивной видится позиция Х. Ритшля, который, признавая наличие интересов общества как такового, акцентировал вни-

А.Я. РУБИНШТЕЙН. Интересы индивидуумов и общества: от экономической...
мание на феномене их индивидуализации [Ritschl 1925]. Такая трактовка, предполагающая, что общие потребности генерируются социумом, но испытываются отдельными людьми через чувство общности, получила распространение в экономической теории. Она созвучна концепциям «рассеянного знания» Ф. Хайека и «аутентичного советника» Ж.-Ж. Лаффона, при этом не отвергает существования интересов общества как такового [Хайек 2001, 51–71, 89–101; Лаффон 2007, 22–23]. Приведенные идеи стали важной мировоззренческой опорой для КЭС.

Преодоление дихотомии «индивидуализм vs холизм»: философские и социологические аргументы

XX век многое изменил. Прежние аргументы «за» и «против», относящиеся к английской и германской традиции, как и дискуссия «индивидуализм vs холизм», в определенном смысле утратили актуальность. С учетом этого КЭС целесообразно рассматривать сквозь призму мультидисциплинарного подхода и более тонких рассуждений, характерных для современной философии, разделяющей и дополняющей поведение индивидуумов и общества в целом.

Показательным примером служит исследование канадского философа Ч. Тейлора, который, развивая междисциплинарный подход, выделил «неразложимо социальные блага». В отличие от общественных товаров, они по своей природе не предназначены для индивидуального потребления [Taylor 1989; Тейлор 2001]. Аргументация Тейлора, опирающаяся на философию языка Л. Витгенштейна и семиотику Ф. де Соссюра, особенно важна. Он распространил понятие «фоновое пространство значений» на социум, описывая феномен «общего понимания» – имманентной обществу «фоновой основы практик, институтов и представлений» [Тейлор 2001, 12; Витгенштейн 1994; Витгенштейн 2008; Соссюр 2000; Соссюр 2009].

Такой подход обеспечивает выход за рамки методологического индивидуализма, создавая философскую основу для признания за социумом особых свойств и потребностей. Он определяет культуру как достояние общества в целом, а не индивидов,

что вступает в прямое противоречие с классическим тезисом К. Викселля, согласно которому, «если полезность для каждого отдельного гражданина равна нулю, то совокупная полезность для всех членов общества будет равна только нулю» [Wicksell 1958, 77]. Абсолютизация этого принципа, как и сам тезис Викселля, вызывают сомнения¹.

В целом в отношении дискуссии «индивидуализм или холизм» уместно сделать апостериорный комментарий. С учетом современной теории и связанного с ней междисциплинарного подхода следует поставить два вопроса. Во-первых, каким образом общественные интересы связаны с интересами индивидуумов, составляющих общество, и можно ли всегда предполагать наличие такой связи? Во-вторых, может ли существовать объективно нейтральный критерий для определения «правильности» одной из альтернативных методологий, возникающих из разных экономических контекстов?

Эта дискуссия с особой силой развернулась в теоретической социологии XX века. Зачастую критики холизма упрощенно выводили методологический индивидуализм из того, что общество состоит из людей, а социальные целостности – лишь абстракции [Kincaid 1998, 295]. Однако такой подход оспаривали: как утверждал Р. Бхаскар, общество «всегда существует до» индивидов и является условием их деятельности [Bhaskar 1989, 36].

Постепенно главный вектор дискуссии сместился от радикальных позиций к поиску компромисса. В частности, Б. Верлен и Дж. Агасси обратили внимание на то, что методологический индивидуализм не отрицает существования коллективов, а является лишь исследовательским принципом [Верлен 2002; Agassi 1960; Agassi 1973]. Это открыло путь к синтезу: Э. Гиденс и Р. Бхаскар пришли к выводу о неальтернативности и совместимости индивидуалистского и холистического подходов

¹ Строго говоря, этот тезис Викселля, не может служить достаточным основанием для отрицания социальной полезности, ибо при ненулевых полезностях «для каждого отдельного гражданина» общественная полезность может отличаться от любой их комбинации.

А.Я. РУБИНШТЕЙН. Интересы индивидуумов и общества: от экономической...
[Giddens 1984; Giddens 2001; Бхаскар, 1991]. В том же ключе Р. Будон называл методологический индивидуализм необходимой, но недостаточной предпосылкой анализа общества, требующего рассмотрения макрофеноменов [Boudon 1988; Будон 1998].

Идею двойственности общественной жизни, в которой социальные структуры и индивидуальное поведение выступают как равнозначные и взаимодополняющие элементы, развивали также М. Крозье и А. Турен [Крозье 1993; Touraine 2005]. Фактически в теоретической социологии сформировался подход, основанный на сочетании холизма и индивидуализма без принудительного выбора первоосновы.

Таким образом, приведенные философские рассуждения, аргументация и результаты теоретической социологии свидетельствуют, по-видимому, о наличии у авторов представленных исследований общего ответа на сформулированный выше второй вопрос. Судя по всему, логика указанных исследований опирается на внутреннюю установку об *отсутствии объективного критерия* для выбора «правильной» методологии². Не требуя приверженности ни английской, ни немецкой традиции, современное понимание поведения индивидуумов и государства, их взаимодействий в социуме создает предпосылки для завершения дискуссии «индивидуализм vs холизм». Представляется целесообразным ввести в экономическую теорию новый принцип – *методологический релятивизм*, «уравнивающий в правах» индивидуальные предпочтения и интересы государства.

Релятивистская методология

Теоретическое описание «релятивистской методологии» – это не простая задача, поскольку сама категория «релятивизм» не представляет собой единую философскую концепцию. Речь идет, скорее, о совокупности различных доктрин, объединен-

² См. также статью в журнале «Вопросы философии» о «методологической середине» [Давыдов 2021], в которой автор подошел очень близко к рассмотрению проблемы выбора одного из альтернативных заключений.

ных отказом от *абсолютизма, универсализма и монизма*. Нелучайно ирландский философ М. Баграмян пишет о том, что участники дискуссий на темы релятивизма не всегда имеют «четкие представления о том, что именно они обсуждают» [Baghranian 2004, 1]. Несмотря на расплывчатость понятия релятивизма, можно выделить четыре относительно самостоятельных и не слишком пересекающихся вида релятивизма, оказавших в последние десятилетия наибольшее влияние в академической среде [Рубинштейн 2025].

Культурный релятивизм определил во многом этические и политические взгляды многих исследователей. Его ключевой позицией является положение о том, что не может быть культурно-нейтральных критериев, обеспечивающих определение правильного выбора для конфликтующих утверждений, возникающих в условиях *разных* культурных контекстов. Особенность культурного релятивизма заключается в его разделении на моральный и когнитивный [Westermarck 1912; Baghranian 2004].

Концептуальный релятивизм – это, с одной стороны, более узкая форма релятивизма, с другой – более общая; этот вид релятивизма относится к концептуальным схемам, научным парадигмам или методологиям. Кроме общего положения о том, что не существует универсальных критериев для решения вопроса, какая концептуальная схема более уместна, его принципиальная особенность заключается в том, что человеческий разум выполняет активную роль в формировании «реальности» [Putnam 1987]. Указанное применимо и к контекстам, формирующим альтернативные утверждения.

Социальный конструктивизм является еще одной формой релятивизма, содержание которого базируется на утверждении о том, что различные социальные условия определяют построение различных «миров» и что не существует нейтрального критерия для суждения о том, какой из них представляется более ценным. Конструктивистский подход, в частности, релятивизирует научное знание в той мере, в какой он утверждает, что различные социальные и концептуальные условия могут приво-

А.Я. РУБИНШТЕЙН. Интересы индивидуумов и общества: от экономической...
доть к построению разных систем знания. Это «контекстуально специфические конструкции, которые несут на себе отпечаток ситуативной обусловленности и структуры интересов, в ходе процесса их создания» [Knorr-Cetina 1984, 226].

Постмодернизм, также несущий в себе релятивистские особенности, в своей крайней форме постулирует то, что истина не является объективным и независимым от разума свойством, которое можно выявить, но создается посредством социальных взаимодействий [Rorty 1982, 5]. Более того, по мнению французского философа М. Фуко, все претензии на знание и истину – это замаскированные властные отношения. К тому же с 80-х годов XX века постмодернизм стал доминирующим теоретическим подходом в теоретической социологии, социальной антропологии и культурологических исследованиях.

Из философских доктрин релятивизма вытекают два основополагающих принципа. Во-первых, не существует объективно нейтральных критериев для выбора между конфликтующими альтернативами. Во-вторых, эти альтернативы – в нашем случае английская (индивидуализм) и германская (холизм) традиции – возникают в разных контекстах, в формировании которых главная роль отведена человеческому разуму. Именно «человекотворность» концепций индивидуализма и холизма обуславливает их равноправие.

Представленный анализ, с одной стороны, направлен на обоснование правомерности и даже целесообразности введения принципа методологического релятивизма, с другой – его использование в экономическом анализе следует рассматривать в ряду новых результатов исследования, сформировавшихся в процессе анализа эволюции КЭС и ее наследия через «увеличительное стекло» современного знания. Необходимо отметить, что, утрачивая статус «единственно правильных», индивидуализм и холизм сохраняют свой смысл и значение, но уже в рамках определенных контекстов, а главное, строгих ограничений использования соответствующих методологий. Методологический индивидуализм применим к анализу частных благ, холизм – к благам с сугубо социальной полезностью

(по Тейлору). Релятивистская методология предназначена для анализа особого класса благ – тех, что обладают двойственной, индивидуальной и социальной полезностью, удовлетворяя интересы и индивидов, и государства.

Для совокупности частных благ, как известно, интерес государства представляет собой рыночный агрегат индивидуальных предпочтений. В качестве контекста выступает неоклассическая методология, ограничения использования которой определяются теорией экономического равновесия [Arrow, Debreu 1954]. Государство в соответствии с ней выполняет лишь функции «ночного сторожа», связанные с устранением «рыночных провалов» – наличия монополии, информационной асимметрии, экстерналий и т.п.

Иное положение характерно для множества опекаемых благ, имеющих социальную полезность. В этом случае речь идет о процессах формирования интересов государстве в качестве самостоятельного рыночного игрока, при этом в роли контекста выступает теория общественного выбора, обуславливающая свои ограничения.

Общественный выбор и новая парадигма государства

В рамках рассматриваемой теоретической конструкции представлен подход к нерыночным решениям, особенностью которого стали демократические процедуры парламентских голосований [Buchanan, Tullock 1962]. Однако при всей демократизации процедур общественного выбора обращает на себя внимание тот факт, что парламентская партия (коалиция), обладающая необходимым большинством голосов, способна акцептировать любые нормативные установки и провести через голосование практически все решения, отвечающие интересам партии (см., например: [Полтерович, Попов 2007; Полтерович, Попов, Тонис 2008; Хиллман 2009]).

Сформулирую фундаментальное противоречие современного политического процесса. С одной стороны, всякая демократическая система предполагает главенство большинства, с другой – подчинение большинству нередко трансформируется в

А.Я. РУБИНШТЕЙН. Интересы индивидуумов и общества: от экономической... «уклонение за большинством»³. Соглашаясь с предпочтениями «многих» и уклоняясь за ними, всякий парламентарий подвергает себя риску пройти мимо верного выбора. Еще более значимые риски испытывает все общество, которое может оказаться вне зоны эффективных решений, что позволяет говорить о «провалах государства», связанных с ошибками в выборе его целей и формировании соответствующих интересов. Л. фон Мизес писал: «Сегодня даже многие из тех, кто поддерживает демократические институты, игнорируют эти идеи... По их мнению, большинство всегда право просто потому, что способно сокрушить любую оппозицию; власть большинства является диктаторской властью самой многочисленной партии... Такой псевдолиберализм является противоположностью либеральной доктрины» [Мизес 2005, 144].

Можно сформулировать и общий тезис: использование теории общественного выбора в качестве основы формирования интересов государства также имеет свои ограничения, которые определяются наличием соответствующих защитных механизмов, образующих «иммунную систему» социума, в том числе в виде самоорганизуемых институтов гражданского общества, способных препятствовать неверному выбору целей и бюрократическому произволу их реализации. Поиск институциональных механизмов, ограничивающих власть большинства, является одной из ключевых задач экономической и политической теории.

В начале нынешнего столетия это направление исследований стало приобретать все большую популярность. В их числе – работы французского ученого Ж.-Ж. Лаффона, который обращал внимание на тот факт, что, «несмотря на доминирование в экономике взгляда на интерес государства, как на решающий при

³ «Нетрудно устоять перед уговорами и влиянием одного злодея, но когда множество несетя под уклон с неудержимой стремительностью, то не оказаться в потоке есть признак души благородной и разума, воспитанного мужеством» (цит. по: [Ковельман 1996, 65]. Эти современного звучания слова, облеченные в изящную форму, принадлежат Филону Александрийскому, философу I в. н. э., соединившему в своих ученых трудах еврейскую традицию с греческой культурой.

выборе пути развития, “интервенция” теории групп интересов, делающей особый акцент на их влияние в формировании политических решений, продолжает расширяться» [Лаффон 2007, 23].

Исходя из этого, он ввел в свой анализ так называемого аутентичного советника правящей партии, который предлагает программу действий, увеличивающую ее выгоды [Лаффон 2007, 22]. Парламент может быть рассмотрен как совокупность «аутентичных советников» политических партий, представляющих их интересы. Такой подход дает основание для обобщения известного результата К. Эрроу о невозможности определения интересов государства в виде согласованных предпочтений парламентских партий.

Но какое содержание вкладывается в саму категорию государства? Занимаясь в течение нескольких десятилетий изучением проблем смешанной экономики [Рубинштейн 2008; Гринберг, Рубинштейн 2013; Рубинштейн 2024а], пришел к выводу об отсутствии адекватного понимания понятия «государство» и его соответствующего определения, которое бы отражало не только «суверенную форму публичной власти, обладающую аппаратом управления и принуждения, которому подчиняется все население страны», но и его непосредственные связи с экономикой и институтами гражданского общества. Отмечу также, что ни современная наука, ни международное право не предоставляют общепризнанного определения понятия «государство». С учетом этого и на основе релятивистской методологии считаю возможным предложить *принципиально новое* определение. Государство – это социальная целостность, созданная национальной или многонациональной общностью на определенной территории и функционирующая в форме метасистемы «*политическая власть – экономика – гражданское общество*» [Рубинштейн 2024а, 388; Рубинштейн 2024б, 197].

Из приведенной дефиниции следует, что интерес государства представляет собой комбинацию интересов власти, предпочтений индивидуумов, формируемых механизмом рынка, и интересов гражданского общества. Иными словами, рыночный агрегат индивидуальных предпочтений, соответствующий

А.Я. РУБИНШТЕЙН. Интересы индивидуумов и общества: от экономической... неоклассической теории, составляет лишь только часть интереса государства, что совпадает фактически с базовым утверждением КЭС о несводимости его интересов к индивидуальным предпочтениям.

Следует отметить, что обсуждая вопросы теории государства, придерживаюсь концепции социального порядка Ф. фон Хайека [Науек 1973; Хайек 1992; Хайек 2006]. В этом контексте процитирую и Р. Вагнера, который, опираясь на идеи Хайека, определяет государство как одно из проявлений «порядка, согласовывающего действия бесчисленного количества участников, преследующих различные цели» [Вагнер 2016, 90]. Этот порядок складывается спонтанно, «в результате того, что каждый его элемент осуществляет уравнивание действующих на него сил и согласовывает друг с другом все свои действия» [Хайек 2006, 69], обеспечивая согласование поведения отдельных индивидуумов и их общностей, преследующих различные цели.

Даже не слишком углубленное знакомство с концепцией культурной эволюции Хайека приводит к выводу, что ее важнейшее положение связано с принципиальным недостижением финальной точки эволюции (см. подробнее: [Капелюшников 2024а; Капелюшников 2024б]). Как пишет сам Хайек, «характер этой эволюции не прямолинеен, он складывался в процессе постоянных проб и ошибок, непрерывного “экспериментирования” в сферах, где происходило “соперничество” между порядками разного типа» [Хайек 1992, 39].

Поскольку в процессе эволюции различные элементы метасистемы «политическая власть – экономика – гражданское общество» могут оказывать большее или меньшее влияние, то во всех этих случаях степень ее сбалансированности, или, по Хайеку, мера «уравнивания действующих сил», скорее всего, будет неодинаковой. Подтверждает это и экономическая теория, свидетельствующая о наличии рыночных провалов, генерирующих увеличение вмешательства власти в экономику. Следует учитывать и провалы, связанные с реализацией нормативных установок власти [Krugger 1990; Стиглиц 1997; Радыгин, Энтов 2012];

и провалы гражданского общества, обусловленные «недостаточностью самоорганизаций» [Salamon 1987], которые также вызывают соответствующие изменения в сбалансированности элементов рассматриваемой метасистемы.

С учетом этого можно выделить особое направление развития экономической теории государства. Речь идет об исследовании структуры социальной организации государства⁴. Изучая эту структуру, нетрудно предположить существование определенных доминант, т.е. элементов триады «политическая власть – экономика – гражданское общество», преимущественное влияние которых является главной причиной общей несбалансированности. Выявление указанных доминант – непростая задача, поскольку «виновниками» подобных структурных сдвигов могут оказаться разные составляющие метасистемы. Дело в изменениях их влияния в процессе эволюции государства. Исходя из этого, можно выдвинуть гипотезу о прямой зависимости государственного управления от структуры социальной организации и проблем ее несбалансированности, связанных с наличием конкретных доминант, обуславливающих модели управления. На основе этой гипотезы выделю три базовых модели государственного управления, каждая из которых обусловлена соответствующей доминантой в структуре социальной организации:

– *рыночная модель управления*, формируемая в результате доминирования конкурентного рынка при ослаблении влияния политической власти, действия которой ограничены функциями «ночного сторожа», связанными с устранением провалов рынка;

– *модель публичного управления*, возникающая в результате усиления влияния самоуправляемых субъектов гражданского общества, ограничивающих действия политической власти, обуславливающая коллективный характер принятия решения

⁴ «Структурой социальной организации» включает весовые коэффициенты трех элементов метасистемы «политическая власть – экономика – гражданское общество», отражающие степень влияния каждого из них. В определенном смысле указанная структура является аналогом «социального порядка».

по формированию и реализации целей общественного выбора, с участием представителей гражданского общества;

– *автократическая модель управления*, формируемая в результате усиления влияния политической власти при ограничении рыночных свобод, а также гражданских прав и деятельности самоуправляемых субъектов гражданского общества, направленная на формирование и реализацию целей общественного выбора в соответствии лишь с основными установками власти.

Каждая из приведенных моделей управления, соответствующая предельным случаям структуры социальной организации, не может рассматриваться в качестве социально согласованных действий, но представляет собой спонтанный результат эволюции государства, характер которой (по Хайеку) не является прямолинейным. Его волатильность отражает эволюционные сдвиги в структуре социальной организации государства, выраженные в смене ее доминант или их устранении, обуславливающей соответствующие изменения в государственном управлении. Эволюционный характер таких изменений крайне редко проявляется в форме скачкообразного формирования одной из доминант, допуская наличие признаков той или иной модели государственного управления на разных фазах эволюции.

Определенный интерес в этой связи представляет сопоставление результатов экспертного опроса [Рубинштейн 2024б] с моделями государственного управления. С некоторыми оговорками можно сделать вывод о подтверждении связи между типом несбалансированности социальной организации государства и моделями государственного управления. Расчеты показали, в частности, что наибольший вклад в несбалансированность социальной организации настоящего времени вносит нарушение демократических принципов выборности органов власти при ограничении гражданских прав и снижении влияния граждан на то, что происходит в стране [Рубинштейн 2024б]. Иными словами, установленный высокий уровень несбалансированности социальной организации в данном случае связан с превалированием автократической модели государственно-

го управления. И отсутствие структурного баланса внутри метасистемы «власть – экономика – гражданское общество» становится препятствием для гармонизации интересов индивида и социума.

Заключение

Критический анализ КЭС и ее продолжений с позиций сегодняшнего развития теоретической экономики позволил переосмыслить некоторые результаты исследований, полученные за прошедшую четверть столетия. В качестве итогов такого анализа сформулирую четыре основных вывода.

Во-первых, можно с определенной уверенностью говорить о наличии общей логики теоретических построений, в основе которой находится релятивистская методология, уравнивающая в правах индивидуальные предпочтения и интересы государства. Данный факт позволяет рассматривать КЭС и ее наследие в виде общего комплекса идей, расширяющих границы экономического анализа.

Во-вторых, за прошедшие годы многое изменилось, и экономическая наука становится все более мультидисциплинарной, развивается с привлечением результатов и методов исследований философии, социологии, политологии и социальной психологии. Это существенно расширило арсенал теоретической экономики.

В-третьих, и, наверное, это главное, общий взгляд на КЭС и ее наследие позволил получить новые научные результаты, которые в исходной версии указанных теорий отсутствовали. Среди них – прежде всего релятивистская методология.

В-четвертых, следует отметить создание оригинальной исследовательской платформы, в основе которой находятся релятивистская методология и новая парадигма государства. Ее использование, как представляется, выводит на принципиально иной уровень вопросы о функциях государства, создавая предпосылки для появления новых идей и подходов в теоретических и прикладных исследованиях современного общества.

Таким образом, предложенная исследовательская платформа позволяет вернуться к исходной проблеме соотношения интересов индивида и общества, но уже с новым инструментарием. Фундаментальное противоречие между ними перестает восприниматься как неразрешимая дихотомия или антагонизм, требующий выбора в пользу одной из сторон – индивидуализма или холизма. Оно трансформируется в конструктивную задачу поиска и поддержания сбалансированной структуры, в рамках которой эти разнородные интересы выступают не противоположными силами, а взаимосвязанными и неотъемлемыми элементами единой социальной целостности. Ключевым становится не вопрос о том, чьи интересы должны доминировать, а о том, как выстроить их взаимодействие для обеспечения устойчивости и развития всей метасистемы «политическая власть – экономика – гражданское общество».

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Будон 1998 – Будон Р. Место беспорядка: критика теорий социального изменения / пер. с фр. М.М. Кириченко; науч. ред. пер. М.Ф. Черныш. – М.: Аспект пресс, 1998.

Бхаскар 1991 – Бхаскар Р. Общества // Социо-логос. Общество и сферы смысла. Вып. 1 / сост. и общ. ред. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. – М.: Прогресс, 1991.

Вагнер 2016 – Вагнер Р. Фискальная социология и теория государственных финансов: исследовательское эссе // Экономическая социология. 2016. Т. 17. № 2. С. 88–110.

Верлен 2002 – Верлен Б. Объективизм Поппера и метод критического рационализма // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 4. С. 3–24.

Витгенштейн 1994 – Витгенштейн Л. Философские работы: в 2 ч. Ч. 1 / пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. – М.: Гнозис, 1994.

Витгенштейн 2008 – Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. и англ. И.С. Добронравова, Д.Г. Лахути. – М.: Канон+, 2008.

Гринберг, Рубинштейн 1997 – Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Социальная экономика: введение в новую аксиоматику // Российский экономический журнал. 1997. № 1. С. 77–89.

Гринберг, Рубинштейн 1998 – *Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Проблемы общей теории социальной экономики // Экономическая наука современной России. 1998. № 2. С. 34–56.

Гринберг, Рубинштейн 2013 – *Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Индивидуум & государство: экономическая дилемма. – М.: Весь мир, 2013.

Давыдов 2021 – *Давыдов А.П.* Методологическая «середина-для» в ракурсе не классики В. Лекторского, медиации А. Ахиезера и принципа комплементарности Р. Гринберга / А. Рубинштейна // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 191–202.

Капелюшников 2024а – *Капелюшников Р.И.* Концепция культурной эволюции Ф.А. Хайека и эволюционная психология (Часть первая) // Вопросы экономики. 2024. № 6. С. 5–25.

Капелюшников 2024б – *Капелюшников Р.И.* Концепция культурной эволюции Ф.А. Хайека и эволюционная психология (Часть вторая) // Вопросы экономики. 2024. № 7. С. 25–52.

Ковельман 1996 – *Ковельман А.Б.* Толпа и мудрецы Талмуда. – М.; Иерусалим: Евр. ун-т в Москве, 1996.

Крозье 1993 – *Крозье М.* Современное государство – скромное государство. Другая стратегия изменения // Свободная мысль. 1993. № 11. С. 35–43.

Лаффон 2007 – *Лаффон Ж.-Ж.* Стимулы и политэкономия / пер. с англ. Н.В. Шиловой; ред. Г.Е. Шерихова. – М.: ГУ ВШЭ, 2007.

Мизес 2005 – *Мизес Л.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Челябинск: Социум, 2005.

Некипелов 2023 – *Некипелов А.Д.* Поиск социального оптимума: погоня за призраком? // Вестник Российской академии наук. 2023. Т. 93. № 5. С. 415–427.

Полтерович, Попов 2007 – *Полтерович В.М., Попов В.В.* Демократизация и экономический рост // Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 13–27.

Полтерович и др. 2008 – *Полтерович В.М., Попов В.В., Тонис А.С.* Нестабильность демократии в странах, богатых ресурсами // Экономический журнал ВШЭ. 2008. Т. 12. № 2. С. 176–200.

Радыгин, Энтов 2012 – *Радыгин А.Д., Энтов Р.М.* «Провалы государства»: теория и политика // Вопросы экономики. 2012. № 12. С. 4–30.

Рубинштейн 2008 – *Рубинштейн А.Я.* Экономика общественных предпочтений: структура и эволюция социального интереса. – СПб.: Алетейя, 2008.

А.Я. РУБИНШТЕЙН. Интересы индивидуумов и общества: от экономической...

Рубинштейн 2024а – *Рубинштейн А.Я.* Общая теория опекаемых благ: учебник. – СПб.: Алетейя, 2024.

Рубинштейн 2024б – *Рубинштейн А.Я.* Социальная организация государства: проблема сбалансированности // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 4 (65). С. 196–217.

Рубинштейн 2025 – *Рубинштейн А.Я.* О коррекции некоторых положений теоретической экономики // Вопросы экономики. 2025. № 5. С. 66–82.

Соссюр 2000 – *Соссюр Ф. де.* Заметки по общей лингвистике / пер. с фр. Б.П. Нарумова; общ. ред., вступ. ст. и коммент. Н.А. Слюсаревой. – М.: Прогресс, 2000.

Соссюр 2009 – *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики / пер. с фр. А.М. Сухотина; под ред. Р.И. Шор. – М.: URSS, 2009.

Стиглиц 1997 – *Стиглиц Дж.Ю.* Экономика государственного сектора. – М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М, 1997.

Тейлор 2001 – *Тейлор Ч.* Неразложимо социальные блага // Неприкосновенный запас. 2001. № 4 (18). С. 7–18.

Хайек 1992 – *Хайек Ф.А.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / пер. с англ. Е. Осиновой, под ред. Е. Гордеевой. – М.: Новости; Catallaxy, 1992.

Хайек 2001 – *Хайек Ф.А.* Индивидуализм и экономический порядок. – М.: Изограф, 2001.

Хайек 2006 – *Хайек Ф.А.* Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера, А. Кустарева. – М.: ИРИСЭН, 2006.

Хиллман 2009 – *Хиллман А.* Государство и экономическая политика: возможности и ограничения управления: учеб. пособие / пер. с англ. под науч. ред. В.В. Бусыгина, М.И. Левина. – М.: ГУ ВШЭ, 2009.

Agassi 1960 – *Agassi J.* Methodological Individualism // The British Journal of Sociology. 1960. Vol. 11. No. 3. P. 244–270.

Agassi 1973 – *Agassi J.* Methodological Individualism // Modes of Individualism and Collectivism / ed. by J. O'Neill. – London: Heinemann, 1973.

Arrow 1951 – *Arrow K.J.* Social Choice and Individual Values. – New York: Wiley, 1951.

Arrow, Debreu 1954 – *Arrow K.J., Debreu G.* Existence of an Equilibrium for a Competitive Economy // Econometrica. 1954. Vol. 22. No. 3. P. 265–290.

Baghratian 2004 – *Baghratian M.* The Many Faces of Relativism. – London: Routledge, 2004.

Bergson 1938 – *Bergson A.* A Reformulation of Certain Aspects of Welfare Economics // The Quarterly Journal of Economics. 1938. Vol. 52. No. 2. P. 310–334.

Bhaskar 1989 – *Bhaskar R.* The Possibility of Naturalism: A Philosophical Critique of the Contemporary Human Sciences. – 2nd ed. – London: Harvester Wheatsheaf, 1989.

Boudon 1988 – *Boudon R.* Will Sociology Ever be a “Normal Science?” // Theory and Society. 1988. Vol. 17. No. 5. P. 747–777.

Buchanan, Tullock 1962 – *Buchanan J., Tullock G.* The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962.

Giddens 1984 – *Giddens A.* The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. – Cambridge, UK: Polity Press, 1984.

Giddens 2001 – *Giddens A.* Sociology. – Cambridge, UK: Polity Press, 2001.

Grinberg, Rubinstein 1999 – *Grinberg R., Rubinstein A.* Ökonomische Soziodynamik und rationales Verhalten des Staates. – Köln: Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien, 1999.

Grinberg, Rubinstein 2005 – *Grinberg R., Rubinstein A.* Economic Sociodynamics. – Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2005.

Hayek 1973 – *Hayek F.A.* Rules and Order. – Chicago: University of Chicago Press, 1973.

Hermann 1870 – *Hermann F.B.W.* Staatswirtschaftliche Untersuchungen. – 2. Aufl. – München: Fleischmann, 1870.

Jecht 1928 – *Jecht H.* Wesen und Formen der Finanzwirtschaft. – Jena: Gustav Fischer, 1928.

Kincaid 1998 – *Kincaid H.* Methodological Individualism/Atomism // The Handbook of Economic Methodology / ed. by J.B. Davis, D.W. Hands, U. Mäki. – London: Edward Elgar, 1998. P. 294–300.

Knorr-Cetina 1984 – *Knorr-Cetina K.* Die Fabrikation von Erkenntnis: Zur Anthropologie der Naturwissenschaft. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984.

Krueger 1990 – *Krueger A.* Government Failures in Development // Journal of Economic Perspectives. 1990. Vol. 4. No. 3. P. 9–23.

Lindahl 1919 – *Lindahl E.* Die Gerechtigkeit der Besteuerung: Eine Analyse der Steuerprinzipien auf Grundlage der Grenznutzentheorie. – Lund: Gleerup, 1919.

Menger 1923 – *Menger C.* Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. – 2. Aufl. – Wien; Leipzig: Hölder-Pichler-Tempsky; G. Freytag, 1923.

А.Я. РУБИНШТЕЙН. Интересы индивидуумов и общества: от экономической...

Musgrave 1959 – *Musgrave R.A.* The Theory of Public Finance. – New York: McGraw-Hill, 1959.

Putnam 1987 – *Putnam H.* Truth and Convention: On Davidson's Refutation of Conceptual Relativism // *Dialectica*. 1987. Vol. 41. No. 1–2. P. 69–77.

Ritschl 1925 – *Ritschl H.* Theorie der Staatswirtschaft und Besteuerung. – Bonn: K. Schröder, 1925.

Rorty 1982 – *Rorty R.* Consequences of Pragmatism: Essays, 1972–1980. – Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1982.

Salamon 1987 – *Salamon L.* Partners in Public Service: The Scope and Theory of Government-Nonprofit Relations // *The Nonprofit Sector: A Research Handbook* / ed. by W.W. Powell. – New Haven, CT.: Yale University Press, 1987. P. 99–117.

Samuelson 1954 – *Samuelson P.A.* The Pure Theory of Public Expenditure // *Review of Economics and Statistics*. 1954. Vol. 36. No. 4. P. 387–389.

Schäffle 1873 – *Schäffle A.E.F.* Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirtschaft. Bd. 1. – 3. Aufl. – Tübingen: H. Laupp, 1873.

Schmidt 1964 – *Schmidt K.* Zur Geschichte der Lehre von den Kollektivbedürfnissen // *Systeme und Methoden in den Wirtschafts- und Sozialwissenschaften. Erwin von Beckerath zum 75. Geburtstag* / hrsg. von N. Kloten, W. Krelle, H. Müller, F. Neumark. – Tübingen: J.C.B. Mohr, 1964. S. 335–362.

Taylor 1989 – *Taylor C.* Cross-Purposes: The Liberal-Communitarian Debate // *Liberalism and Moral Life* / ed. by N. Rosenblum. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. P. 159–182.

Touraine 2005 – *Touraine A.* Un nouveau paradigme. Pour comprendre le monde d'aujourd'hui. – Paris: Fayard, 2005.

Westermarck 1912 – *Westermarck E.* The Origin and Development of Moral Ideas. Vol. 1. – London: Macmillan, 1912.

Wicksell 1896 – *Wicksell K.* Finanztheoretische Untersuchungen nebst Darstellung und Kritik des Steuerwesens Schwedens. – Jena: G. Fischer, 1896.

Wicksell 1958 – *Wicksell K.* A New Principle of Just Taxation // *Classics in the Theory of Public Finance* / ed. by R.A. Musgrave, A.T. Peacock. – London: Macmillan, 1958. P. 72–118.

REFERENCES

Agassi J. (1960) Methodological Individualism. *The British Journal of Sociology*. Vol. 11, no. 3, pp. 244–270.

Agassi J. (1973) Methodological Individualism. In: O'Neill J. (Ed.) *Modes of Individualism and Collectivism*. London: Heinemann.

Arrow K.J. (1951) *Social Choice and Individual Values*. New York: Wiley.

Arrow K.J. & Debreu G. (1954) Existence of an Equilibrium for a Competitive Economy. *Econometrica*. Vol. 22, no. 3, pp. 265–290.

Baghramian M. (2004) *The Many Faces of Relativism*. London: Routledge.

Bergson A. (1938) A Reformulation of Certain Aspects of Welfare Economics. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 52, no. 2, pp. 310–334.

Bhaskar R. (1989) *The Possibility of Naturalism: A Philosophical Critique of the Contemporary Human Sciences* (2nd ed.). London: Harvester Wheatsheaf.

Bhaskar R. (1991) Societies. In: Vinokurov V.V. & Filippov A.F. (Comps. & Eds.) *Socio-Logos. Society and Spheres of Meaning* (Issue 1). Moscow: Progress (Russian translation).

Boudon R. (1988) Will Sociology Ever be a “Normal Science?”. *Theory and Society*. Vol. 17, no. 5, pp. 747–777.

Boudon R. (1998) *The Place of Disorder: A Critique of Theories of Social Change* (M.M. Kirichenko, Trans.; M.F. Chernysh, Ed.). Moscow: Aspekt press (Russian translation).

Buchanan J. & Tullock G. (1962) *The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Crozier M. (1993) The Modern State – A Modest State. Another Strategy for Change. *Svobodnaya mysl'*. No. 11, pp. 35–43 (in Russian).

Davydov A.P. (2021) The Methodological “Middle-for” from the Perspective of V. Lektorsky’s Non-Classics, A. Akhiezer’s Mediation, and the Complementarity Principle of R. Grinberg and A. Rubinstein. *Voprosy filosofii*. No. 4, pp. 191–202 (in Russian).

Giddens A. (1984) *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge, UK: Polity Press.

Giddens A. (2001) *Sociology*. Cambridge, UK: Polity Press.

Grinberg R. & Rubinstein A. (1999) *Ökonomische Soziodynamik und rationales Verhalten des Staates*. Köln: Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien (in German).

Grinberg R.S. & Rubinstein A.Ya. (1997) Social Economics: An Introduction to a New Axiomatics. *Russian Economic Journal*. No. 1, pp. 77–89 (in Russian).

Grinberg R.S. & Rubinstein A.Ya. (1998) Problems of the General Theory of Social Economy. *Economics of Contemporary Russia*. No. 2, pp. 34–56 (in Russian).

А.Я. РУБИНШТЕЙН. Интересы индивидуумов и общества: от экономической...

Grinberg R. & Rubinstein A. (2005) *Economic Sociodynamics*. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag.

Grinberg R.S. & Rubinstein A.Ya. (2013) *The Individual & the State: An Economic Dilemma*. Moscow: Ves' mir (in Russian).

Hayek F.A. (1973) *Rules and Order*. Chicago: University of Chicago Press.

Hayek F.A. (1992) *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism* (E. Osinova, Trans.; E. Gordeeva, Ed.). Moscow: Novosti; Catallaxy (Russian translation).

Hayek F.A. (2001) *Individualism and Economic Order*. Moscow: Izograf (Russian translation).

Hayek F.A. (2006) *Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy* (B. Pinsker & A. Kustarev, Trans.). Moscow: IRISEN (Russian translation).

Hermann F.B.W. (1870) *Staatwirtschaftliche Untersuchungen* (2nd ed.). Munich: Fleischmann (in German).

Hillman A.L. (2009) *Public Finance and Public Policy: Responsibilities and Limitations of Government* (V.V. Busygin & M.I. Levin, Eds.). Moscow: State University Higher School of Economics (Russian translation).

Jecht H. (1928) *Wesen und Formen der Finanzwirtschaft*. Jena: Gustav Fischer (in German).

Kapelyushnikov R.I. (2024a) F.A. Hayek's Concept of Cultural Evolution and Evolutionary Psychology (Part One). *Voprosy ekonomiki*. No. 6, pp. 5–25 (in Russian).

Kapelyushnikov R.I. (2024b) F.A. Hayek's Concept of Cultural Evolution and Evolutionary Psychology (Part Two). *Voprosy ekonomiki*. No. 7, pp. 25–52 (in Russian).

Kincaid H. (1998) Methodological Individualism/Atomism. In: Davis J.B., Hands D.W., & Mäki U. (Eds.) *The Handbook of Economic Methodology* (pp. 294–300). London: Edward Elgar.

Knorr-Cetina K. (1984) *Die Fabrikation von Erkenntnis: Zur Anthropologie der Naturwissenschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp (in German).

Kovelman A.B. (1996) *The Crowd and the Sages of the Talmud*. Moscow & Jerusalem: Jewish University in Moscow (in Russian).

Krueger A. (1990) Government Failures in Development. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 4, no. 3, pp. 9–23.

Laffont J.-J. (2007) *Incentives and Political Economy* (N.V. Shilova, Trans.; G.E. Sherikhova, Ed.). Moscow: State University Higher School of Economics (Russian translation).

Lindahl E. (1919) *Die Gerechtigkeit der Besteuerung: Eine Analyse der Steuerprinzipien auf Grundlage der Grenznutzentheorie*. Lund: Gleerup (in German).

Menger C. (1923) *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre* (2nd ed.). Wien & Leipzig: Hölder-Pichler-Tempsky; G. Freytag (in German).

Mises L. von (2005) *Human Action: A Treatise on Economics* (2nd ed.). Chelyabinsk: Sotsium (Russian translation).

Musgrave R.A. (1959) *The Theory of Public Finance*. New York: McGraw-Hill.

Nekipelov A.D. (2023) The Search for a Social Optimum: A Chase for a Ghost? *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 93, no. 5, pp. 415–427 (in Russian).

Polterovich V.M. & Popov V.V. (2007) Democratization and Economic Growth. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 2, pp. 13–27 (in Russian).

Polterovich V.M., Popov V.V., & Tonis A.S. (2008) Instability of Democracy in Resource-Rich Countries. *HSE Economic Journal*. Vol. 12, no. 2, pp. 176–200 (in Russian).

Putnam H. (1987) Truth and Convention: On Davidson's Refutation of Conceptual Relativism. *Dialectica*. Vol. 41, no. 1–2, pp. 69–77.

Radygin A.D. & Entov R.M. (2012) "Government Failures": Theory and Policy. *Voprosy ekonomiki*. No. 12, pp. 4–30 (in Russian).

Ritschl H. (1925) *Theorie der Staatswirtschaft und Besteuerung*. Bonn: K. Schröder (in German).

Rorty R. (1982) *Consequences of Pragmatism: Essays, 1972–1980*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.

Rubinstein A.Ya. (2008) *The Economics of Public Preferences: The Structure and Evolution of Social Interest*. Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

Rubinstein A.Ya. (2024a) *General Theory of Merit Goods: A Textbook*. Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

Rubinstein A.Ya. (2024b) The Social Organization of the State: The Problem of Balance. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*. No. 4, pp. 196–217 (in Russian).

Rubinstein A.Ya. (2025) On the Correction of Some Provisions of Theoretical Economics. *Voprosy ekonomiki*. No. 5, pp. 66–82 (in Russian).

Salamon L. (1987) Partners in Public Service: The Scope and Theory of Government-Nonprofit Relations. In: Powell W.W. (Ed.) *The Nonprofit Sector: A Research Handbook* (pp. 99–117). New Haven, CT: Yale University Press.

Samuelson P.A. (1954) The Pure Theory of Public Expenditure. *Review of Economics and Statistics*. Vol. 36, no. 4, pp. 387–389.

А.Я. РУБИНШТЕЙН. Интересы индивидуумов и общества: от экономической...

Saussure F. de (2000) *Writings in General Linguistics* (B.P. Narumov, Trans.; N.A. Slyusareva, Ed.). Moscow: Progress (Russian translation).

Saussure F. de (2009) *Course in General Linguistics* (A.M. Sukhotin, Trans.; R.I. Shor, Ed.). Moscow: URSS (Russian translation).

Schäffle A.E.F. (1873) *Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirtschaft* (Vol. 1; 3rd ed.). Tübingen: H. Laupp (in German).

Schmidt K. (1964) Zur Geschichte der Lehre von den Kollektivbedürfnissen. In: Kloten N., Krelle W., Müller H., & Neumark F. (Eds.) *Systeme und Methoden in den Wirtschafts- und Sozialwissenschaften. Erwin von Beckerath zum 75. Geburtstag* (pp. 335–362). Tübingen: J.C.B. Mohr (in German).

Stiglitz J.E. (1997) *Economics of the Public Sector*. Moscow: Moscow University Press; INFRA-M (Russian translation).

Taylor C. (1989) Cross-Purposes: The Liberal-Communitarian Debate. In: Rosenblum N. (Ed.) *Liberalism and Moral Life* (pp. 159–182). Cambridge, MA: Harvard University Press.

Taylor C. (2001) Irreducibly Social Goods. *Neprikosnovennyy zapas*. No. 4 (18), pp. 7–18 (in Russian).

Touraine A. (2005) *Un nouveau paradigme. Pour comprendre le monde d'aujourd'hui*. Paris: Fayard (in French).

Wagner R. (2016) Fiscal Sociology and the Theory of Public Finance: A Research Essay. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*. Vol. 17, no. 2, pp. 88–110 (Russian translation).

Werlen B. (2002) Popper's Objectivism and the Method of Critical Rationalism. *Sotsiologicheskoe obozrenie = Russian Sociological Review*. Vol. 2, no. 4, pp. 3–24 (Russian translation).

Westermarck E. (1912) *The Origin and Development of Moral Ideas* (Vol. 1). London: Macmillan.

Wicksell K. (1896) *Finanztheoretische Untersuchungen nebst Darstellung und Kritik des Steuerwesens Schwedens*. Jena: G. Fischer (in German).

Wicksell K. (1958) A New Principle of Just Taxation. In: Musgrave R.A. & Peacock A.T. (Eds.) *Classics in the Theory of Public Finance* (pp. 72–118). London: Macmillan.

Wittgenstein L. (1994) *Philosophical Works* (Part 1; M.S. Kozlova & Yu.A. Aseev, Trans.). Moscow: Gnozis (Russian translation).

Wittgenstein L. (2008) *Tractatus Logico-Philosophicus* (I.S. Dobronravov & D.G. Lakhuti, Trans.). Moscow: Kanon+ (Russian translation).

Доверие как социальная проблема

П.М. Козырева, А.И. Смирнов

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Аннотация

На основе данных социологических исследований осуществлен анализ базовых трендов эволюции и проблем формирования доверия в современном российском обществе при изучении медиационных процессов. Внимание сфокусировано на сравнительном анализе динамики обобщенного (генерализованного) и межличностного доверия в условиях развития событий чрезвычайного характера. По результатам исследования выявлен существенный дефицит доверия в российском обществе как важнейшего ресурса социального согласия и социальной сплоченности. Установлено, что сегодня среди россиян преобладают граждане, с большой долей недоверия или крайне негативно относящиеся к другим (посторонним, незнакомым) людям. Вместе с тем выявленные в течение последних лет позитивные сдвиги в уровне обобщенного доверия, достигнутые за счет сокращения доли граждан, полагающих, что с людьми всегда нужно быть осторожным, и роста весомости «срединного» кластера, т.е. увеличения доли лиц, которые считают, что доверять или не доверять другим людям нужно в зависимости от человека и конкретных условий, в большей мере отражают готовность россиян к сплочению и объединению усилий перед лицом возросших внутренних и внешних угроз. Отдельного внимания заслуживают позитивные тенденции, свидетельствующие об укреплении межэтнического доверия, играющего особую роль в общенациональной консолидации. Отмечается, что в условиях длительной нестабильности и неопределенности наблюдается повышение противоречивости массового сознания, обусловленного влиянием ситуационных факторов. На фоне роста у россиян удовлетворенности своей жизнью в целом и отдельными ее сторонами, высокого уровня субъективного ощущения счастья наблюдается некоторое снижение межличностного доверия. Повышение готовности прийти на помощь другим людям, объединяться для совместных действий соседствует с ухудшением оценок возможности получения поддержки и помощи со

стороны окружения. В контексте медиационных процессов эти тенденции указывают на потенциал перехода от дихотомического мышления («доверие – недоверие») к рациональному подходу в формировании доверия. Это актуализирует развитие социальных механизмов, способных транслировать установки обобщенного доверия в практику межличностных отношений.

Ключевые слова: социальное доверие, обобщенное доверие, межличностное доверие, идентичность, социальная адаптация, медиация, социальная сплоченность, социальное самочувствие, социальный капитал.

Козырева Полина Михайловна – доктор социологических наук, заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН, заведующая Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики НИУ «Высшая школа экономики».

pkozyreva@isras.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3034-8521>

Смирнов Александр Ильич – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

smir_al@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7078-6203>

Для цитирования: *Козырева П.М., Смирнов А.И. Доверие как социальная проблема // Философские науки. 2025. Т. 68. № 3. С. 38–61. DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-3-38-61*

Trust as a Social Problem

P.M. Kozyreva, A.I. Smirnov

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article draws on sociological data to analyze the principal trends and challenges affecting the formation of trust in contemporary Russian society, with a particular focus on mediation processes. The analysis centers on the relationship between generalized and interpersonal trust, especially during periods of crisis. The findings reveal a significant trust deficit in Russian society, a condition that undermines a critical resource for social consen-

sus and cohesion. At present, a majority of Russians report considerable distrust or heightened wariness toward strangers. Despite this trend, levels of generalized trust have shown a notable positive shift in recent years. This improvement is attributed to a shrinking share of respondents who believe one must always be cautious with others and by the expansion of a “middle” cluster – those who judge whether to trust others depending on the person and context. These shifts largely reflect a greater public readiness to foster solidarity in response to mounting internal and external threats. Notably, this period has also seen a strengthening of inter-ethnic trust, a key component of national consolidation. Under conditions of prolonged instability and uncertainty, mass consciousness has become increasingly contradictory and susceptible to situational factors. At the same time, while Russians report rising satisfaction with their lives and high levels of subjective happiness, interpersonal trust has shown some decline. An increased willingness to help others and to engage in collective action now coexists with a diminished expectation of receiving support from one’s immediate social circle. From the perspective of mediation processes, these trends indicate a potential shift away from a rigid trust–distrust dichotomy toward a more rational, discerning basis for social trust. This underscores the need for social mechanisms that translate orientations toward generalized trust into everyday interpersonal practice.

Keywords: social trust, generalized trust, interpersonal trust, identity, social adaptation, mediation, social cohesion, social well-being, social capital.

Polina M. Kozyreva – D.Sc. in Sociology, Deputy Director, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Head of the Center for Longitudinal Studies at the Institute for Social Policy, National Research University Higher School of Economics.

pkozyreva@isras.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3034-8521>

Alexander I. Smirnov – D.Sc. in Sociology, Chief Research Fellow, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

smir_al@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7078-6203>

For citation: Kozyreva P.M. & Smirnov A.I. (2025) Trust as a Social Problem. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 68, no. 3, pp. 38–61.

DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-3-38-61

Введение

События чрезвычайного характера, стремительно разворачивающиеся в нашей стране в последнее десятилетие на фоне характерного для современного мира динамизма и усложнения жизни, поставили российское общество перед новыми колоссальными вызовами, ответ на которые требует высокого уровня социальной сплоченности и консолидации усилий всех граждан. В условиях неопределенности и нестабильности, наполненности повседневной жизни травматическими событиями особое значение приобретает доверие как необходимое условие и фактор эффективного взаимодействия между людьми и социальными институтами.

Доверие относится к важнейшим проблемам общественных наук. Научная литература о проблеме доверия отличается огромным многообразием подходов, концепций и теорий, количество и разнообразие которых продолжает постоянно нарастать. Оставляя за скобками анализ многочисленных трактовок доверия, отражающих сложность, многогранность и противоречивость данного социально-психологического феномена, отметим, что в нашем исследовании доверие рассматривается в соответствии с одним из наиболее распространенных подходов в социологии как уверенность (confidence) в надежности человека или системы [Giddens 1990, 34], как возникающее у членов сообщества ожидание от других предсказуемого, честного, ответственного поведения [Фукуяма 2004, 53]. В русле такого подхода доверие может рассматриваться не только как «ожидание», но и как «уверенность», сочетающаяся с «основанными на ней действиями» [Штомпка 2012, 82], или как избегающая недосказанности, упрощенности дихотомической полярности («доверяю – не доверяю») «степень уверенности» в том, что «объект доверия не станет источником вреда для доверяющего» [Монд 2023, 145]. При этом доверие рассматри-

вается как один из наиболее значимых элементов социального капитала, отражающий качество и эффективность социальных взаимоотношений, и одновременно как основание для его формирования и развития [Coleman 1988; Putnam 1995; Adler, Kwon 2002; Штомпка 2012; Фукуяма 2004].

Доверие присутствует во всех сферах общественной жизни и проявляется на всех уровнях человеческой организации, выполняя множество важных функций. В социологии различают личное, коллективное и категориальное доверие, межличностное доверие между близкими и знакомыми людьми, межличностное доверие между незнакомыми людьми, доверие к общественным и частным институтам. Рассматривают также различные безличные формы доверия – обобщенное, системное, базовое, организационное, а также доверие различным абстрактным конструктам, таким как роли и т.п. [Алексеева 2009; Штомпка 2012; Леонова 2015; Монд 2023; Цзинь и др. 2024; Kramer 2010].

Анализ динамики такого сложного социально-психологического феномена, как доверие в различных его проявлениях, позволяет лучше понять особенности адаптации россиян к переменам в окружающей действительности, оценить возможности и риски повышения уровня консолидации общества. Особый интерес представляет сегодня анализ изменений, которые произошли в последнее десятилетие, когда россияне столкнулись с такими беспрецедентными вызовами, значительно усложнившими жизнь людей и обострившими все проблемы общества, как последствия жесткого противостояния с западными странами, пандемия коронавируса COVID-19 и специальная военная операция (СВО) на Украине.

В настоящей статье проведен анализ ключевых тенденций и проблем формирования доверия в российском обществе на современном этапе его развития. Внимание фокусируется на сравнительном анализе динамики обобщенного (генерализованного) и межличностного доверия. Анализ основан на данных исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Россий-

ской академии наук (ФНИСЦ РАН) и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) / Russian Longitudinal Monitoring Survey, RLMS-HSE¹.

Обобщенное (генерализованное) доверие

Важнейшим интегральным показателем, отражающим уровень общественного благополучия, готовности к позитивным взаимодействиям, является обобщенное (генерализованное) доверие (generalized trust). В силу своих особенностей обобщенное доверие нередко рассматривается в качестве главного, стратегического вида доверия, поскольку считается, что только оно представляет собой действительную моральную ценность, является основой социальной солидарности [Uslaner 2002]. Доверие к другим людям связывается с экономическим прогрессом, высоким уровнем образования, гражданской активностью, стремлением к социальной интеграции и сотрудничеству, сокращением социального неравенства, многими другими позитивными явлениями и процессами [Delhey, Newton 2003; Uslaner 2003]. В многонациональной России обобщенное доверие, играющее важнейшую роль в формировании российской идентичности, рассматривается также как естественная предпосылка общенациональной консолидации и один из социокультурных источников формирования полиэтнической российской нации [Рыжова 2021].

В связи с этим представляет большой интерес исследование проблем доверия в контексте изучения медиационных процессов, которое направленно на поиск механизмов стимулирования диалога в обществе [Давыдов 2024]. Так, обобщенное до-

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>; <http://www.hse.ru/rlms>).

верие занимает одно из ведущих мест в концепции А.А. Аузана, в основе которой находится положение о наличии в России двух культурных ядер: индивидуалистской России и коллективистской России, представленных разными типами населенных пунктов и разными регионами. В качестве решения проблемы культурно-ценностного раскола автором предлагается концепция трех «Д» (3Д): долгосрочный взгляд, доверие большинству людей и договороспособность [Аузан 2024], предполагающая использование потенциала обоих культурных ядер в качестве «моторов» развития, избегая их «взаимной блокировки» [Аузан 2023, 76].

В научной литературе отсутствует четкое общепринятое определение понятия обобщенного доверия. Но принято считать, что оно характеризует уровень доверия по отношению к людям вообще, т.е. не к «своим» или «чужим», а ко всем в целом. Для измерения уровня обобщенного доверия используется традиционный для подобных исследований вопрос: «Считаете ли вы, что большинству людей можно доверять или что в отношениях с людьми всегда надо быть осторожными?». Ответы на этот вопрос отражают одновременно мировоззренческую установку или склонность к доверию респондентов, их оценку предрасположенности других людей к доверию, а также стереотипы респондентов в отношении людей как категории, полученные из личного опыта или культурной среды [Монд 2023, 150]. Эти ответы обычно фиксируют с помощью дихотомии: «Большинству людей можно доверять» или «В отношениях с людьми всегда надо быть осторожным». В РМЭЗ НИУ ВШЭ включена дополнительная позиция: «И то, и другое, в зависимости от человека, условий»². Наличие такой срединной позиции позволяет точнее фиксировать мнения респондентов, избегая крайностей, противопоставления дихотомических полюсов, т.е. исследовать обобщенное доверие в ракурсе медиационного мышления, предполагающего «отказ

² Подробнее об интерпретации этой дополнительной позиции в российских обследованиях см.: [Bahry et al. 2005]. Об интерпретации в обследованиях, проведенных в США и Канаде, см.: [Nishikawa, Stolle 2012].

от мышления противоположными черно-белыми абсолютами» [Давыдов 2024, 140].

Исследования убеждают в том, что обобщенное доверие относится к устойчивым характеристикам общества и выступает одним из факторов прочности системы идентичностей россиян [Дробижева 2020, 39]. Несмотря на свою фундаментальность, это доверие может изменяться. Так, под влиянием негативных внешних шоков обобщенное доверие может существенно снижаться, как это было, например, в 90-е годы XX века [Реутов, Реутова 2015]. При этом такие падения могут занимать несколько лет, тогда как накопление доверия происходит очень медленно, требуя десятилетий [Антипина, Кривицкая 2024, 43]. Помимо этого, обобщенное доверие подвержено влиянию различных ситуационных факторов, особенно связанных с угрозой личной безопасности [Рыжова 2021, 37]. Исследования демонстрируют тесную взаимосвязь обобщенного доверия с установками, касающимися общей удовлетворенности собственной жизнью и положением дел в стране [Мерсиянова, Брюхно 2023, 31].

Такие чрезвычайные события, как пандемия коронавируса, СВО, мощное санкционное давление западных стран, с которыми россиянам не приходилось сталкиваться ранее, стали серьезными испытаниями для всего общества и повлияли на все формы отношений и взаимодействия в обществе, уровень доверия граждан к другим людям. Несмотря на это, возникшие трудности не привели к разобщению, дезинтеграции общества. Как утверждают М.К. Горшков и И.О. Тюрина, с одной стороны, чрезвычайные события послужили импульсом для подъема уровня гражданской идентичности, являющейся важнейшим ресурсом сплоченности и устойчивости российского общества. С другой – очень четко обозначилась консолидация общества по ключевым вопросам настоящего и будущего страны. Укрепилась уверенность в том, что страна идет в правильном направлении, вне рамок общественного согласия по важнейшим вопросам дальнейшего развития и устройства страны остаются те, кто не поддерживает проведение СВО. Это сравнительно



Рис. 1. Динамика распределения ответов респондентов на вопрос «Считаете ли вы, что большинству людей можно доверять или что в отношениях с людьми всегда надо быть осторожными?», %³

небольшая группа, выделявшаяся до событий 2022 года неприятием политического курса страны. Из сложившегося мировоззренческого консенсуса также «выпадает» часть российской молодежи в возрасте до 25 лет [Горошков, Тюрина 2023, 731]. Вместе с тем исследование, проведенное Н.Е. Тихоновой и И.В. Дудиным, показало, что способствующая консолидации российского общества идентичность с гражданами России очень четко выражена сегодня у менее чем 30 % представителей массовых слоев [Тихонова, Дудин 2024].

Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ свидетельствуют о том, что, несмотря на позитивные сдвиги, уровень обобщенного доверия остается низким. Это препятствует более полной реализации существующего в обществе потенциала солидаризации. Как видно на рисунке 1, в течение анализируемого периода доля респондентов, доверяющих большинству людей без каких-либо оговорок («склонные к доверию»), варьировала в узких границах, не превышая одной пятой от числа опрошенных. Эту скромную по численности группу составляют граждане, которые не только уверены в надежности других людей, всегда ожидают от них предсказуемого, понятного и ответственного

³ Не приведены данные о позиции «затруднились ответить».

поведения, но в большей мере, чем представители других категорий респондентов, признают за любыми, самыми разными людьми всю совокупность человеческих качеств и прав, в том числе право быть независимым и самодостаточным, непохожим ни на кого, право действовать в соответствии со своими интересами, самостоятельно выстраивать свой жизненный путь.

Позитивной тенденцией, которая особенно четко прослеживается после 2019 года, когда россияне столкнулись с беспрецедентными вызовами, потребовавшими объединения усилий для противостояния неимоверным угрозам, является существенное сокращение доли респондентов, полагающих, что с людьми всегда нужно быть осторожными. За 2018–2023 годы доля таких респондентов сократилась с 42,8 до 35,2 %. Снижение произошло практически в полной мере за счет увеличения доли респондентов, занимающих рациональную позицию, т.е. полагающих, что доверять или не доверять другим людям необходимо в зависимости от оценки качеств конкретного человека или складывающихся условий. И такие изменения не вызывают удивления, если принять во внимание, что россияне сегодня вынуждены делать выбор в условиях военных действий, когда нередко приходится делить людей не просто на «своих» и «чужих», а на «своих» и «врагов». В результате этих изменений перевес «рациональных» над «склонными к недоверию» достиг максимальных 9,9 процентных пунктов, т.е. сократился потенциал недоверия и стало больше людей, готовых в той или иной мере доверять другим людям, но чаще не просто другим, а «своим», и сотрудничать на этой основе. Около 75 % россиян, большинство которых, хотя и не настроены безоговорочно доверять посторонним, выражают готовность объединяться с другими людьми для совместных действий [Мерсиянова, Брюшно 2023, 35].

Подобные тенденции свидетельствуют об усилении рационального начала во взаимоотношениях между людьми, которое предполагает трезвый расчет, осмысленность, определенную обоснованность поведения с опорой на знания и накопленный опыт. Как предупреждал П.А. Сорокин, не следует доверять ни

слишком увлекающимся грезами оптимистам, ни впадающим в другую крайность пессимистам [Сорокин 1992, 514–515]. Сегодня, когда людям очень часто приходится принимать сложные решения, делать непростой выбор в чрезвычайных ситуациях, рациональный подход представляется все большему числу российских гражданам более разумным, чем «слепое» доверие, которое, как замечает Н. Луман, очень многими людьми «считается глупым, нежелательным, вредным» [Луман 2007, 182]. Растет стремление доверять не всем людям вообще, а только единомышленникам, соратникам, единове́рцам. В реальной жизни реализация такого стремления обычно связана с риском. Трудно не согласиться с З. Бауманом в том, что доверие есть способ сосуществования с неопределенностью, риском, а не способ избавиться от тревоги [Бауман 2005, 226]. Доверие становится незаменимым условием всякого рационального планирования и осознанных поступков [Бауман 2005, 65].

Рост доли таких рационально мыслящих людей можно трактовать и как повышение уровня распространенности индивидуалистического мировоззрения, как следствие активизации процесса индивидуализации в российском обществе, представляющего собой «формирование в сознании человека представления о ценности “его собственной жизни”, “его собственного жизненного мира”, “его собственного способа мышления” как о конечном критерии конструирования установок познания, поведения, деятельности, нацеленных на его выживание и развитие себя как социального и культурного субъекта» [Давыдов 2023, 143]. В результате изменяется «соотношение коллективизма и индивидуализма» как одной из принципиально значимых характеристик общества [Аузан 2024, 13].

Указанные изменения происходили не за счет отдельных социально-демографических групп, а «по всем направлениям». При этом сегодня наиболее высоким уровнем доверия к другим людям отличаются сельчане («склонны доверять» – 22,1 %; «рациональные» – 43,2 %), тогда как жители региональных центров, т.е. самых крупных городов, характеризуются наиболее широкой поддержкой взвешенной позиции («склонны доверять» –

16,9 %; «рациональные» – 50,1 %). Это может говорить о том, что, как доказывает А.А. Аузан, для жителей мегаполисов и других крупных городов в большей степени характерно индивидуалистическое мировоззрение [Аузан 2024]. Они менее, чем жители небольших поселений, подвержены влиянию разного рода стереотипов, предрассудков, предубеждений и в большей степени полагаются на собственное мнение, знания и жизненный опыт, помогающие принимать более обоснованные, обдуманые решения. Различия по полу, возрасту и уровню образования оказались минимальными.

Медленный и согласованный рост обобщенного доверия выявлен также в ходе региональных исследований. При этом уровень обобщенного доверия практически не варьирует по регионам. Но следует иметь в виду, что такой вывод основан на данных относительно небольшого количества регионов. Во многих регионах прослеживается повышение уровня общественной активности, связанной в первую очередь с обобщенным доверием и коммуникативным ресурсом [Агафонова, Ромашкина 2024].

Сравнительный межстрановой анализ показывает, что по уровню обобщенного доверия Россия занимает срединное положение, но слишком отставая от лидеров [Китайцева, Кученкова 2014; Антипина, Кривицкая 2024, 39]. В Дании, Норвегии, Финляндии от 65 до 70 % граждан считают, что другим людям можно доверять. Кроме того, в предыдущих исследованиях, мы обращали внимание на то, что уровень обобщенного доверия в современной России не выдерживает сравнения с дореформенным периодом [Козырева 2011, 31–35]. Все это еще раз убеждает в том, что современное российское общество находится на трудном пути поиска своей идентичности. В целом большинство россиян не склонны без оглядки доверять незнакомым людям, но и таких, кто предрасположен с недоверием относиться к посторонним (потенциал недоверия), в последние годы стало меньше, сегодня их чуть более трети. Позитивные сдвиги в уровне обобщенного доверия, связанные в основном со снижением потенциала недоверия в обществе, не

всегда проявляются в реальных ситуациях на межличностном уровне, что будет показано дальше.

Межличностное доверие

К межличностному доверию относятся различные проявления доверия конкретным людям, представителям тех или иных социальных групп. Можно выделить два основных вида межличностного доверия: партикуляризированное доверие – доверие людям, которых индивид знает лично (членам семьи, родственникам, друзьям, коллегам, сослуживцам, знакомым, соседям), и доверие незнакомым людям, «чужакам» [Цзинь и др. 2024, 4].

Согласно исследованиям, наиболее высоким доверием пользуются люди ближнего круга – члены семьи, родственники и друзья [Институциональная политология... 2024, 227–228]. Это доверие базируется прежде всего на прочных родственных связях, чувстве симпатии и солидарности, дружбе и сотрудничестве. Оно позволяет людям удовлетворять базовые потребности в идентичности, устойчивых отношениях дружбы, уважении и самоактуализации, безопасности и защищенности. Из таблицы 1 следует, что в той или иной степени ближайшему окружению доверяют подавляющее большинство россиян. Но, судя по ответам респондентов, характеризующим степень доверия, оказывается, что максимальным доверием («полностью доверяют») пользуются члены семьи, затем следуют родственники, далее – друзья [Каравай 2023, 97].

Таблица 1

Динамика распределения ответов на вопрос «Насколько вы доверяете своему ближайшему окружению?» (2021–2023 годы), %⁴

Окружение	Полностью доверяют			Не доверяют		
	2021	2022	2023	2021	2022	2023
Членам семьи	90,0	87,8	83,6	0,4	0,8	1,1
Родственникам	69,0	61,9	58,3	2,0	3,4	3,1
Друзьям	56,0	49,1	44,6	3,1	5,4	4,1
Коллегам по работе	18,4	18,2	13,9	12,9	15,6	14,3
Соседям	17,9	14,2	14,8	25,1	28,7	23,0

⁴ Не приведены данные о позиции «доверяю частично».

Доверие членам семьи, другим родственникам и друзьям практически всегда гораздо выше, чем доверие коллегам, сослуживцам и соседям, что находит подтверждение в разных исследованиях [Кученкова 2016, 27–28; Институциональная политология... 2024, 227–228]. При этом доверие людям, с которыми приходится работать вместе, оказывается выше, чем доверие руководству предприятия, но эта дистанция постепенно сокращается. По данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, в 2023 году доверяли людям, с которыми работали вместе, 84 % работающих респондентов (24,9 % – доверяли полностью, 59,1 % – скорее доверяли), тогда как руководству предприятия – 77,5 % (23,4 и 54,1 % соответственно).

Доверие служит основой, которая дает возможность людям в трудной жизненной ситуации обращаться к окружению за поддержкой и помощью. Согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, оценки респондентами таких возможностей в полной мере соответствуют распределению показателей доверия представителям окружения. Это отражено в таблице 2.

Таблица 2

Оценка возможности обратиться в трудной жизненной ситуации за поддержкой и помощью к представителям своего окружения (2018 и 2023 годы), % тех, к кому это относится⁵

Окружение	2018			2023		
	Деньги	Совет	Другая помощь	Деньги	Совет	Другая помощь
К родственникам в своем домохозяйстве	71,5	86,5	90,1	73,7	87,2	90,6
К родственникам, живущим отдельно	73,9	78,2	74,7	74,1	76,2	74,0
К близким друзьям	59,1	71,1	52,8	55,4	68,3	57,4
К коллегам по работе	20,3	19,0	21,0	16,6	14,6	15,6
К соседям	16,8	14,2	24,0	11,4	9,6	18,2
К знакомым	9,7	11,4	12,8	7,9	10,1	9,3

⁵ Респондентам предлагалось выбрать между ответами «да» и «нет». Доля затруднившихся ответить обычно не превышала 1 %.

Вместе с тем результаты исследований показывают, что, хотя в период пандемии коронавируса и проведения СВО общие показатели доверия ближайшему окружению оставались высокими (суммарно: «полностью доверяют» и «частично доверяют»), уровень этого доверия несколько снизился. Как следует из таблицы 1, доли респондентов, не доверяющих окружению, в 2021–2023 годах практически не изменились, оставаясь на минимальном уровне, тогда как удельный вес лиц «полностью доверяющих» сократился. Россияне стали также несколько реже рассчитывать на поддержку и помощь соседей, коллег и знакомых, что отражено в таблице 2. Но все эти изменения, вызванные влиянием ситуационных факторов, нельзя назвать существенными, резко изменяющими общую картину межличностного доверия, обладающего высокой стабильностью.

Таким образом, пандемия коронавируса, а затем и СВО обострили проблему дефицита доверия на межличностном уровне. Эти события стали изменять конфигурацию привычных доверительных отношений даже в ближайшем окружении [Тартаковская 2021; Каравай 2023]. По мнению А.В. Каравай, снижение уровня межличностного доверия и межгрупповых взаимодействий в 2021–2023 годах могло быть следствием накопления разногласий, связанных с проведением СВО, а также обманутых ожиданий на получение от своего окружения помощи [Каравай 2023]. Так, вынужденная «самоизоляция» во время пандемии коронавируса воспринималась частью людей, особенно старшего возраста, рассчитывавших на поддержку родственников и друзей, как отказ ближайшего окружения от оказания такой помощи. Позднее частичная мобилизация (осенью 2022 года) была воспринята многими семьями, которым пришлось столкнуться с этой проблемой, как нарушение принципа социальной справедливости. Сыграл роль и рост тревожности, обусловленный нестабильностью и неопределенностью, обострением экономических проблем, угрозами личной безопасности, связанными со стремительным распространением разных видов мошенничества (фейковых звонков, СМС-мошенничества и т.п.), опасностями террористического характера.

Многочисленные исследования давно доказали наличие влияния межличностного доверия на социальное самочувствие, которое фиксируется и как влияние на субъективное благополучие, индивидуальное счастье, субъективную удовлетворенность жизнью [Антипина, Кривицкая 2024]. Механизм этого влияния «работает» через множество каналов, таких как брак и семья, связи с друзьями и соседями, связи на рабочем месте и др. [Helliwell, Putnam 2004, 1444].

В связи с этим не совсем логичным, на первый взгляд, выглядит снижение в последние годы уровня межличностного доверия на фоне роста социального самочувствия россиян. Несмотря на остроту жизненных проблем, доля респондентов, удовлетворенных или скорее удовлетворенных своей жизнью в целом, возросла с 50,6 % в 2021 году до 54,5 % в 2023 году. Не стало меньше людей, ощущающих себя счастливыми. Если в 2019 году 48,9 % респондентов относили себя к очень счастливым или довольно счастливым людям, а еще 35,1 % считали, что они скорее счастливы, то в 2023 году таких стало 47 и 37,4 % соответственно. Если в 2019–2021 годах доля респондентов, в той или иной мере неудовлетворенных своим материальным положением, составляла около 55–56 %, то к концу 2023 года она сократилась до 47,9 %.

Приведенные изменения показателей, характеризующих социальное самочувствие, можно объяснить как повышением за годы трансформационного периода адаптационной опытности россиян, так и выработкой у части граждан определенного «иммунитета» к накопившимся угрозам и опасностям, ослаблением «чувствительности» в восприятии кризисной действительности, которое облегчает переживания при столкновении с теми или иными преградами, помехами в повседневной жизни. В конце 2023 года, оценивая изменения в своей жизни после пандемии коронавируса и начала спецоперации, только около 11 % опрошенных россиян указали, что все еще не могут справиться с новой ситуацией и возникшими трудностями. По-видимому, влияние доверия на социальное самочувствие россиян оказалось менее весомым, чем влияние иных факторов.

В условиях возросших внешних и внутренних угроз национальной безопасности особую актуальность для многонациональной России приобрела проблема укрепления межэтнического доверия (некоторыми учеными рассматривается как форма обобщенного доверия), отражающего опыт взаимодействия людей в этнически неоднородном социальном пространстве. Исследования Института социологии ФНИСЦ РАН свидетельствуют о том, что в России уровень доверия к людям своей национальности существенно превышает уровень доверия к людям других национальностей. В 2020–2024 годах доля респондентов, полностью или скорее доверяющих людям другой национальности, возросла с 39 до 50 %, тогда как доля полностью или скорее доверяющих людям своей национальности увеличилась с 58 до 69 % [Рыжова 2024, 23–24].

В качестве традиционной культурной основы социальной солидарности, важнейшей духовной скрепы, объединяющей наше общество, рассматривают в настоящее время религиозность. Однако ее влияние на формирование доверительных отношений представляется неоднозначным. Согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, только 49,1 % респондентов, считающих себя верующими, полагают, что религия дает им дружбу, поддержку других верующих. И совсем немного таких респондентов (17,4 %) среди считающих себя скорее верующими, чем неверующими. Минимально влияет отношение к религии на уровень обобщенного доверия.

Согласно исследованиям, для поддержания позитивной динамики уровня доверия требуются обеспечение стабильности в экономической и политической сфере на макроуровне, а также улучшение качества жизни населения с целью повышения предсказуемости и надежности социальных коммуникаций [Кученкова 2016, 36]. Однако события последних лет формируют картину, далекую от идеальной, которая мало способствует существенному росту доверия на разных уровнях. Россияне продолжают жить в условиях кризисной нестабильности, неопределенности настоящего и будущего, ощущают на себе всю тяжесть негативных послед-

ствий проведения СВО и санкционного давления западных стран.

Выводы

Исследование показало, что доверие остается значительным недоиспользованным ресурсом повышения социальной сплоченности, развития стабилизационных и интеграционных процессов в российском обществе. На протяжении длительного периода только один из пяти опрошенных россиян демонстрировал готовность доверять другим людям. При этом российское общество очень слабо дифференцировано по уровню обобщенного доверия.

Чрезвычайные события последних лет (пандемия коронавируса, СВО, тотальные санкции западных стран) не одинаково повлияли на разные проявления доверия. С одной стороны, наблюдается некоторое повышение обобщенного и ряда других видов безличного доверия, что может свидетельствовать о снижении уровня конфликтности и росте потенциала консолидации в российском обществе, укреплении гражданской и национальной идентичности в качестве ответа на вызовы чрезвычайного характера. Рост доверия в немалой степени базируется на осознании гражданами необходимости объединения усилий, направленных на защиту общенациональных ценностей и интересов государства, которое подавляет проявления неудовлетворенности качеством жизни и накопившуюся психологическую усталость.

С другой стороны, отмечается определенное снижение уровня межличностного доверия, нарастания настороженности в отношениях между людьми на индивидуальном уровне. Различные проявления доверия тесно сопряжены с высоким уровнем обеспокоенности у значительной части россиян вопросами личной безопасности и тревогой относительно своего настоящего и будущего. Вместе с тем для многих россиян чрезвычайные события стали не только источником новых тревог и переживаний, но и стимулом, побуждающим к использованию активных адаптационных практик, инициативному и ответ-

ственному поведению. Несмотря на остроту травматических событий, увеличение трудно контролируемых проблем, зафиксирован рост удовлетворенности респондентов своей жизнью в целом и важнейшими ее сторонами.

В контексте медиационных процессов, ориентированных на стимулирование социального диалога и преодоление полярных абстракций в массовом сознании, выявленные тенденции указывают на потенциал перехода от дихотомического мышления («доверие – недоверие») к более гибкому, рациональному подходу, предполагающему, что доверие формируется в зависимости от конкретных условий и личностей. Это проявляется в росте «срединного» кластера респондентов, готовых к компромиссам и объединению усилий перед лицом угроз, что способствует укреплению социальной сплоченности через диалог и взаимопонимание. Однако снижение межличностного доверия показывает, что этот потенциал медиации пока реализуется на уровне общих установок, сталкиваясь с барьерами в сфере конкретных социальных связей, что и составляет одну из главных проблем социального развития.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Агафонова, Ромашкина 2024 – Агафонова Д.Ю., Ромашкина Г.Ф. Социальный капитал: доверие и общественное участие (на примере населения Тюменской области) // Социологические исследования. 2024. № 8. С. 146–154.

Алексеева 2009 – Алексеева А.Ю. Основные элементы и структура межличностного доверия // Социологический журнал. 2009. № 3. С. 22–40.

Антипина, Кривицкая 2024 – Антипина О.Н., Кривицкая А.Д. Доверие как детерминанта субъективного благополучия в России // Социологические исследования. 2024. № 2. С. 36–47.

Аузан 2023 – Аузан А.А. Культурные коды экономики. – М.: АСТ, 2023.

Аузан 2024 – Аузан А.А. Индивидуализм и коллективизм: два культурных ядра России // Философские науки. 2024. Т. 67. № 4. С. 11–26.

Бауман 2005 – Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005.

Горшков, Тюрина 2023 – Горшков М.К., Тюрина И.О. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вест-

ник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 4. С. 720–739.

Давыдов 2023 – *Давыдов А.П.* Индивидуализм и коллективизм как предмет социально-философского анализа (размышления в преддверии научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе») // *Философские науки*. 2023. Т. 66. № 4. С. 140–159.

Давыдов 2024 – *Давыдов А.П.* Медиация и конвергентная социальность. К теории социального диалога // *Философские науки*. 2024. Т. 67. № 2. С. 135–159.

Дробижева 2020 – *Дробижева Л.М.* Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // *Социологические исследования*. 2020. № 8. С. 37–50.

Институциональная политология... 2024 – Институциональная политология 2.0. Трансформативная политика в России: социальные акторы и политические институты в пространстве власти и господства / отв. ред. С.В. Патрушев. – М.: Политическая энциклопедия, 2024.

Каравай 2023 – *Каравай А.В.* Социальный капитал российского общества: год в условиях специальной военной операции // *Terra Economicus*. 2023. Т. 21. № 4. С. 91–105.

Китайцева, Кученкова 2014 – *Китайцева О.В., Кученкова А.В.* Доверие и индивидуализм в мировоззрении современной молодежи восточноевропейских стран // *Социологические исследования*. 2014. № 12. С. 97–104.

Козырева 2011 – *Козырева П.М.* Доверие и его роль в современной России. – М.: Институт социологии РАН, 2011.

Кученкова 2016 – *Кученкова А.В.* Межличностное доверие в российском обществе // *Социологические исследования*. 2016. № 1. С. 26–36.

Леонова 2015 – *Леонова И.Ю.* Доверие: понятие, виды и функции // *Вестник Удмуртского университета*. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 25. № 2. С. 34–41.

Луман 2007 – *Луман Н.* Социальные системы: очерк общей теории. – СПб.: Наука, 2007.

Мерсиянова, Брюхно 2023 – *Мерсиянова И.В., Брюхно А.С.* Социальное настроение россиян: структура и влияние на помогающее поведение // *Социологические исследования*. 2023. № 9. С. 29–40.

Монд 2023 – *Монд Д.Л.* Доверие как личное благо в контексте социального капитала // *Социологические исследования*. 2023. № 8. 143–153.

Реутов, Реутова 2015 – *Реутов Е.В., Реутова М.Н.* Недоверие в установках и практиках населения // *Социологические исследования*. 2015. № 6. С. 126–132.

Рыжова 2021 – *Рыжова С.В.* Обобщенное доверие и чувства к России как компоненты общероссийской идентичности // *Социологическая наука и социальная практика*. 2021. Т. 9. № 2. С. 27–41.

Рыжова 2024 – *Рыжова С.В.* Этническая идентичность в период социальных трансформаций // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Межэтнические отношения, идентификационные и интеграционные процессы в период социальных трансформаций. 2024. № 1. С. 19–29.

Сорокин 1992 – *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество / пер. с англ. под общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонова. – М.: Политиздат, 1992.

Тартаковская 2021 – *Тартаковская И.Н.* Доверие перед лицом пандемии: в поисках точки опоры // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 2. С. 68–89.

Тихонова, Дудин 2024 – *Тихонова Н.Е., Дудин И.В.* Идентичности россиян как фактор консолидации российского общества // Социологические исследования. 2024. № 11. С. 18–33.

Фукуяма 2004 – *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. – М.: АСТ; Ермак, 2004.

Цзинь и др. 2024 – *Цзинь Ц., Веселов Ю.В., Скворцов Н.Г.* Методология сравнительного социологического исследования доверия (на примере России и Китая) // Социологические исследования. 2024. № 4. С. 3–13.

Штомпка 2012 – *Штомпка П.* Доверие – основа общества / пер. с пол. Н.В. Морозовой. – М.: Логос, 2012.

Adler, Kwon 2002 – *Adler P.S., Kwon S.W.* Social Capital: Prospects for a New Concept // Academy of Management Review. 2002. Vol. 27. No. 1. P. 17–40.

Bahry et al. 2005. – *Bahry D., Kosolapov M., Kozyreva P., Wilson R.* Ethnicity and Trust: Evidence from Russia // American Political Science Review. 2005. Vol. 99. P. 521–532.

Coleman 1988 – *Coleman J.S.* Social Capital in The Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. P. 95–120.

Delhey, Newton 2003 – *Delhey J., Newton K.* Who Trusts? The Origins of Social Trust in Seven Nations // European Societies. 2003. Vol. 5. P. 93–137.

Giddens 1990 – *Giddens A.* The Consequences of Modernity. – Cambridge, UK: Polity Press, 1990.

Helliwell, Putnam 2004 – *Helliwell J.F., Putnam R.D.* The Social Context of Well-Being // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2004. Vol. 359. No. 1449. P. 1435–1446.

Kramer 2010 – *Kramer R.M.* Collective Trust Within Organizations: Conceptual Foundations and Empirical Insights // Corporate Reputation Review. 2010. Vol. 13. No. 2. P. 82–97.

Nishikawa, Stolle 2012 – *Nishikawa L., Stolle D.* Do Not Trust Strangers: How Parents Shape the Generalized Trust of Their Children // Trust:

Comparative Perspectives / ed. by M. Sasaki, R.M. Marsh. – Leiden: Brill, 2012. P. 133–171.

Putnam 1995 – *Putnam R.D.* Bowling Alone: America's Declining Social Capital // *Journal of Democracy*. 1995. Vol. 6. No. 1. P. 65–78.

Uslaner 2002 – *Uslaner E.M.* The Moral Foundations of Trust. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2002.

Uslaner 2003 – *Uslaner E.M.* Trust, Democracy and Governance: Can Government Policies Influence Generalized Trust? // *Generating Social Capital. Civil Society and Institutions in Comparative Perspective* / ed. by M. Hooghe, D. Stolle. – New York: Palgrave Macmillan, 2003. P. 171–190.

REFERENCES

Adler P.S. & Kwon S.W. (2002) Social Capital: Prospects for a New Concept. *Academy of Management Review*. Vol. 27, no. 1, pp. 17–40.

Agafonova D.Yu. & Romashkina G.F. (2024) Social Capital: Trust and Public Participation (Case Study of Tyumen Region). *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. No. 8, pp. 146–154 (in Russian).

Alekseeva A.Yu. (2009) The Main Elements and the Structure of Interpersonal Trust. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*. No. 3, pp. 22–40 (in Russian).

Antipina O.N. & Krivitskaya A.D. (2024) Trust as a Determinant of Subjective Well-Being in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. No. 2, pp. 36–47 (in Russian).

Auzan A.A. (2023) *Cultural Codes of the Economy*. Moscow: AST (in Russian).

Auzan A.A. (2024) Individualism and Collectivism: Two Cultural Cores of Russia. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 4, pp. 11–26 (in Russian).

Bahry D., Kosolapov M., Kozyreva P., & Wilson R. (2005) Ethnicity and Trust: Evidence from Russia. *American Political Science Review*. Vol. 99, pp. 521–532.

Bauman Z. (2005) *The Individualized Society* (V.L. Inozemtsev, Ed.). Moscow: Logos (Russian translation).

Coleman J.S. (1988) Social Capital in The Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*. Vol. 94, pp. 95–120.

Davydov A.P. (2023) Individualism and Collectivism as a Subject of Social-Philosophical Analysis (Reflections on the Eve of the Scientific Conference “Individualization and Collectivism in Contemporary Russian Society”). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 4, pp. 140–159 (in Russian).

Davydov A.P. (2024a) Mediation and Convergent Sociality: Toward a Theory of Social Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 135–159 (in Russian).

Delhey J. & Newton K. (2003) Who Trusts? The Origins of Social Trust in Seven Nations. *European Societies*. Vol. 5, pp. 93–137.

Drobizheva L.M. (2020) Russian Identity: Searching for Definition and Distribution Dynamics. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. No. 8, pp. 37–50 (in Russian).

Fukuyama F. (2004) *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity* (D. Pavlova, V. Kiryushenko, & M. Kolopotina, Trans.). Moscow: AST (Russian translation).

Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge, UK: Polity Press, 1990.

Gorshkov M.K. & Tyurina I.O. (2023) Consolidation of the Russian Society Under Contemporary Challenges: Social-Historical and Value Contexts. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 23, no. 4, pp. 720–739 (in Russian).

Helliwell J.F. & Putnam R.D. (2004) The Social Context of Well-Being. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. Vol. 359, no. 1449, pp. 1435–1446.

Jin J., Veselov Y.V., & Skvortsov N.G. (2024) Methodology of the Comparative Sociology of Trust (Case Study of Russia and China). *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. No. 4, pp. 3–13 (in Russian).

Karavay A.V. (2023) The Social Capital of Russian Society: A Year Under a Special Military Operation. *Terra Economicus*. Vol. 21, no. 4, pp. 91–105 (in Russian).

Kitaytseva O.V. & Kuchenkova A.V. (2014) Trust and Individualism in the Worldview of Modern Youth of Eastern European Countries. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. No. 12, pp. 97–104 (in Russian).

Kozyreva P.M. (2011) *Trust and Its Role in Modern Russia*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kramer R.M. (2010) Collective Trust within Organizations: Conceptual Foundations and Empirical Insights. *Corporate Reputation Review*. Vol. 13, no. 2, pp. 82–97.

Kuchenkova A.V. (2016) Interpersonal Trust in Russian Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. No. 1, pp. 26–36 (in Russian).

Leonova I.Yu. (2015) Trust: Concept, Types, and Functions. *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*. Vol. 25, no. 2, pp. 34–41 (in Russian).

Luhmann N. (2007) *Social Systems. Essay on a General Theory*. Saint Petersburg: Nauka (Russian translation).

Mersianova I.V. & Briukhno A.S. (2023) Russian Citizens' Social Mood, its Structure and Influence on Helping Behavior. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. No. 9, pp. 29–40 (in Russian).

Mond D.L. (2023) Trust as a Private Good in the Context of Social Capital. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. No. 8, pp. 143–153 (in Russian).

Nishikawa L. & Stolle D. (2012) Do Not Trust Strangers: How Parents Shape the Generalized Trust of Their Children. In: Sasaki M. & Marsh R.M. (Eds.) *Trust: Comparative Perspectives* (pp. 133–171). Leiden: Brill.

Patrushev S.V. (Ed.) (2024) *Institutional Political Science 2.0. Transformative Politics in Russia: Social Actors and Political Institutions in the Space of Power and Domination*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya (in Russian).

Putnam R.D. (1995) Bowling Alone: America's Declining Social Capital. *Journal of Democracy*. Vol. 6, no. 1, pp. 65–78.

Reutov E.V. & Reutova M.N. (2015) Distrust in Peoples' Attitudes and Practices. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. No. 6, pp. 126–132 (in Russian).

Ryzhova S.V. (2021) Generalized Trust and Feelings for Russia as Components of the All-Russian Identity. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. Vol. 9, no 2, pp. 27–41 (in Russian).

Ryzhova S.V. (2024) Ethnic Identity in the Period of Social Transformations. *Information and Analytical Bulletin of the Institute of Sociology of the FCTAS RAS (INAB). Interethnic Relations, Identification and Integration Processes in the Period of Social Transformations*. No. 1, pp. 19–29 (in Russian).

Sorokin P.A. (1992) *Man. Civilization. Society* (A.Yu. Sogomonov, Transl). Moscow: Politizdat (Russian translation).

Sztompka P. (2012) *Trust is the Basis of Society* (N.V. Morozova, Trans.). Moscow: Logos (Russian translation).

Tartakovskaya I.N. (2021) Trust in the Face of a Pandemic: In Search for a Common Ground. *Sotsiologicheskij zhurnal = Sociological Journal*. Vol. 27, no. 2, pp. 68–89 (in Russian).

Tikhonova N.E. & Dudin I.V. (2024) Identity of Russians as a Consolidation Factor of Russian Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. No. 11, pp. 18–33 (in Russian).

Uslaner E.M. (2002) *The Moral Foundations of Trust*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Uslaner E.M. (2003) Trust, Democracy and Governance: Can Government Policies Influence Generalized Trust? In: Hooghe M. & Stolle D. (Eds.). *Generating Social Capital. Civil Society and Institutions in Comparative Perspective* (pp. 171–190). New York: Palgrave Macmillan.

Типы и механизмы диалога (размежевание, сосуществование, медиация, переосмысление)

В.М. Розин

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются типы и механизмы социального диалога с целью того, чтобы определить, могут ли они быть отнесены к понятию медиации. Автор предлагает рассматривать медиацию как методологическую схему и конкретизировать последнюю применительно к тому или иному типу диалога. Сначала анализируется диалог в условиях свободной коммуникации и возможности размежевания, показывается, что подобный тип диалога не может быть подведен под понятие медиации. Второй тип диалога – диалог в условиях вынужденного взаимодействия, и при этом складываются два полярных типа решений: или отказ от своей позиции, или компромисс, который уже может быть понят как один из типов медиации. Третий тип – это диалог, который может привести к формальной или содержательной медиации. В качестве примера формальной медиации рассматривается история заключения Брестского мира: найденное решение было срединным лишь на словах, а в действительности разрушало диалог. Содержательная медиация, конструирующая новую смысловую почву для примирения, показана на интерпретации М.Я. Гефтером фигуры Сталина как середины между крайностями подходов сталинистов и антисталинистов. Однако диалог, ведущий к подлинной медиации, является редким феноменом. Более распространен четвертый тип – диалог-переосмысление, в результате которого происходит не поиск компромисса, а изменение в отношении к предмету спора, в собственной позиции. Этот механизм анализируется на материале раннего исследования З. Фрейда, а также на примере личностной трансформации А.С. Пушкина, который под влиянием диалога с друзьями кардинально пересмотрел образ жизни. Сделан вывод о том, что диалог – эффективный инструмент для размежевания, компромисса и переосмысления, но лишь ограниченно способствует сосуществованию индивидов и сообществ, придерживающихся противоположных взглядов.

Ключевые слова: социальная философия, социальный диалог, методологическая схема, коммуникация, социальная поляризация, примирительное правосудие, личностная трансформация, раскол, компромисс, поиск середины.

Розин Вадим Маркович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН.

rozinvm@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-4025-2734>

Для цитирования: *Розин В.М.* Типы и механизмы диалога (размежевание, сосуществование, медиация, переосмысление) // Философские науки. 2025. Т. 68. № 3. С. 62–76.

DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-3-62-76

Types and Mechanisms of Dialogue (Delimitation, Coexistence, Mediation, Reappraisal)

V.M. Rozin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article examines the types and mechanisms of social dialogue to determine the extent to which they align with the concept of mediation. The author proposes that mediation can be understood as a methodological framework, which can then be specifically applied to various forms of dialogue. The analysis begins with dialogue in the context of open communication where delimitation (separation) is possible, demonstrating that this form of interaction cannot be classified as mediation. The second type of dialogue occurs within a constrained communication environment, leading to two polarized outcomes: the renunciation of one's position or a compromise, the latter of which can be considered a type of mediation. The third form of dialogue is one that can culminate in either formal or substantive mediation. As an example of formal mediation, the article considers the historical signing of the Treaty of Brest-Litovsk, where the solution was a middle ground in name only and ultimately undermined the dialogue itself. Substantive mediation, which constructs new semantic foundations for reconciliation, is illustrated through Mikhail Gefter's interpretation of Stalin as a figure occupying a middle ground between the extreme views of Stalinists and

anti-Stalinists. The article posits, however, that dialogue leading to genuine mediation is a rare phenomenon. More common is a fourth type – dialogue as reappraisal – in which the outcome is not a compromise but rather a fundamental shift in one’s perspective on the issue and a transformation of one’s own position. This mechanism is analyzed through an early study by Sigmund Freud and the personal transformation of Alexander Pushkin, who radically altered his lifestyle following dialogues with his friends. The article concludes that, while dialogue is an effective tool for achieving delimitation, compromise, and reappraisal, only to a limited degree does it foster the coexistence of individuals and communities with opposing viewpoints.

Keywords: social philosophy, social dialogue, methodological framework, communication, social polarization, restorative justice, personal transformation, divide, compromise, pursuit of middle ground.

Vadim M. Rozin – D.Sc. in Philosophy, Professor, Chief Research Fellow at the Department of Interdisciplinary Problems in the Advance of Science and Technology, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

rozinvm@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-4025-2734>

For citation: Rozin V.M. (2025) Types and Mechanisms of Dialogue (Delimitation, Coexistence, Mediation, Reappraisal). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 68, no. 3, pp. 62–76. DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-3-62-76

Введение

Я не первый раз обращаюсь к обсуждению природы диалога и медиации. В 2017 году издана книга «Спор о медиации. Раскол в России и медиация как стратегия его преодоления», в которой мы с А.П. Давыдовым в форме диалога размышляли и о диалоге, и о возможностях медиации [Давыдов, Розин 2017]. А.П. Давыдов обратил внимание на то, что А.С. Ахиезер заимствовал термин «медиация» у К. Леви-Стросса. Если у антропологов это был, скорее, статичный поиск «правильных обрядовых решений» для выживания племени, то Ахиезер превратил медиацию в динамический процесс. В его трактовке это уже не просто «середина», а «поиск середины» как альтернатива «полярным смыслам, крайностям (абсолютам)», мышлению оппозициями. Поэтому, развивая концепцию медиации Ахиезера, Давыдов утверждал, что «медиация – это поиск личности» [Давыдов, Розин 2017, 11].

Я сомневался, мотивируя тем, что идея медиации представляет собой абстрактную схему, не отражающую конкретные решения проблем в диалогическом дискурсе. Моя критика сводилась к тому, что при рассмотрении явлений действительности, с их поляризацией взглядов, ценностными оппозициями и противоречиями, объективной «середины» не существует. Мне казалось, что эта идея искусственно «примысливается против содержания и сущности явления». Разве в споре, в котором одни выступают за, а другие – против, решение действительно находится посередине? Поэтому я расценивал такой подход как применение «примитивной схемы и неорганического дискурса» к анализу сложной и органической реальности. При этом исследователь, используя эту схему, не различает описание самого явления и описания методологии его осмысления [Давыдов, Розин 2017, 10].

Но сегодня я бы отступил назад, согласившись с утверждением о том, что идея медиации имеет право выступать («браться в мышлении») сначала именно как абстрактная методологическая схема, тем более что по отношению к рассматриваемому предмету методологические построения часто выглядят абстрактными и схематичными. Однако если мы хотим превратить эти схемы в модели, их нужно конкретизировать и соотнести с предметными ситуациями. В данном случае следует соотнести идею медиации с тем или иным типом диалога, и одновременно получим материал для анализа механизма диалога данного типа.

Диалог как инструмент размежевания в условиях свободной коммуникации

Примером подобного диалога служит полемика, развернувшаяся на некоторых интернет-сайтах в течение последних двух-трех лет после начала СВО. Формируются две группы спорящих, как правило, противоположно оценивающих происходящие события. Например, одни утверждают, что Россия нарушила международное право и напала на Украину, другие считают, что все не так однозначно, что право давно не действовало и первыми, кто его нарушил, были США в Югославии, а войну фактически начала Украина, обстреливая восемь лет подряд Донецкую и Луганскую области. Каждая группа выдвигает аргументы в защиту своей позиции, стараясь убедить противников и перетянуть их на свою сторону, но это не удается. Кроме того, после подобной безуспешной полемики более слабая группа или распадается, или даже

покидает сайт, унося с собой при этом более четкое понимание своей позиции и оснований противоположной стороны. Подобным образом отчасти происходит размежевание сторонников и противников СВО, а также поддерживающих их институтов. Очевидно, что необходимое условие такого типа социального диалога – свободная коммуникация и возможность размежевания. Это в сложившихся условиях социальной дифференциации (распределение противоположных взглядов – примерно половина на половину) и свободного интернета становится легкодостижимым. Таким образом, подобный тип диалога не может быть подведен под понятие медиации.

Диалог в условиях вынужденного взаимодействия

Примерами диалога в условиях вынужденного взаимодействия являются споры в рамках процесса «примирительного правосудия», создающего прямую зависимость между противостоящими сторонами. Примирительное правосудие предполагает отмену наказания, если правонарушитель не только признает вину, но и, вступив в общение с потерпевшим (встречу организуют в присутствии социальных посредников), согласится возместить нанесенный ущерб.

Автор этой концепции, Х. Зер, анализируя судебную практику, пишет о том, что, хотя некоторые суды и включают в приговоры возмещение ущерба, что само по себе является «шагом в верном направлении», мотивировка этого требования часто ошибочна [Зер 2002, 51]. По его мнению, главная проблема состоит в том, что возмещение ущерба рассматривают как еще один вид наказания, а не как «восстановление справедливости по отношению к пострадавшему». Такой подход лишает преступника возможности почувствовать причастность к решению. Зер обращает внимание на то, что правонарушитель обычно не участвует в процессе определения ущерба, имеет поверхностное представление о потерях жертвы и, значит, склонен видеть в этом лишь «дополнительное наказание», а не разумную попытку исправить зло. Подобные приговоры, нацеленные на наказание, вряд ли могут способствовать развитию у человека «чувства ответственности».

Для решения этой проблемы Зер предлагает концепцию «подлинной ответственности», предполагающую, что преступник должен «осознать содеянное», т.е. понять, чем его поступки обернулись для другого человека. Его необходимо подтолкнуть к тому, чтобы он участвовал «в поиске реальных путей» для вос-

становления справедливости. Именно такой деятельный подход, по мнению Зера, и становится подлинной ответственностью. Он приносит двойную пользу: помогает решить проблемы пострадавшего, удовлетворяя его насущные потребности, и вместе с тем помогает преступнику, поскольку глубокое понимание причиненного страдания может удержать его от подобных поступков в будущем [Зер 2002, 51–54].

В данном случае правонарушитель, всеми силами стремящийся избежать тюремного наказания, вынужден не только выслушивать аргументы потерпевшего, но и искать решение, которое бы последнего удовлетворило. Наблюдения показывают, что в подобной коммуникации складываются два типа полярных решений: *отказ от своей позиции* в разной форме (просто отказ, признание своей неправоты, согласие с точкой зрения оппонента) и *компромисс*, который уже может быть понят как один из типов медиации. В обоих случаях спорящий вынужден не только хотя бы частично осознать свою позицию, но и нередко пересмотреть свой жизненный мир. Например, как в случае примирительного правосудия, правонарушитель понимает, что его желания и поступки могут привести другого человека к страданиям, а его самого – к тюрьме.

Диалог как механизм формальной и содержательной медиации

История заключения Брестского мира – пример формальной медиации. Российская делегация сначала затягивала переговоры с Германией. Затем Троцкий заявил: «Мы выходим из войны. Мы извещаем об этом все народы и их правительства. Мы отдаем приказ о полной демобилизации наших армий... В то же время мы заявляем, что условия, предложенные нам правительствами Германии и Австро-Венгрии, в корне противоречат интересам всех народов» [Брестский мир... 2022, 170–171]. Формально ситуация представляется следующей: достигнута середина между миром и войной. Но фактически Троцкий выходит из реальности социального диалога и предлагает новую реальность, которую, как оказалось, не принимали ни Германия, ни Ленин. Иными словами, формальная медиация – это медиация только на уровне текста, слов, но, по сути, речь идет о решении, разрушающем диалог.

Пример результата содержательной медиации – интерпретация советским и российским историком и философом М.Я. Гефтером

политики Сталина и его личности. Позиция Гефтера отчасти была реакцией на полемику между сталинистами, акцентировавшими роль Сталина в строительстве социализма, победе, одержанной в войне с нацистской Германией, создании советской индустрии и атомной бомбы, и антисталинистами. В беседе с Г.О. Павловским о личности Сталина Гефтер сразу задает масштаб проблемы, утверждая, что «Сталин и кровь... нерасторжимы». Речь идет о таком колоссальном кровопролитии, которое, по его мнению, «сокрушает всякое рациональное объяснение» и фигуры вождя, и нашей истории в целом. Именно поэтому, как он заключает, необходим решительный шаг, в частности «раздвижение вопроса до пределов истории», т.е. выход за рамки простых оценок личности [Гефтер 1988, 117].

М.Я. Гефтер – антисталинист, но в рассматриваемой статье он задает и разворачивает реальность истории, в которой Сталин получает две разные трактовки: с одной стороны, он обычная личность, возможно, девиантная, но это не главное, с другой – выразитель социальных (исторических) тенденций и трендов, по сути, внеличностных, характерных для российской истории и культуры. По мнению М.Я. Гефтера, несмотря на различие этих двух трактовок вождя, происходившие исторические события обусловлены обеими, их диалектическим взаимодействием и взаимовлиянием. Эта диалектика хорошо прослеживается при описании того, как Сталин, который «не был абсолютно необходим в 1924 году», постепенно «строил свою нужность». Гефтер утверждает, что политический инструментарий Сталина направлен на нагнетание напряженности, чтобы в экстремальных ситуациях усиливать свою незаменимость. Так, «поражение каждого оппонента делало Сталина сильнее и необходимей», пока не забыли о том, что когда-то он был лишь одним из многих [Гефтер 1988, 121].

Одновременно Гефтер показывает и трагедию Сталина-человека. После победы над всеми соперниками, вкусив «сладость личного триумфа», он получает и «первый сигнал бедствия». Оставшись без оппонентов, он лишается обратной связи. В результате, по мысли Гефтера, его «абсолютная независимость... оборачивается абсолютной зависимостью его от призраков и кошмаров», справиться с которыми уже невозможно привычными методами расправы. Масштаб этой личной драмы таков, что, по словам историка, «здесь нужно перо Шекспира» [Гефтер 1988, 128].

Сталин, включенный М.Я. Гефтером в историческую реальность, действительно, хотя и повязан большой кровью, одно-

временно действует не просто от себя, а учитывает природу российского народа и разворачивающийся социальный тренд. Как обычный человек, он ответственен за большой террор, а как исторический субъект – свободен от этой ответственности, поскольку лишь артикулирует, субъективирует объективный процесс, если и оседлал его, то как нарастающую волну. Следовательно, в споре сталинистов и антисталинистов Сталин как исторический субъект – середина между двумя крайностями. Но обратим внимание, что речь идет о личности Сталина в рамках реконструкции исторического процесса Гефтером, а не о том, кем был Сталин в действительности.

Диалог-переосмысление

Следует поставить вопрос о том, как часто нам удаются реконструкции середины в диалогах, начинающихся с прямо противоположных положений и альтернатив? Мне кажется, редко и с большим трудом. Почему? Потому что чаще всего решения в диалогах достигают не за счет полагания реальности, выглядящей как середина, а построения реальности, заставляющей *переосмыслить* предмет спора. Обратимся к примеру из ранней практики З. Фрейда. Он, работая с пациенткой Элизабет фон Р., пришел к выводу о том, что она полюбила зятя и, не желая признаваться в этом, спровоцировала свое заболевание [Бройер, Фрейд 2021, 143–165]. В результате между ними завязался спор: Фрейд настаивал на своей версии ее заболевания, а Элизабет возражала ему.

Фрейд реконструирует психологическую драму пациентки. Он пишет о том, что ее «нравственное существо» противилась осознанию любви к зятю. Чтобы избежать этой невыносимой истины, она бессознательно причиняла себе физическую боль. Эти боли, по его наблюдению, возникали как результат конверсии в соматическую сферу именно в моменты, когда запретное чувство подступало к сознанию. Он также считает, что ее упорное сопротивление в ходе лечения прямо соответствовало «энергии, с которой невыносимое представление было вытеснено» [Бройер, Фрейд 2021, 163].

Фрейд описывает поворотный момент их диалога, когда он прямо сказал ей: «Стало быть, вы были давно влюблены в вашего зятя» [Бройер, Фрейд 2021, 163]. Ее реакция была предсказуемой: крик, жалоба на боль и попытка отвергнуть его слова как

внушение, как нечто невозможное, как «подлость», которую она себе «никогда бы не простила». Фрейд пишет о том, что, хотя ее собственные слова не допускали иного толкования, одного этого было недостаточно. Сопротивление удалось преодолеть лишь после того, как он привел два утешительных довода. Он заверил ее в том, что, во-первых, человек не может нести ответственность за свои чувства, а, во-вторых, факт ее болезни – лучшее доказательство ее высокой морали. Именно такое переосмысление ситуации и оказало на нее должное воздействие [Бройер, Фрейд 2021, 163–164].

Как объяснить, что в споре с Элизабет все-таки Фрейд сумел вывести ее на нужное ему решение? Суть одного ответа сводится к тому, что было внушение, и отчасти это правильно. По мнению А.И. Сосланда, в основе психоанализа находится парадокс. С одной стороны, психоанализ провозгласил «принцип невмешательства», который создает «иллюзию минимального участия терапевта» [Сосланд 2013, 257]. С другой – в его глубине скрыт мощный механизм воздействия на сознание, который Сосланд называет «транстерминационной процедурой». Этот механизм, унаследованный от классического гипноза, официально отвергнут психоаналитическим сообществом, но в действительности не исчез. Он лишь был замаскирован и перешел в латентное состояние. Психоанализ, отрицая свои корни в гипнозе, в действительности сохранил его главный действующий элемент [Сосланд 2013, 233].

Не отрицая внушения, я обратил бы внимание и на активность Элизабет. (Вспомним известное высказывание из изданного еще в 1546 году сборника пословиц Дж. Хейвуда : «Человек может привести лошадь к воде, но он не может заставить ее пить без ее воли».) Элизабет под влиянием двух утешительных доводов Фрейда и всей ситуации (ее сестра, жена зятя, уже умерла) настолько переосмыслила свое положение, что согласилась с версией Фрейда. Иногда, однако, переосмысление предмета спора выглядит как достижение середины, но очень редко. А.С. Ахиезера можно понять таким образом, что достижение середины тоже предполагает переосмысление, хотя он пишет только о продумывании ситуации. Но, поскольку механизм медиации не раскрыт, трудно понять, так ли это.

Психоанализ как скрытая суггестия (транстерминация) – это лишь один тип действия, способствующего переосмыслению. В действительности более эффективным способом представ-

ляется открытое социальное общение. Приведу яркий пример, показывающий, как друзья Пушкина повлияли на него, склонив «наше все» к рефлексии и переосмыслению своей жизни. Многие пушкиноведы характеризуют личность поэта, не подозревая о том, что в юности Пушкин был далеко не нравственным человеком. Приведем фрагмент его письма П.А. Вяземскому, написанного в апреле–мае 1826 года: «Письмо это тебе вручит милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил. Полагаюсь на твое человеколюбие и дружбу. Приюти ее в Москве и дай денег, сколько ей понадобится – а потом отправь в Болдино... При сем с отеческой нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютке, если только то будет мальчик. Отсылать его в Воспитательный дом мне не хочется – а нельзя ли его покамест отдать в какую-нибудь деревню, – хоть в Остафьево. Милый мой, мне совестно ей богу... *но тут уж не до совести* (курсив мой. – В. Р.)» [Пушкин 1937, 274–275].

Под стать этому письму оценка, данная Пушкину Н.М. Карамзином в письме П.А. Вяземскому: «...если Пушкин и теперь не исправится, то будет чертом еще до отбытия своего в ад» (цит. по: [Эйдельман 1987, 200]). Или можно привести фрагмент письма 23-летнего Пушкина, вероятно, характеризующего его первую личность, своему 18-летнему брату: «Тебе придется иметь дело с людьми, которых ты еще не знаешь. С самого начала думай о них все самое плохое, что только можешь вообразить; ты не слишком сильно ошибешься... презирай их самым вежливым образом... будь холоден со всеми... не проявляй услужливости и обуздывай сердечное расположение, если оно будет тобой овладевать: люди этого не понимают... То, что я могу сказать тебе о женщинах, было бы совершенно бесполезно. Замечу только, что чем меньше любим мы женщину, тем вернее можем овладеть ею» [Пушкин 1937, 49–50, 524]. Интерес представляют и воспоминания сына П.А. Вяземского о беседах с Пушкиным, когда П.П. Вяземскому было еще 16 лет. Сын друга писателя пишет: «Вообще в это время Пушкин как будто систематически действовал на мое воображение, чтобы обратить мое внимание на прекрасный пол и убедить меня в важном значении для мужчины способности приковывать внимание женщин... Не довольствуясь поэтической мыслью, он учил меня, что в этом деле не следует останавливаться на первом шагу, а идти вперед, нагло, без оглядки, чтобы заставить женщин уважать вас» (цит. по: [Вересаев 1936, 297]).

По мере того, как Пушкин вырос, он начинал видеть несоответствие своего образа жизни и представлений с провозглашаемыми им в творчестве ценностями и идеями. Но, думаю, главное – это влияние на поэта некоторых его друзей, особенно П.Я. Чаадаева, про которого Пушкин писал: «Твоя дружба мне заменила счастье. Одного тебя может любить холодная душа моя» [Пушкин 1949, 303]. Существенно повлияло на поэта письмо Чаадаева к Пушкину от марта–апреля 1829 года: «Нет в мире духовном зрелища более прискорбного, чем гений, не понявший своего века и своего призвания. Когда видишь, что человек, который должен господствовать над умами, склоняется перед мнением толпы, чувствуешь, что сам останавливаешься в пути» [Пушкин 1941, 44, 394]. Далее Чаадаев признается, что эти мысли постоянно преследуют его, когда он думает о Пушкине, и призывает: «Если у вас не хватает терпения следить за всем, что творится на свете, углубитесь в самого себя и в своем внутреннем мире найдите свет, который безусловно кроется во всех душах, подобных вашей. Я убежден, что вы можете принести бесконечную пользу несчастной, сбившейся с пути России. Не измените своему предназначению, друг мой» [Пушкин 1941, 44, 394].

Через полгода Пушкин кардинально пересматривает свою жизнь, постепенно изменяя ее. В письме Н.И. Гончаровой, матери будущей жены, он пишет: «Заблуждения моей ранней молодости представились моему воображению; они были слишком тяжки и сами по себе, а клевета их еще усилила; молва о них, к несчастью, широко распространилась» [Пушкин 1941, 75–76, 404]. И через день-два сообщает родителям: «Я намерен жениться на молодой девушке, которую люблю уже год – м-ль Натали Гончаровой... Прошу вашего благословения, не как пустой формальности, но с внутренним убеждением, что это благословение необходимо для моего благополучия – и да будет вторая половина моего существования более для вас утешительна, чем моя печальная молодость» [Пушкин 1941, 77, 405]. В 1831 году, за неделю до свадьбы, в письме Н.И. Кривцову поэт пишет: «Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе, как обыкновенно живут. Счастья мне не было» [Пушкин 1941, 150–151].

В этих письмах можно проследить и осознание прожитой жизни как неправильной, и намек на будущую. К последней относятся подсказанные Чаадаевым задачи, способствующие становлению новой личности Пушкина, миссия которой заключается в том,

чтобы «принести бесконечную пользу несчастной, сбившейся с пути России». Историк и литературовед Я.А. Гордин считает, что к 1831 году у Пушкина сложилась четкая «тактическая программа». Ее суть заключалась в том, чтобы, воздействуя на государя, убедить его провести реформу правящего класса: «ограничить аристократию бюрократическую и выдвинуть аристократию истинную». По этому замыслу, просвещенное родовое дворянство должно было получить неотменяемые привилегии и выполнять две ключевые функции: представлять у трона «весь народ» и ограничить самодержавие. Гордин отмечает, что Пушкин понимал: добровольно на такое государь не пойдет. Поэтому вторым элементом программы было создание давления на власть через общественное мнение. Свою задачу Пушкин видел в том, чтобы «соответствующим образом направить умственное движение русского дворянства, объяснить ему его долг» [Гордин 1974, 46].

Для этой цели были написаны «Борис Годунов», «Медный всадник», «Капитанская дочка», «История Пугачева». Формулировал для себя Пушкин указанные задачи как поэт, а через несколько лет оценил их нереалистичность как умнейший человек России. К 1834 году формируется более реалистическая гражданская позиция: нужно работать не для царя, а для правительства, образования и просвещения, т.е. для российской культуры [Розин 2009, 124].

Изложенное позволяет сформулировать несколько интересных положений. Во-первых, социальный диалог (Чаадаев – Пушкин), вероятно, заставил поэта начать диалог с самим собой, что способствовало критической рефлексии жизни Александра Сергеевича. Во-вторых, текст письма Чаадаева и другие тексты подобного рода позволили остановить и объективировать жизнь поэта. Посредством этих текстов Пушкин смог по-новому, критически увидеть себя. Иными словами, необходимым условием изменения его сознания выступила интерсубъективная, социальная и семиотическая ситуация. В-третьих, вряд ли кардинальное переосмысление жизни поэта могло происходить вне процесса перестройки и эволюции его личности. Многие склонили к подобной перестройке: и давление друзей, и печальный опыт любви, и зависимость от царя, в которой Пушкин оказался, и собственные рефлексивные размышления [Розин 2009]. Перестройка представляет собой сложный процесс, включающий в себя создание новых схем и реальностей, блокировку ряда сложившихся, а также пережива-

ния и эмоции, формирование нового видения себя и окружения, в целом духовный переворот [Розин 2018].

Заключение

Я понимаю А.С. Ахиезера и А.П. Давыдова: они предполагают, что раскол в России может быть преодолен путем диалога-медиации [Ахиезер 2008; Давыдов 2023; Давыдов 2024а; Давыдов 2024б]. Однако мой анализ показывает, что диалог – эффективный инструмент для размежевания, компромисса и переосмысления, но не слишком эффективный для способствования сосуществованию индивидов и сообществ, придерживающихся противоположных взглядов. В последнем случае приходится изменять, и часто кардинально, социальные условия и порядок [Розин 2024]. Например, от унитарного государства переходить к федеративному устройству. Но диалог все-таки будет необходим для выявления предпосылок и условий подобного изменения.

Таким образом, диалог – это необходимое, но не достаточное условие медиации. Я старался показать, что успешное завершение медиации (согласие или желательная трансформация сторон) зависит не только от того, как выстроен процесс диалога, но и от ряда психологических и социальных факторов.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ахиезер 2008 – *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Новый хронограф, 2008.

Брестский мир... 2022 – Брестский мир: пролог, заключение, итоги: Сборник документов / отв. сост. А.В. Репников. – М.: РОССПЭН, 2022.

Бройер, Фрейд 2021 – *Бройер Й., Фрейд З.* Этюды об истерии // *Фрейд З., Бройер Й., Кречмер Э.* Истерия: история женского безумия. – М.: Алгоритм, 2021. С. 8–232.

Вересаев 1936 – *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни: в 2-х т. Т. 2. – 6-е изд., испр. и доп. – М.: Советский писатель, 1936.

Гефтер 1988 – *Гефтер М.Я.* «Сталин умер вчера...» // Рабочий класс и современный мир. 1988. № 1. С. 113–129.

Гордин 1974 – *Гордин Я.А.* Годы борьбы: документальная повесть // Звезда. 1974. № 6. С. 20–85.

Давыдов 2023 – *Давыдов А.П.* Александр Самойлович Ахиезер: раскол в России и стратегия его преодоления // Цивилизация: многозвучие смыслов. Memoria / отв. ред., сост. А.В. Смирнов, Н.А. Касавина, С.А. Никольский. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2023. С. 379–388.

Давыдов 2024а – Давыдов А.П. Медиация и конвергентная социальность. К теории социального диалога // *Философские науки*. 2024. Т. 67. № 2. С. 135–159.

Давыдов 2024б – Давыдов А.П. «Середина» как метод: поиск социоиндивидуального // *Философские науки*. 2024. Т. 67. № 4. С. 114–135.

Давыдов, Розин 2017 – Давыдов А.П., Розин В.М. Спор о медиации: Раскол в России и медиация как стратегия его преодоления. – М.: URSS, 2017.

Зер 2002 – Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / пер. с англ. под общ. ред. Л.М. Карнозовой. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.

Пушкин 1937 – Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. 13. Переписка. 1815–1827 / ред. Д.Д. Благой. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949.

Пушкин 1941 – Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. 14. Переписка. 1828–1831 / общ. ред. Н.В. Измайлов. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941.

Пушкин 1949 – Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. 12. Критика. Автобиография / общ. ред. В.В. Гиппиус, Б.В. Томашевский, Б.М. Эйхенбаум. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949.

Розин 2009 – Розин В.М. Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. – М.: Либроком, 2009.

Розин 2018 – Розин В.М. Психическое заболевание как тренд развития личности и состояние культуры. – М.: URSS, 2018.

Розин 2024 – Розин В.М. Социальный диалог как проблема и условие медиации // *Философские науки*. 2024. Т. 67. № 2. С. 65–80.

Сосланд 2013 – Сосланд А.И. Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или как создать свою школу в психотерапии. – 2-е изд, исп. – М.: Московский городской психолого-педагогический университет, 2013.

Эйдельман 1987 – Эйдельман Н.Я. Пушкин. Из биографии и творчества. 1826–1837. – М.: Художественная литература, 1987.

REFERENCES

Akhiezer A.S. (2008) *Russia: A Critique of Historical Experience* (3rd ed.). Moscow: Novyy khronograf (in Russian).

Breuer J. & Freud S. (2021) Studies on Hysteria. In: Freud S., Breuer J., & Kretschmer E. *Hysteria: The History of Female Madness* (pp. 8–232). Moscow: Algorithm (Russian translation).

Davydov A.P. (2023) Alexander Samoylovich Akhiezer: The Divide in Russia and the Strategy for Overcoming It. In: Smirnov A.V., Kasavina N.A., & Nikolsky S.A. (Eds.) *Civilization: Polyphony of Meanings. Memoria* (pp. 379–388). Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ (in Russian).

Davydov A.P. (2024a) Mediation and Convergent Sociality: Toward a Theory of Social Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 135–159 (in Russian).

Davydov A.P. (2024b) The “Middle” as a Method: In Search for the Socio-Individual. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 4, pp. 114–135 (in Russian).

Davydov A.P. & Rozin V.M. (2017) *The Dispute over Mediation: The Divide in Russia and Mediation as a Strategy to Overcome It*. Moscow: URSS (in Russian).

Eidelman N.Ya. (1987) *Pushkin. From Biography and Works. 1826–1837*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).

Gefter M.Ya. (1988) “Stalin Died Yesterday...” *Rabochiy klass i sovremennyy mir*. No. 1, pp. 113–129 (in Russian).

Gordin Ya.A. (1974) The Years of Struggle: A Documentary Story. *Zvezda*. No. 6, pp. 20–85 (in Russian).

Pushkin A.S. (1937) *Complete Works in 17 Vols. Vol. 13: Correspondence. 1815–1827* (D.D. Blagoy, Ed.). Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House (in Russian).

Pushkin A.S. (1941) *Complete Works in 17 Vols. Vol. 14: Correspondence. 1828–1831* (N.V. Izmaylov, Ed.). Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House (in Russian).

Pushkin A.S. (1949) *Complete Works in 17 Vols. Vol. 12: Criticism. Autobiography* (V.V. Gippius, B.V. Tomashevskiy, & B.M. Eykhenbaum, Eds.). Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House (in Russian).

Repnikov A.V. (Ed. & Comp.) (2022) *The Treaty of Brest-Litovsk: Prologue, Conclusion, Results: A Collection of Documents*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Rozin V.M. (2009) *Features of Discourse and Research Models in the Humanities*. Moscow: Librokom (in Russian).

Rozin V.M. (2018) *Mental Illness as a Trend in Personality Development and a State of Culture*. Moscow: URSS (in Russian).

Rozin V.M. (2024) Social Dialogue as a Problem and Prerequisite for Mediation. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 65–80 (in Russian).

Sosland A.I. (2013) *The Fundamental Structure of the Psychotherapeutic Method, or How to Create Your Own School in Psychotherapy* (2nd ed.). Moscow: Moscow State University of Psychology and Education (in Russian).

Veresaev V.V. (1936) Pushkin in Life (Vol. 2; 6th ed.). Moscow: Sovetskiy pisatel' (in Russian).

Zehr H. (2002) *Restorative Justice: A New Perspective on Crime and Justice* (L.M. Karnozova, Ed.). Moscow: MOO Tsentr “Sudebno-pravovaya reforma” (Russian translation).

Субъект проекта реконцептуализации субъекта: проблема ответственности

В.Ю. Кузнецов

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

Р.Р. Карнеев

Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация

В статье исследуется тенденция к реконцептуализации субъекта в постнеклассической философии и анализируется трансформация проблемы ответственности в контексте современного человеко-машинного взаимодействия. Реконцептуализация субъекта предусматривает концептуальное переосмысление классического философского субъекта с учетом его критики проектом деконцептуализации субъекта. Авторами выделено три этапа концептуальной работы с субъектом: классическая концептуализация, предпринятая философией Нового времени; проект деконцептуализации, предпринятый неклассической философией; современный проект реконцептуализации, который авторы соотносят с постнеклассической философией. Одним из важнейших моментов перехода от деконцептуализации к реконцептуализации субъекта становится проблема ответственности. В случае проекта деконцептуализации пытались заменить классического субъекта внешними объективными силами, которые систематически влияют на него и в пределе лишают его субъектности. Соответственно, предпринимаются попытки переосмыслить и проект деконцептуализации, и самого субъекта, что выражается в отказе от отказа от субъекта. Авторы предлагают концепт пересборки субъекта. Субъект предстает как способный к самостоятельному действию продукт сложного процесса онто-, филогенетического развития и интериоризации различных компонентов. В рамках пересборки субъект продолжит нести ответственность за свои действия, поскольку он, несмотря на отсутствие центра или «природной» сущности, оказывается способным к перепрограммированию себя и самостоятельным действиям. Особое внимание уделяется актуализации проекта пересборки субъекта в контексте человеко-машинного взаимодействия. Развитие систем искусственного интеллекта приводит к формированию сложностного

континуума, в котором традиционная дихотомия субъекта и объекта заменяется динамической сетью распределенной субъектности. Концепт субъектной мембраны описывает избирательную проницаемость границ субъекта и позволяет описать процесс интеграции технических элементов в субъекта без утраты им способности к рефлексии и ответственности. Рассматривается проблема делегирования ответственности техническим системам и определения этически допустимых границ конструирования техносубъектности. Проект реконцептуализации не просто реабилитирует концепт ответственности, но расширяет его горизонт, переводя из сферы индивидуальной морали в область системной архитектурной этики.

Ключевые слова: проблема субъекта, пересборка, пересборка субъекта, ответственность, проблема ответственности, деконцептуализация субъекта, техносубъект, искусственный интеллект, медиационное мышление.

Кузнецов Василий Юрьевич – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры онтологии и теории познания философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

vassilik@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1288-5016>

Карнеев Родион Рафаэлевич – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии Российской академии наук.

rkarneev@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9724-7680>

Для цитирования: *Кузнецов В.Ю., Карнеев Р.Р. Субъект проекта реконцептуализации субъекта: проблема ответственности // Философские науки. 2025. Т. 68. № 3. С. 77–92.*

DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-3-77-92

Subject of the Project of Reconceptualizing the Subject: The Problem of Responsibility

V.Yu. Kuznetsov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

R.R. Karneev

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Abstract

The article examines the trend toward reconceptualizing the subject in post-non-classical philosophy and analyzes how the problem of responsibility transforms within contemporary human–machine interaction. Reconceptualizing the subject involves conceptually rethinking the classical philosophical subject while accounting for critiques advanced by the deconceptualization project. The authors identify three stages of conceptual engagement with the subject: classical conceptualization undertaken by early modern philosophy; the deconceptualization project pursued by non-classical philosophy; and the contemporary reconceptualization project, which the authors situate within post-non-classical philosophy. The problem of responsibility emerges as one of the most critical junctures in the transition from deconceptualization to reconceptualization. The deconceptualization project attempted to replace the classical subject with external objective forces that systematically influence and ultimately strip it of agency. This has prompted efforts to rethink both the deconceptualization project and the subject itself, manifesting as a refusal to refuse the subject. The authors propose the concept of reassembling the subject, whereby the subject emerges as an agent capable of autonomous action through a complex process of ontogenetic and phylogenetic development alongside the internalization of various components. Through reassembling, the subject retains responsibility for its actions because, despite lacking a fixed center or “natural” essence, it remains capable of self-reprogramming and autonomous agency. Particular attention is given to actualizing the subject reassembling project within human–machine interaction. The development of artificial intelligence systems generates a complexity continuum wherein the traditional subject–object dichotomy gives way to a dynamic network of distributed subjectivity (agency). The concept of the subjective membrane describes the selective permeability of subjective boundaries, allowing for the integration of technical elements without sacrificing the subject’s capacities for reflection and responsibility. The authors discuss the problem of delegating responsibility to technical systems and establishing ethically permissible boundaries for constructing technosubjectivity. The reconceptualization project not only rehabilitates the concept of responsibility but expands its scope, shifting it from individual morality to systemic architectural ethics.

Keywords: problem of subject, reassembly, reassembling the subject, responsibility, problem of responsibility, deconceptualization of subject, technosubject, artificial intelligence, mediational thinking.

Vasily Yu. Kuznetsov – D.Sc. in Philosophy, Associate Professor, Department of Ontology and Theory of Knowledge, Faculty of Philosophy, Moscow State University

vassilik@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1288-5016>

Rodion R. Karneev – Ph.D. in Philosophy, Research Fellow, Department of Interdisciplinary Problems in the Advance of Science and Technology, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

rkarneev@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9724-7680>

For citation: Kuznetsov V.Yu. & Karneev R.R. (2025) Subject of the Project of Reconceptualizing the Subject: The Problem of Responsibility. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 68, no. 3, pp. 77–92. DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-3-77-92

Введение

Современный этап концептуализации субъекта будем называть *реконцептуализацией* [Карнеев 2022; Карнеев, Мухортов 2022]. Каким образом появился этот термин? Если генеалогически проследить способы концептуальной работы с субъектом, которые предлагались и предполагаются философией, то типологически их можно объединить в три стратегии. Концептуализация субъекта классической нововременной философией, деконцептуализация субъекта и его реконцептуализация. Концептуальным контекстом каждого из трех способов работы с субъектом являются три типологических эпохи, которые многие мыслители выделяют в философии, а именно: классика – неклассика – постнеклассика [Кузнецов 2008; Степин 2009; Буданов 2015]. Соответственно, можно предположить некую типологическую гомологию между классикой и классической концептуализацией субъекта, неклассикой и деконцептуализацией субъекта, а постнеклассика оказывается связанной с современной реконцептуализацией субъекта.

Каким образом три философские концептуализации субъектности¹ сопряжены с проблемой ответственности? Предварительно можно утверждать, что существует непосредственная связь между концептуализацией субъектности и проблемой ответственности. Чтобы ее эксплицировать, необходимо вкратце описать то, что понимали и/или понимают под субъектом в рамках каждого из трех выделенных нами проектов.

¹ Мы различаем термины «субъектность» и «субъективность». Субъектность – то, что делает субъекта субъектом. Субъективность – качества, которые отличают конкретных субъектов с их индивидуальными идиосинкратическими особенностями восприятия и переживания (квалиа), а также с их спецификой внутреннего жизненного мира.

Перспективой этого рассмотрения будет вопрос ответственности. Кто будет нести ответственность? Кому мы (или какой-нибудь Большой Другой [Жижек 2014]) можем вменить ответственность? Кто, собственно говоря, действует? По всей видимости, ответом на поставленные вопросы послужит референция к субъекту. Но каким должен быть субъект, который будет способен нести ответственность за свои действия?

Эти вопросы приобретают особую значимость в современной ситуации развития нейросетей и формирования сложных континуумов человеко-машинного взаимодействия. Классическая дихотомия субъекта и объекта оказывается недостаточной для описания новых форм распределенной субъектности, возникающих в гибридных человеко-машинных системах. В контексте этого проект реконцептуализации субъекта должен учитывать не только интериоризацию социокультурных компонентов, но и интеграцию технических элементов, конституирование техносубъектности и проблему делегирования ответственности нечеловеческим акторам. Соответственно, помимо анализа трех исторических проектов работы с субъектом, необходимо рассмотреть специфику пересборки субъекта в условиях совместных гибридных (пере)сборок человеческих и нечеловеческих акторов, что позволит выявить новые измерения проблемы ответственности в постнеклассической философии.

Концептуализация и деконцептуализация субъекта

Классическая философия отождествляла субъекта с активным «Я», предназначенным для целенаправленной деятельности. Субъект Нового времени был прежде всего субъектом познания, поэтому эмпирический субъект (человек) рассматривался как носитель субъективных мнений и предрассудков. Основанием познания выступал надындивидуальный, трансцендентальный субъект – носитель общезначимых структур [Кант 1994]. Наличие этих структур обеспечивало нормативность: трансцендентальный субъект открывал «врата» нравственности для эмпирического. Человек мыслился как полная и свободная причина собственных действий, способная нести за них ответственность.

Однако изложенное понимание субъекта ставило перед философией неразрешимые проблемы. Например, почему субъект оказывается свободным и может нести ответственность за свои действия и поступки, если имеется цепь физических причин, которые, на первый взгляд, детерминируют все его поступки? Почему мы допускаем в то, что из одинаковых причин в каж-

дый последующий момент может возникнуть другое следствие [Юм 1996; Мейясу 2015]? Почему мы уверены в единстве и воспроизводимости нашего мира? Заданная надындивидуальная сущность в виде трансцендентального субъекта помогала Канту обойти вышеуказанные трудности и проблемы. Тем не менее обоснование существования подобного рода надындивидуальной сущности представляло собой большую проблему, особенно для разрешения вопросов о свободе, ответственности и самостоятельном существовании субъекта в философских теориях и концепциях.

Неклассическая философия (Ницше, Фрейд, Маркс) [Фуко 1994] поставила под сомнение активность, свободу и ответственность субъекта. Классические представления о субъекте были концептуально ограничены. Сформировались тенденции к построению неклассических онтологий, эпистемологий и этик. Под вопрос были поставлены цели и ценности, что привело к формированию аксиологии [Ницше 2012; Риккерт 1998]. Акцент сместился на эмпирического субъекта, предпринимались попытки его дестрансцендентализации. Субъект получил телесное воплощение и желания, а также оказался смертным, зависимым от условий собственного существования.

К тому же основным отличием деконцептуализации от классической концептуализации субъекта является ее нацеленность на объяснение субъекта с точки зрения объекта и в пределе сведение субъекта к внешним по отношению к нему силам. Субъект оказывается зависимым от объекта, объективных факторов, контекстов, сил и т.д. Такими внешними объективными силами могут выступать, например, классы (Маркс), общество (Дюркгейм), дискурс (Фуко), бессознательное (Фрейд, Лакан). Таким образом, последовательно проведенная линия деконцептуализации субъекта в пределе лишает субъекта ответственности за поступки. В таком случае виноватым оказывается не субъект действия, не действующий актер, а, например, общество, власть, эдипальные отношения, классовые диспозиции. При этом ответственность с субъекта снимают, что неприемлемо ни практически, ни теоретически.

Реконцептуализация и пересборка субъекта

Проект реконцептуализации нацелен на преодоление программы деконцептуализации. С этой точки зрения, субъект – продукт внешних объективных сил, однако становится субъектом и может проявлять собственную субъектность [Брайдотти 2021; Badiou 1988].

Это предполагает наличие ответственности субъекта за свои поступки.

Проект реконцептуализации соединяет два тезиса. Первый – внешние силы влияют на субъекта, но не детерминируют полностью его субъектность. Второй – именно благодаря этим силам субъект становится субъектом. «Внешние» социокультурные компоненты становятся важными составляющими «внутреннего» устройства субъекта. Например, человек рождается в контингентной среде, и в определенный момент признается субъектом с точки зрения государства («первое рождение»). Затем следует «второе рождение» – субъект пересобирает себя из наличных компонентов, целей и ценностей, свободно работая с ними. Субъект несет ответственность в обоих случаях благодаря интерпелляции внешними элементами. Подобный процесс определен как *пересборка субъекта*.

Термин «пересборка» заимствован у Б. Латура [Латур 2014]. Под пересборкой понимается результат «длительного и сложного процесса онто- и филогенетического формирования и который вдобавок на определенном уровне развития начинает сам себя программировать» [Кузнецов 2017, 150]. Это понимание предусматривает три концептуальных отказа. Во-первых, отказ от сущностного подхода – нет универсальных структур, маркирующих субъектность [Badiou 1991]. Властно-дискурсивные инстанции дают субъекту инструменты «выхода» и операционализации внешних воздействий. Во-вторых, отказ от предполагаемого центра субъекта. Можно говорить о системном эффекте, событии, собирающем множество компонентов в определенный момент. Этот эффект – результатия: субъект всегда находится в процессе становления [Негарестани 2021], образуя временные сборки. В-третьих, сохраняется возможность вменять субъекту ответственность, несмотря на гетерогенность входящих в него «плагинов» [Латур 2014]. Вариантов пересборки множество, и даже действия при пересборке предполагают ответственность, хотя и субъект ценностным образом, не всегда осознанно выбирает компоненты [Bourdieu 1965]. В этом смысле владение инструментами операционализации (теоретической и практической) входящих компонентов позволяет субъекту наиболее рационально подходить к процессу и пересборки, и концептуальной работы с уже включенными элементами [Лепский 2016]. Бессознательные выборы компонентов, в предельном случае совершаемые согласно целям и ценностям каждого субъекта, тоже подпадают под категорию ответственности. Примером подобного отноше-

ния может служить один из экзистенциалов, который выделяет Хайдеггер в «Бытии и времени» – экзистенциал бытия виновным [Хайдеггер 2013]. Человек (в данном случае мы рассматриваем субъекта как человека, что не отменяет не только того, что современный человек состоит также из нечеловеческих схем и элементов, но и того, что субъект не обязательно является человеком; при этом не следуем за Хайдеггером, критиковавшим концепт субъекта) всегда бытийствует виновным ввиду того, что человеку всегда приходится совершать выбор. Совершая тот или иной выбор, решая и действуя в пользу той или иной возможности, человек лишает себя других возможностей, таких возможностей, которые он *не* выбрал. Поэтому человек чувствует вину за нереализованные возможности. Следовательно, человек *ответственен* за свой выбор, за свои ценности и цели, которые «помогли» и «помогают» ему (субъекту) совершать некие выбор и самостоятельно действовать.

Таким образом, субъект в рамках постнеклассического проекта по его пересборке оказывается ответственен как минимум дважды. Он ответственен за свои действия (поступки) как субъекта. Такие поступки, например, могут быть оценены с точки зрения внешних легитимирующих инстанций, будь то государство с его правовой системой или общество с его системой моральных издержек и противовесов, довлеющих над человеческим субъектом. Он также ответственен за цели и ценности, которые выбирает и разделяет, поскольку пересборка субъекта в строгом смысле предполагает возможность (пусть и неполную) осознания и рефлексии над своими ценностями. Проблематизация целей и ценностей требует перехода к новому типу рациональности, в рамках которого субъект и объект уже не рассматриваются как автономные и независимые друг от друга отдельные сущности (по примеру классики), а вступают в сложный континуум взаимодействий и разного рода, разной сложности итераций [Кузнецов 2022].

Сложностный континуум взаимодействия человеческого и машинного

Можно утверждать, что не существует отдельных автономных и «чистых» сущностей в виде субъекта и объекта. Представляется, что существуют выделенные «идеальные» точки, которые можно назвать терминами «субъект» и «материал». Они ограничивают и одновременно задают континуум взаимодействий. В этот континуум входят не только субъект и предположительное действие субъекта по схватыванию/концептуализации противостоящего

ему материала, но и цели, ценности, средства, с помощью которых происходит такого рода схватывание. Именно эта сложность [Аршинов, Свирский 2016], возникающая при взаимодействии субъекта и материала и включающая в себя сложный континуум отношений, взаимодействий, действий, целей, ценностей, средств не существует самостоятельно. Продуктивным в этом контексте видится концепт мышления «вместе-со-сложностью» [Аршинов, Янукович 2024, 61], который предполагает отход от кибернетической парадигмы контроля в направлении горизонтального сотрудничества человека и технических систем. В таком режиме взаимодействия наблюдатель не просто регистрирует континуум, но активно участвует в его конституировании через коммуникативные акты с нечеловеческими акторами.

Идея сложностного континуума находит воплощение в современных взаимодействиях человека и нейросетей. В этом гибридном пространстве традиционные границы между познающим субъектом и познаваемым объектом не просто размываются, а преобразуются в новую онтологию. Нейросеть перестает быть пассивным инструментом или «материалом»; она становится активным участником, «нечеловеческим партнером» в процессе познания и созидания, обладающим квазисубъектностью [Карнеев 2025, 144–145]. Системы искусственного интеллекта генерируют оригинальный контент, выдвигают гипотезы и демонстрируют адаптивность, функционально имитируя многие аспекты человеческой субъектности, оставаясь при этом в ином модусе существования. В результате возникает феномен «распределенной субъектности», при котором мышление и познание больше не сосредоточены только в человеке, а растекаются по всей познавательной «сети, охватывая разных участников и элементы» [Карнеев 2025, 142]. Таким образом, сложностный континуум представляет собой не пространство субъект-объектного взаимодействия, а динамическую сеть, в которой человеческие и машинные когнитивные процессы взаимно проникают и трансформируют друг друга.

Для описания специфики границ субъекта в условиях человеко-машинного взаимодействия продуктивным оказывается концепт субъектной мембраны. Субъектная мембрана характеризуется избирательной проницаемостью границ субъекта при сохранении внутреннего гомеостаза. Этот концепт позволяет удержать одновременно две важные характеристики: во-первых, субъект остается проницаемым для внешних влияний, технологических расширений и интеграции нечеловеческих элементов; во-вторых,

сохраняются целостность и идентичность субъекта, его способность к самостоятельному действию и ответственности. Субъект и среда (включая технологические артефакты) взаимно детерминируют друг друга через повторяющиеся взаимодействия, сохраняя свою операциональную автономию. В контексте взаимодействия с нейросетями это означает, что человеческий субъект непрерывно пересобирается через интеграцию результатов деятельности искусственных систем, однако не утрачивает субъектности.

В связи с изложенным возникает проблема наблюдателя этого континуума. Соответственно, континуум наблюдения задан с помощью целей, ценностей и средств (в пределе – оптики), которыми пользуется наблюдатель. Из этого следует, что для корректного и полного (т.е. обеспечивающего воспроизводимую надежность) описания континуума требуется учитывать ценности, цели и их влияние на используемые ресурсы описания.

Возникает своего рода парадокс. С одной стороны, мы признаем важную и конституирующую роль субъекта, понимаемого как наблюдателя, осуществляющего познание, которого мы не можем непосредственным образом отмыслить от наблюдаемого континуума. С другой – мы должны устранить субъективность субъекта, т.е. субъективный произвол наблюдателя. Поэтому во избежание путаницы следует выделить уровни наблюдателей [Аршинов 2013]. В связи с этим появляется проблема ответственности наблюдателя. Наблюдатель, чтобы наблюдать и за сложностным континуумом, и за другим(и) наблюдателем(ями), должен ответственно подходить к рационализации собственной оптики наблюдения и к самоописанию. Наблюдатель оказывается источником ответственности, может управлять (в какой-то мере) своим поведением и рационализировать его. В результате подобного рода ответственность может быть пересобрана и иначе рационализована по мере развития и влияния иных компонентов на процесс наблюдения. В данном контексте объективность (очевидно, не в классическом смысле) [Дастон, Галисон, 2018] является прямой ответственностью и эпистемической добродетелью наблюдателя, которую он может самостоятельно выбрать, отрефлексировать и в итоге пересобрать.

В ситуации гибридной субъектности вопрос ответственности наблюдателя усложняется. Наблюдатель оказывается способным к пересборке не только собственной субъектности, но и к конструированию субъектности систем искусственного интеллекта, делегированию им части ответственности. В акте делегирования ответственности и происходит конституирование того, что можно

назвать техносубъектом. Техносубъектность – это не автономная сущность, а эмерджентный эффект сопряжения человеческого и машинного. Процесс пересборки техносубъекта предполагает изменение параметров взаимодействия, переопределение делегируемых функций, модификацию алгоритмических структур и в итоге трансформацию принципов проекта человеко-машинной сборки. Кроме того, пересборка должна происходить таким образом, чтобы цели и ценности техносубъекта были согласованы с целями и ценностями человека.

Ввиду этого следует поставить вопросы о границах, в которых целесообразно и этически допустимо конструировать техносубъектность. Какой степени автономности и агентности следует достигать техническим системам? В каких ситуациях делегирование ответственности техносубъекту оказывается оправданным, а в каких – проблематичным? Где проходит граница между продуктивным конструированием гибридной субъектности и проблематичным растворением человеческой ответственности в техносистеме? Эти вопросы не имеют универсального ответа и требуют контекстуального рассмотрения в каждом случае человеко-машинного взаимодействия, причем их рассмотрение может потребовать создания институтов социальной экспертизы, способных оценивать не только технологические, но и антропологические аспекты [Буданов 2024, 45, 48], формирования культуры медиационного мышления между человеком и машиной [Давыдов 2024, 120–121]. Однако постановка этих вопросов указывает на необходимость разработки новой этики субъектности и новых механизмов ответственности, которые как учитывали бы распределенный характер агентности в гибридных системах, так и сохраняли бы центральную роль человеческого субъекта как инстанции, способной к рефлексии, критической оценке и в итоге устанавливающей цели и ценности конфигурации человеко-машинной сборки.

Заключение

Итак, нами проанализировано три концептуальных подхода к субъекту. Мы рассмотрели классическую концептуализацию субъекта, которую можно соотнести с классической философией Нового времени; деконцептуализацию субъекта, которая, по нашему мнению, типологически соотносится с неклассической философией (начиная от Ницше, Фрейда и Маркса); завершили исследование анализом современной философской ситуации постнеклассики, которая характеризуется проектом реконцеп-

туализации субъекта. Одним из главных способов реконцептуализации субъекта в современной философии служит пересборка субъекта, при которой его понимают как сложное онто- и филогенетическое образование, формирующееся в процессе развития. Субъект оказывается становящейся фигурой, которая интериоризирует внешние по отношению к нему многообразные объективные компоненты, но непосредственно к ним не сводится, как предполагала философия проекта деконцептуализации субъекта. Вместе с тем проект реконцептуализации субъекта не отказывается от его ответственности. Последовательно проведенная линия деконцептуализации субъекта, в рамках которой выявлялись объективные внешние силы, систематически влияющие на него и в пределе сводящие его к объекту, лишает субъект ответственности. Действительно, если мы признаем полную и тотальную детерминацию субъекта объективными силами, то должны вменить ответственность не ему, а этим внешним силам. Такая ситуация обесценивает понятие ответственности и делает его бессмысленным. Соответственно, в рамках проекта реконцептуализации субъекта в общем и пересборки субъекта в частности можно утверждать, что понятие ответственности сохраняется и ответственность может быть вменена субъекту, под которым следует уже подразумевать не только и не столько человека.

Проект пересборки субъекта в современной ситуации обнаруживает свою актуальность в контексте сложностного континуума взаимодействия человеческого и машинного. Появление нейросетей как «нечеловеческих партнеров» трансформирует традиционную онтологию, заменяя дихотомию «субъект – объект» динамической сетью распределенной субъектности. В этой гибридной реальности, в которой познание и действие являются эмерджентным свойством всей системы, классическое понимание ответственности становится недостаточным. В рамках сложностного человеко-машинного континуума ответственность перемещается с изолированного автономного субъекта на распределенную гибридную систему. Но вместе с тем сохраняется возможность вменения ответственности человеческому субъекту как той инстанции, которая осуществляет конечную сборку и пересборку системы взаимодействий в целом. Объективность в этом контексте становится не столько свойством отдельного наблюдателя, сколько эмерджентным качеством всей человеко-машинной системы наблюдения, в которой различные перспективы – человеческие и машинные – взаимно корректируют и дополняют друг друга, создавая более богатую и многомерную картину наблюдаемого.

Процесс пересборки техносубъекта предполагает изменение параметров взаимодействия, переопределение делегируемых функций и трансформацию принципов человеко-машинной сборки таким образом, чтобы цели и ценности техносубъекта были согласованы с целями и ценностями человека.

Ввиду этого проект реконцептуализации субъекта не просто реабилитирует концепт ответственности, но и кардинально расширяет его горизонт. Он переводит его из сферы индивидуальной морали в область системной архитектурной этики. В результате, возможно, потребуется разработка нового идеала рациональности для более детальной и конкретной проработки техносубъекта, возникающего на стыке человеко-машинных сборок. Речь идет о субъекте, главная ответственность которого заключается в осознанном и критическом проектировании таких гибридных форм разума и действия, внутри которых ему предстоит в дальнейшем существовать и действовать.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аршинов 2013 – *Аршинов В.И.* Чем для меня является постнеклассическая наука? // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 36. № 2. С. 92–95.

Аршинов, Свирский 2016 – *Аршинов В.И., Свирский Я.И.* Сложный мир и его наблюдатель. Часть вторая // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. № 1. С. 78–91.

Аршинов, Янукович 2024 – *Аршинов В.И., Янукович М.Ф.* Проблема техносубъекта в оптике мышления «вместе-со-сложностью» // Философские науки. 2024. Т. 67. № 3. С. 53–74.

Брайдотти 2021 – *Брайдотти Р.* Постчеловек. – М.: Логос, 2021.

Буданов 2015 – *Буданов В.* Трансдисциплинарные дискурсы постнеклассики: познание, коммуникация, самоорганизация в антропосфере // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. Бажанова, Р.В. Шольца. – М.: Навигатор, 2015. С. 145–159.

Буданов 2024 – *Буданов В.Г.* Техносубъект и антропосоциальные проблемы взаимодействия с искусственным интеллектом: синергия, демаркация, новая рациональность, риски // Философские науки. 2024. Т. 67. № 3. С. 27–52.

Давыдов 2024 – *Давыдов А.П.* «Середина» как метод: поиск социоиндивидуального // Философские науки. 2024. Т. 67. № 4. С. 114–135.

Дастон, Галисон, 2018 – *Дастон Л., Галисон П.* Объективность. – М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Жижек 2014 – *Жижек С.* Щекотливый субъект. Отсутствующий центр политической онтологии. – М.: Дело, 2014.

Кант 1994 – *Кант И.* Критика практического разума // *Кант И.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. – М.: Чоро, 1994.

Карнеев 2022 – *Карнеев Р.Р.* Проект реконцептуализации субъекта: незавершенная сборка // Концепт: философия, религия, культура. 2022. Т. 6. № 1. С. 7–19.

Карнеев 2025 – *Карнеев Р.Р.* Пересборка субъекта и субъектная мембрана: философское осмысление образования в эпоху нейросетей // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 6. С. 136–151.

Карнеев, Мухортов 2022 – *Карнеев Р.Р., Мухортов А.С.* Философия как практика: духовные упражнения и создание концептов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. Т. 73. № 4. С. 125–129.

Кузнецов 2008 – *Кузнецов В.Ю.* Сдвиг от классики к неклассике и наращивание порядков рефлексии в философии // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2008. № 1. С. 3–18.

Кузнецов 2017 – *Кузнецов В.Ю.* Пересборка субъектов и проблема развития // Философия науки и техники. 2017. Т. 22. № 2. С. 148–156.

Кузнецов 2022 – *Кузнецов В.Ю.* Постнеклассическое единство мира. – М.: РИПОЛ классик, 2022.

Латур 2014 – *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – М.: ИД Высшей школы экономики, 2014.

Лепский 2016 – *Лепский В.* Аналитика сборки субъектов развития. – М.: Когито-Центр, 2016.

Мейясу 2015 – *Мейясу К.* После конечности: эссе о необходимости контингентности. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015.

Негарестани 2021 – *Негарестани Р.* Работа нечеловеческого // Логос. 2021. Т. 31. № 3. С. 1–38.

Ницше 2012 – *Ницше Ф.* Генеалогия морали // *Ницше Ф.* Полное собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. – М.: Культурная Революция, 2012.

Риккерт 1998 – *Риккерт Г.* О системе ценностей // *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998. С. 363–391.

Степин 2009 – *Степин В.С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура / отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин. – СПб.: Мирь, 2009. С. 249–295.

Фуко 1994 – *Фуко М.* Ницше, Фрейд, Маркс // Кентавр. 1994. № 2. С. 48–56.

Хайдеггер 2013 – *Хайдеггер М.* Бытие и время. – М.: Академический Проект, 2013.

Юм 1996 – *Юм Д.* Трактат о человеческой природе // *Юм Д.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1996.

Badiou 1988 – *Badiou A.* L'être et évènement. – Paris: Seuil, 1988.

Badiou 1991 – *Badiou A.* On a Finally Objectless Subject // Who Comes after the Subject? / ed. by E. Cadava, P. Connor, J.-L. Nancy. – New York: Routledge, 1991. P. 24–32.

Bourdieu 1965 – Bourdieu P. Culte de l'unité et différences cultivées // Un art moyen. Essai sur les usages sociaux de la photographie / sous la dir. de P. Bourdieu. – Paris: Minuit, 1965. P. 32–106.

REFERENCES

Arshinov V.I. (2013) What is Post-Non-Classical Science for Me? *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 36, no. 2, pp. 92–95 (in Russian).

Arshinov V.I. & Svirskiy Ya.I. (2016) The Complex World and its Observer. Part Two. *Filosofiya nauki i tekhniki = Philosophy of Science and Technology*. Vol. 21, no. 1, pp. 78–91 (in Russian).

Arshinov V.I. & Yanukovich M.F. (2024) The Issue of Technosubject through the Lens of “Together-with-Complexity” Thinking. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 3, pp. 53–74. (in Russian).

Badiou A. (1988) *L'être et évènement*. Paris: Seuil (in French).

Badiou A. (1991) On a Finally Objectless Subject. In: Cadava E., Connor P., & Nancy J.-L. (Eds.) *Who Comes after the Subject?* (pp. 24–32). New York: Routledge.

Bourdieu P. (1965) Culte de l'unité et différences cultivées. In: Bourdieu P. (Ed.) *Un art moyen. Essai sur les usages sociaux de la photographie* (pp. 32–106). Paris: Minuit (in French).

Braidotti R. (2021) *The Posthuman*. Moscow: Logos (Russian translation).

Budanov V. (2015) Transdisciplinary Discourses of Post-Non-Classics: Cognition, Communication, Self-Organization in the Anthroposphere. In: Bazhanov V. & Scholz R.W. (Eds.) *Transdisciplinarity in Philosophy and Science: Approaches, Problems, Prospects* (pp. 145–159). Moscow: Navigator (in Russian).

Budanov V.G. (2024) Technosubject and Anthroposocial Challenges of Human–Artificial Intelligence Interaction: Synergy, Demarcation, New Rationality, and Risks. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 3, pp. 27–52 (in Russian).

Daston L. & Galison P. (2018) *Objectivity*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (Russian translation).

Davydov A.P. (2024) The “Middle” as a Method: In Search for the Socio-Individual. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki* (in Russian).

Foucault M. (1994) Nietzsche, Freud, Marx. *Kentavr*. No. 2, pp. 48–56 (Russian translation).

Heidegger M. (2013) *Being and Time*. Moscow: Akademicheskii proekt (Russian translation).

Hume D. (1996) A Treatise of Human Nature. In: Hume D. *Works in 2 Vols.* (Vol. 1). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Kant I. (1994) Critique of Practical Reason. In: Kant I. *Collected Works in 6 Vols.* (Vol. 4). Moscow: Choro (Russian translation).

Karneev R.R. (2022) Project of Reconceptualization of the Subject: Unfinished Assembly. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura*. Vol. 6, no. 1, pp. 7–19 (in Russian).

Karneev R.R. (2025) Reassembly of the Subject and the Subject Membrane: Philosophical Understanding of Education in the Era of Neural Networks. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 34, no. 6, pp. 136–151 (in Russian).

Karneev R.R. & Mukhortov A.S. (2022) Philosophy as Practice: Spiritual Exercises and the Creation of Concepts. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura = The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. Vol. 73, no. 4, pp. 125–129 (in Russian).

Kuznetsov V.Yu. (2008) The Shift from Classics to Non-Classics and the Increase in Orders of Reflection in Philosophy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya = Lomonosov Philosophy Journal*. No. 1, pp. 3–18 (in Russian).

Kuznetsov V.Yu. (2017) Reassembly of Subjects and the Problem of Development. *Filosofiya nauki i tekhniki = Philosophy of Science and Technology*. Vol. 22, no. 2, pp. 148–156 (in Russian).

Kuznetsov V.Yu. (2022) *Post-Non-Classical Unity of the World*. Moscow: RIPOL klassik (in Russian).

Latour B. (2014) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Moscow: HSE Publishing House (Russian translation).

Lepskiy V. (2016) *Analytics of the Assembly of Development Subjects*. Moscow: Kogito-Tsentr (in Russian).

Meillassoux Q. (2015) *After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency*. Yekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy (Russian translation).

Negarestani R. (2021) The Labor of the Inhuman. *Logos*. Vol. 31, no. 3, pp. 1–38 (Russian translation).

Nietzsche F. (2012) On the Genealogy of Morality. In: Nietzsche F. *Complete Works in 5 Vols.* (Vol. 5). Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya (Russian translation).

Rickert H. (1998) On the System of Values. In: Rickert H. *Science and History: A Critique of Positivist Epistemology* (pp. 363–391). Moscow: Respublika (Russian translation).

Stepin V.S. (2009) Classics, Non-Classics, Post-Non-Classics: Criteria for Distinction. In: Kiyashchenko L.P. & Stepin V.S. (Eds.) *Post-Non-Classics: Philosophy, Science, Culture* (pp. 249–295). Saint Petersburg: Mir (in Russian).

Žižek S. (2014) *The Ticklish Subject: The Absent Centre of Political Ontology*. Moscow: Delo (Russian translation).

Возможен ли диалог с техносубъектом? Архитектуры искусственного интеллекта и признаки сознания

А.В. Недяк

*Лаборатория по исследованию искусственного интеллекта,
Москва, Россия*

Аннотация

В статье рассматривается феномен сознания в контексте развития искусственного интеллекта (ИИ) и принципов современных нейробиологических теорий, каждая из которых предлагает собственное видение архитектоники сознательных процессов. Это позволяет выделить ряд специфических свойств (в их числе – глобальное рабочее пространство, рекуррентная обработка, метакогнитивная рефлексия, предсказательное программирование, высокая интеграция информации) как функциональных признаков когнитивных процессов, присущих биологическому сознанию. В определенных системах ИИ наблюдаются проявления некоторых из этих свойств, однако пока разрозненно и без глубокой взаимной интеграции. Переход к гибридным, в том числе нейросимвольным, архитектурам, расширение использования нейроэволюционного и «воплощенного» подхода в робототехнике создают предпосылки для приближения интегрированной архитектуры к «сознательным» когнитивным функциям. Вместе с тем рассмотренные условия подлинного диалога между человеком и потенциально сознательным техносубъектом – элементы интерсубъективности, эмпатии, взаимной этической ответственности и «проживания» или хотя бы функционального аналога телесного и социального опыта – позволяют заключить, что способность к такому диалогу выходит за рамки моделирования функциональных признаков. Допущение возможности появления в ближайшее время так называемого общего ИИ, способного не только выполнять все когнитивные функции человека, но и, возможно, демонстрировать автономное поведение и быть стороной подлинного диалога, обуславливает необходимость заблаговременной дискуссии о нормативном статусе техносубъекта (пределах субъектности и ответственности, правах, обязанностях,

гарантиях для человека) и разработки соответствующих этических принципов и регулятивных механизмов.

Ключевые слова: философия искусственного интеллекта, философия техники, теории сознания, социальный диалог, нейросимвольная архитектура, большие языковые модели, нейроэволюция, этика ИИ, регулирование ИИ.

Недяк Арсений Викторович – руководитель Лаборатории по исследованию искусственного интеллекта, действительный государственный советник 3 класса.

arseniy@lfair.org

<https://orcid.org/0009-0009-6034-6621>

Для цитирования: *Недяк А.В.* Возможен ли диалог с техносубъектом? Архитектуры искусственного интеллекта и признаки сознания // Философские науки. 2025. Т. 68. № 3. С. 93–113.
DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-3-93-113

Is Dialogue with a Technosubject Possible? Architectures of Artificial Intelligence and Signatures of Consciousness

A.V. Nedyak

Laboratory for Artificial Intelligence Research, Moscow, Russia

Abstract

The article explores the phenomenon of consciousness through the lens of advances in artificial intelligence (AI) and of contemporary neurobiological theories, each offering a distinct account of the architecture of conscious processing. This theoretical landscape allows us to identify several specific properties – such as a global workspace, recurrent processing, metacognitive monitoring, predictive processing, and high-level information integration – as functional signatures of cognitive processes inherent to biological consciousness. While certain AI systems exhibit some of these properties, they currently manifest in a fragmented and poorly integrated manner. The transition toward hybrid, particularly neurosymbolic, architectures, coupled with the expanding use of neuroevolutionary and embodied approaches in robotics, is laying the groundwork for integrated systems that more closely approximate conscious cognitive functions. However, the necessary conditions for a genuine dialogue between humans and a potentially conscious

technosubject – including elements of intersubjectivity, empathy, mutual ethical responsibility, and lived bodily and social experience, or at least functional analogues thereof – suggest that the capacity for such interaction transcends the mere simulation of functional properties. The potential emergence of artificial general intelligence (AGI) in the near future, an entity capable not only of performing all human cognitive functions but also of demonstrating autonomous behavior and engaging in genuine dialogue, necessitates a proactive discussion of the technosubject's normative status (the bounds of agency and responsibility, rights, duties, and safeguards for humans), along with the development of appropriate ethical principles and regulatory mechanisms.

Keywords: philosophy of artificial intelligence, philosophy of technology, theories of consciousness, social dialogue, neurosymbolic architecture, large language models, neuroevolution, AI ethics, AI regulation.

Arseniy V. Nedyak – Head of the Laboratory for Artificial Intelligence Research, 3rd class Active State Counselor of the Russian Federation.

arseniy@lfair.org

<https://orcid.org/0009-0009-6034-6621>

For citation: Nedyak A.V. (2025) Is Dialogue with a Technosubject Possible? Architectures of Artificial Intelligence and Signatures of Consciousness. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 68, no. 3, pp. 93–113. DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-3-93-113

Введение

Сегодня не существует общепринятой теории, объясняющей возникновение субъективного опыта из физических процессов, и пресловутая «трудная проблема сознания», сформулированная Чалмерсом [Chalmers 2008], остается нерешенной. Однако ускоряющееся развитие искусственного интеллекта (ИИ), предоставляя нам новые инструменты для исследования сознания, ставит и дополнительные вопросы. В частности, существует ли вероятность возникновения у ИИ неких феноменальных состояний и признаков сознания? Если такая вероятность существует, то каким образом это может произойти и как мы сможем распознать эти признаки?

Перспектива появления т.н. общего ИИ (artificial general intelligence, AGI), порождает вопросы не только философского, этического, но и во многом правового характера. С одной сторо-

ны, попытки воспроизвести архитектурные принципы мозговой деятельности в искусственных системах могут пролить дополнительный свет на природу биологического сознания, с другой – если возникнет техносубъект, обладающий способностью к подлинному диалогу, нам придется переосмыслить представления о сознании, автономности, моральном и правовом статусе машин и наших взаимоотношениях с ними.

Архитектуры искусственного интеллекта и функциональные признаки сознания

Современные нейробиологические теории сознания, в отличие от метафизических (дуализм, панпсихизм и др.), акцентируют внимание на процессах, приводящих к возникновению сознательного, субъективного опыта. В статье эти теории интерпретируются, исходя из гипотезы функционализма о том, что выполнение определенных процессов является достаточным условием для возникновения сознания, которое может быть смоделировано в любой сложной системе и на любом подходящем субстрате [Dennett 1991; Патнэм 1999]. Такая гипотеза принимается по прагматическим причинам: в отличие от конкурирующих взглядов, она хотя бы предполагает теоретическую возможность возникновения сознания в искусственных системах.

Наиболее распространенные современные теории сознания – теория глобального рабочего пространства (global workspace theory, GWT), теория рекуррентной обработки (recurrent processing theory, RPT), теории высшего порядка (higher-order theories, HOT), теория прогнозирующего кодирования (predictive processing theory, PPT), теория схемы внимания (attention schema theory, AST) и др. – на первый взгляд предлагают различное видение когнитивной архитектуры и механизмов сознания. Однако в последнее время все чаще высказывается мнение о том, что они не столько противоречат друг другу, сколько описывают разные аспекты единой реальности. Возможно, будущая «интегративная теория сознания» объединит сильные стороны теорий [Storm et al. 2024]. Такой процесс следовал бы логике развития квантовой теории, в рамках которой разные интерпретации существуют для объяснения одних и тех же феноменов. Прогресс в области нейронауки и развитие методов нейровизуализации действительно создают предпосылки для возможной интеграции этих теорий в будущем.

Сегодня, исходя из тезисов современных нейробиологических теорий сознания, можно выделить ключевые функциональные признаки, основанные на принципах обработки информации и организации доступа к ней. Такой перечень признаков носит во многом эвристический характер и не подразумевает тождества нейробиологических механизмов с системами ИИ, однако позволяет очертить концептуальные ориентиры процессов, наличие которых является недостаточным, но необходимым условием для моделирования механизмов сознания в искусственных системах:

- интеграция и трансляция информации – способность системы собирать, объединять данные из разных источников в одном пространстве и «транслировать» их «глобально» другим модулям;
- рекуррентная обработка – наличие в системе механизмов, обеспечивающих многократную, циклическую обработку информации, что предполагает не просто однократное преобразование входных данных, а динамический процесс, в котором система постоянно обновляет свое внутреннее состояние на основе поступающей информации и результатов ее обработки. Система должна уметь «пересматривать» свои первоначальные выводы, используя новые данные;
- метакогнитивные способности – способность системы анализировать собственные процессы, оценивать их эффективность, выявлять ошибки и корректировать свое поведение. Это предполагает наличие у системы «модели самой себя» и «модели своих знаний»;
- прогнозирующее кодирование – способность системы генерировать прогнозы о будущих событиях и состояниях на основе имеющейся информации, корректировать свою модель в случае расхождений. Система должна демонстрировать способность не просто реагировать на текущие стимулы, но и моделировать вероятности, планировать свои действия с учетом этих предсказаний и адаптироваться к изменениям, корректируя оценки посредством обратной связи.

Анализ этих функциональных признаков открывает интересные возможности по экстраполяции тезисов нейробиологических теорий при рассмотрении особенностей современных архитектур ИИ. Так, в исследовании [Butlin et al. 2023] проведен анализ нескольких современных моделей и решений ИИ на предмет присутствия у них индикаторных свойств (indicator property),

сформулированных на основе интерпретации теорий сознания (GWT, RPT, HOT, AST и PPT) и свидетельствующих о наличии у системы предпосылок к возникновению субъективного опыта или «сознательных» процессов. В частности, в исследовании проанализировано, насколько трансформерная архитектура (например, модели GPT, BERT) соответствуют принципам теории глобального рабочего пространства. На первый взгляд механизм «внимания» (attention), позволяющий интегрировать информацию по всей последовательности данных, функционально напоминает «глобальное вещание», обеспечивающее доступность релевантной информации для системы в целом. Однако авторы исследования относятся к этой аналогии критически. Они указывают на фундаментальное структурное различие: в трансформерах информация движется только в одном направлении, через слои. Между тем GWT предполагает наличие рекуррентных связей, при которых информация из «глобального рабочего пространства» транслируется обратно в обрабатывающие модули, влияя на их работу. В трансформерах отсутствует этот ключевой механизм обратной связи. В связи с этим авторы приходят к выводу о том, что «существуют лишь относительно слабые основания полагать, что большие языковые модели на основе трансформеров обладают какими-либо индикаторными свойствами, выведенными из GWT» [Butlin et al. 2023, 59].

Системы ИИ, основанные на рекуррентной обработке (модели LSTM, GRU), в свою очередь, действительно демонстрируют индикаторное свойство, ассоциируемое с теорией рекуррентной обработки (RPT), – способность к обработке информации через механизмы обратной связи [Butlin et al. 2023, 48]. Однако, несмотря на их способность запоминать и обрабатывать последовательные данные, учитывая предыдущий контекст, они не обладают механизмами сознательного управления вниманием и возможностью интеграции информации в масштабах всей системы.

Генеративно-сопоставительные сети (generative adversarial network, GAN), которые создают новые образцы на основе вероятностных закономерностей в обучающих данных, рассмотрены в исследовании как перспективная архитектурная основа для реализации HOT. Авторы пишут о том, что ключевой особенностью GAN является наличие в них внутреннего механизма оценки. Этот компонент учится отличать ситуации, в которых внутренние представления системы вызваны реальными входными данными

(аналогом сенсорных сигналов), от тех, в которых они сгенерированы искусственно. Именно способность к оценке достоверности собственных «перцептивных» представлений и выполняет функцию, схожую с задачей метакогнитивного мониторинга, являющегося ключевой идеей HOT [Butlin et al. 2023, 54]. В исследовании главный акцент был сделан на больших языковых моделях (large language models, LLM) и агентах, обучаемых с подкреплением. Но и многие другие современные технологии и архитектуры могут быть релевантны в контексте поисков в ИИ предпосылок формирования сознательных процессов.

Классический символичный подход к архитектурам ИИ возник еще в 50–60-х годах XX века, однако быстро показал свои ограничения в решении задач, требующих обработки большого количества данных и выявления закономерностей. С такими задачами гораздо лучше справляются нейронные сети, практическое применение которых начинается с 80-х годов. Они быстро способствовали переходу к нейросетевой метафоре в психологии и философии сознания (к «коннекционизму» – connectionism), и именно их взрывной рост мы наблюдаем в течение последних нескольких лет.

Нейронные сети демонстрируют высокую эффективность в задачах восприятия, классификации и распознавания паттернов, компьютерном зрении, машинном переводе и множестве других задач. Однако во многом они остаются черным ящиком с точки зрения прозрачности алгоритмов, объяснимости и интерпретируемости [LeCun et al. 2015]. Символичный подход, напротив, обеспечивает прозрачную логику вывода, но страдает от так называемой проблемы заземления символов (symbol grounding problem), мешающей тому, чтобы придать необходимые значения символическим абстракциям [Harnad 1990], а также плохо масштабируется на сложные задачи восприятия.

Стремление объединить сильные стороны символических методов (среди них – объяснимость, работа с абстрактными правилами) и нейросетевых моделей (в их числе – гибкость, обучение на данных) привело к разработке нейросимволических и других гибридных архитектур. Из относительно ранних проектов следует указать ACT-RN [Anderson, Lebiere 1998] и CLARION [Sun 2002], у которых производственные правила (production rules) взаимодействовали с обучаемыми нейросетевыми компонентами.

Позднее появились логические нейронные сети (logical neural networks, LNN) от IBM. В этом подходе архитектура сети строится на прямом соответствии между нейронами и компонентами логических формул [Riegel et al. 2020]. Такая структура является полностью дифференцируемой, что позволяет обучать ее методами обратного распространения ошибки и градиентного спуска, сохраняя интерпретируемость логических выводов.

Интерес также представляют архитектуры, объединяющие нейронные сети с логическим программированием: DeepProbLog расширяет язык вероятностного логического программирования ProbLog с помощью нейронных предикатов, интегрирующих вероятностные оценки нейронных сетей в логические правила [Manhaeve et al. 2018]; ∂ ILP (differentiable inductive logic programming) переводит классическое индуктивное логическое программирование в дифференцируемое пространство параметров, позволяя градиентную оптимизацию для поиска логических правил по данным [Evans, Grefenstette 2018]; neural theorem provers (NTP) реализуют дедуктивные механизмы в нейросетевой архитектуре, заменяя операцию унификации термов на дифференцируемое сопоставление векторных представлений [Rocktäschel, Riedel 2017].

Все более популярными становятся практические схемы, в которых большие языковые модели отвечают за взаимодействие с пользователем, а символьные модули могут функционировать как дополнительные инструменты, отвечающие за решение задач, требующих строгости и объяснимости [Yang et al. 2025]. Такой подход стремится достичь оптимального баланса между креативностью и мощностью генеративных моделей, с одной стороны, и прозрачностью, верифицируемостью символьных механизмов – с другой [Dong et al. 2023].

Подобные нейросимвольные и иные гибридные архитектуры теоретически могут быть перспективны с точки зрения моделирования функциональных аналогов «сознательных» процессов в духе некоторых упомянутых нейробиологических теорий. Гибридные решения предоставляют возможность эмпирически разграничивать вычислительные процессы по иерархическим уровням: на нижнем уровне – неявные (подсознательные) процессы (распределенные представления, статистические связи), на высшем – явные символические представления, обеспечивающие метапознание, рефлексивность, объяснимость. В такой схеме «гло-

бальное рабочее пространство» или механизмы высшего порядка реализованы на верхнем уровне, отвечая за интеграцию данных, рефлексию, целенаправленное управление вниманием, а нейросетевые слои осуществляют обработку «сырой» информации.

Нейросимвольные архитектуры также могут частично обеспечить метакогнитивный мониторинг, необходимый в парадигме НОТ, если в их структуре предусмотрены механизмы проверки и обоснования собственных выводов или гипотез. Нейросимвольные фреймворки, в частности описанная выше архитектура LNN, позволяет системе не просто выдать результат, но и предоставить формальное доказательство корректности вывода. Такая способность к обоснованию собственных заключений служит функциональным аналогом рефлексии над процессом мышления. Таким образом, хотя это еще не является метакогнитивным мониторингом в строгом смысле НОТ (т.е. осознанием своего перцептивного состояния), но представляет собой ключевой структурной шаг к созданию систем, способных к подлинной интроспекции.

Помимо нейросимвольных и иных гибридных решений, при попытке концептуализировать архитектуры, которые потенциально могут стать основой для воспроизводства свойств сознательных процессов, стоит иметь в виду и другие направления развития ИИ. Во-первых, это перспективные исследования в области автоматизации машинного обучения (automated machine learning, AutoML) и гораздо в большей степени – нейроэволюции (evolutionary artificial neural networks, EANN). Основополагающей работой в области нейроэволюции стала работа Яо [Yao 1993], в которой исследована связь между процессами обучения нейронных сетей и эволюционными алгоритмами. Дальнейшие исследования привели к созданию методов NEAT (neuroevolution through augmenting topologies), HyperNEAT и экспериментам по эволюционным стратегиям ИИ. Если «эволюционирующая» система сама решает, как перестраивать свою структуру или когда пересматривать компоненты, то это можно трактовать как функциональный аналог метаобучения и самонаблюдения, сближающий такие архитектуры с парадигмой НОТ, хотя и не реализующий ее в строгом смысле. Важное направление исследований связано с совместной эволюцией морфологии и когнитивных модулей (co-evolution of morphology and control), предполагающей, что изменения в физической структуре робота и в его управляющих нейросетевых блоках происходят взаимосвязанно.

Во-вторых, заслуживают внимания графовые нейронные сети (graph neural networks, GNN), в частности GCN, GAT, GraphSAGE и др., способные обрабатывать данные, представленные в виде графов (например, семантические сети, социальные графы, онтологии). Если рассматривать GNN в связке с онтологическими моделями, то способность такой системы интегрировать разнообразную информацию и представлять ее в общем векторном пространстве можно охарактеризовать как механизм «интеграции и трансляции».

В-третьих, интерес представляют эксперименты с так называемым Gödel agent, вдохновленным машиной Геделя – саморазвивающейся архитектурой, которая позволяет агентам рекурсивно улучшать себя, используя LLM для динамической модификации своей логики и поведения, руководствуясь исключительно высокоуровневыми целями, заданными через промпты. Экспериментальные результаты показывают, что Gödel agent может достичь непрерывного самосовершенствования, превосходя вручную созданные агенты по производительности, эффективности и способности к обобщению [Yin et al. 2024].

Наконец, следует принять во внимание масштабное развитие технологий в рамках концепции «воплощенного ИИ» (embodied AI), согласно которой система обучается в реальной или виртуальной среде, осуществляя моторные и когнитивные действия и получая обратную связь. Большая часть работ в этой сфере, используя принципы обучения с подкреплением, до последнего времени ограничивалась игровой индустрией и нишевыми симуляциями. Однако попытки внедрять «воплощенный ИИ» в физическую робототехнику и системы ИИ с каждым годом все убедительнее [Xu et al. 2024].

Анализ архитектур и векторов развития ИИ позволяет прийти к выводу, что зарождающиеся признаки системной организации, способной стать носителем сознания, в машинах возникают не столько благодаря отдельным компонентам, сколько через их синергетическое взаимодействие. Так, современные гибридные, в частности нейросимвольные, системы демонстрируют первые элементарные проявления самоорганизации, самокоррекции и даже самонаблюдения, подготавливая почву для возникновения метакогнитивных и иных механизмов сознания. Некоторые нейроэволюционные подходы и системы, основанные на «воплощенном ИИ», не просто адаптируют свою структуру, но и

динамически перестраиваются, прогнозируя и выбирая стратегии для достижения поставленных целей и совершенствования собственной модели.

Таким образом, разработка методологии и критериев для оценки признаков «осознанности» в системах ИИ на основе современных теорий сознания превращает системы в экспериментальную платформу для исследования природы сознания. Это приводит не только к новым формам понимания человеческого и в целом биологического сознания, но и к осознанию того факта, что сегодня не существует фундаментальных теоретических препятствий для развития искусственных когнитивных систем, вплоть до уровней, которые когда-то мы считали доступными только живым организмам.

Но, если мы допускаем возможность возникновения искусственно мыслящей системы, способной потенциально обладать субъективным опытом, то внутренние, потенциально сложные когнитивные процессы такой системы должны найти свое выражение вовне, во взаимодействии с миром и, что особенно важно для нас, с человеком. Как функциональные аналоги саморефлексии или даже проявления феноменального опыта могут (или должны) манифестироваться в его поведении? И наоборот: если мы наблюдаем у ИИ все более сложное и адаптивное поведение, имитирующее человеческую осмысленность, что это говорит нам о его внутреннем устройстве и природе такого поведения? Какие критерии позволят нам признать, что общение, диалог с такой системой выходит за рамки искусной имитации и становится подлинной встречей мыслящих субъектов?

Способность к диалогу

Поиски сознания у машин, начиная с классического теста Тьюринга, часто опирались на идею о том, что успешная имитация диалогического общения свидетельствует о мыслящем существе по ту сторону экрана. Однако сегодня большие языковые модели могут поддерживать осмысленную беседу и проходят модифицированные версии теста Тьюринга. Современные LLM способны писать стихи о любви и тоске, рассуждать о красоте заката и даже утверждать, что обладают чувствами и сознанием. Они с поразительной точностью имитируют внешние проявления сознательной деятельности. Пока она является лишь чрезвычайно сложной статистической мимикрией, «стохастическим попугаем»,

мастерски компилирующим гигантские объемы человеческих текстов. Но сможет ли какая-нибудь перспективная архитектура ИИ обрести способность к подлинному диалогу, сознательному межсубъектному взаимодействию, даже интегрировав в себе необходимые когнитивные аспекты, моделируемые в рамках нейробиологических теорий?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сместить акцент с анализа внутреннего мира субъекта (который в случае ИИ остается для нас во многом непроницаемым черным ящиком) на межсубъектные отношения, применив оптику философии диалога, для которой подлинный диалог – это не просто обмен информацией, а «экзистенциальная встреча», предполагающая взаимную ответственность, открытость и сопричастность. М. Бубер выделяет отношение «Я – Ты», противоположное утилитарному «Я – Оно», в котором Другой воспринимается как объект и средство достижения цели [Бубер 2024]. Развивая эту идею, Э. Левинас пишет о лице Другого, которое обращается к нам с безмолвным призывом «Не убий!», с призывом, предшествующим рациональному мышлению и основанным на нашей первичной ответственности перед Другим [Левинас 2000]. Лицо Другого в данном случае – метафора инаковости, требующей этического отклика.

Параллельно с этической перспективой диалог раскрывается и как герменевтический процесс – любая попытка понять Другого всегда начинается с наших предшествующих ожиданий, «пред-рассудков», которые мы привносим в беседу. Но по мере нашего вовлечения в диалог открывается возможность «слияния горизонтов»: наши исходные представления, встречаясь с иным опытом, корректируются, создавая новое понимание. В свою очередь, эти «пред-рассудки» есть прямое следствие укорененности любого человеческого сознания в сети ценностей, отношений, опыта телесности, культурных слоях и смысловых полях – дорефлексивном и априорном «жизненном мире» (*Lebenswelt*) в терминологии Э. Гуссерля.

Настоящее «Я – Ты» взаимоотношение также должно быть эмпатичным, затрагивающим интимную сферу чувств и доверия. ИИ может имитировать эмпатические реакции, обучившись фразам, которые обычно свидетельствуют о сочувствии или сопереживании. Однако эта имитация легко разоблачается при более глубоком общении: современные архитектуры ИИ

пока не могут моделировать адекватный эмоциональный ответ в диалоге.

Еще одним ключевым элементом подлинного диалога является интересубъективность – готовность участников примерить на себя ценности, эмоциональные состояния и мотивы собеседника, способность видеть мир «изнутри» перспективы Другого, готовность к изменению, пересмотру своих взглядов и убеждений под влиянием Другого. Это способность учиться у Другого, обогащаться его опытом. Это в итоге – риск, поскольку встреча с Другим всегда непредсказуема и может привести к нашей собственной трансформации, когда Другой становится источником этического требования [Левинас 2000; Бахтин 2003].

Интерсубъективность предполагает, что участники коммуникации не просто декодируют сигналы, а по-настоящему сопереживают (не путать с сочувствием, которое все-таки может оставаться внешним). И, если техносубъект вносит в полифонию нечто «свое», если мы готовы признать его «голос» и позволить ему влиять на наше понимание, то так называемые техночеловеческие отношения смогут обрести признаки интересубъективного поля, и понимание этого нового Другого будет сформировано в пространстве слияния наших горизонтов опыта.

Способен ли ИИ обладать такими навыками? Некоторые исследования показывают, что алгоритм может формировать тонкие гипотезы о намерениях пользователя [Kosinski 2024]. Но похоже ли это на подлинное понимание, которое включает в себя «примеривание» на себя чужих чувств, а не просто статистическое прогнозирование ответов? Сторонники более сильной позиции полагают, что при достаточном уровне контекстуального обучения и физического или виртуального «вживания» в среду ИИ сможет эффективно эмулировать интересубъективное поведение, а при условии наделения машин более богатой сенсомоторной базой и включения их в социальный и культурный контекст может появиться техносубъект, обладающий полноценным «жизненным миром» [Floridi, Sanders 2004; Wooldridge 2021]. Ребенок тоже не рождается с готовой культурной и ценностной базой, он впитывает ее по мере своего роста в семье и обществе. Если ИИ будет «выращен» аналогично, с постоянным переживанием успехов и неудач, болевых и радостных состояний (пусть физически симулированных), теоретически он сможет развить эмпатию и ценностное восприятие. Так, некоторые алгоритмы машинного

обучения («обратное машинное обучение» – inverse reinforcement learning) предлагают путь, по которому ИИ может усваивать коллективно существующие нормы и ценности [Oliveira et al. 2023].

Один из возможных подходов – реализация принципов упомянутого «воплощенного ИИ», способного обучаться не только на основе данных (реальных и сгенерированных), но и с учетом собственного опыта взаимодействия с миром в виртуальной среде, которая имитирует реальный мир и предоставляет ИИ возможность накапливать собственные рефлексии. Развитие технологий виртуальной и дополненной реальности, а также робототехники уже приводит к созданию более «воплощенных» форм, что, в свою очередь, может способствовать формированию у ИИ подобия «жизненного мира» и возникновения аналога «аутопоэза» [Матурана, Варела 2019] – самоорганизующихся процессов, ведущих к появлению в том числе субъективного опыта. Виртуальная реальность также может предоставить ИИ среду для социального взаимодействия с людьми и другими ИИ, что может содействовать развитию у него социальных навыков и интерсубъективного понимания. Возможно, эмпатия и этическая ответственность не являются прерогативой человека, а представляют собой эмерджентные свойства любой сложной самоорганизующейся системы, включенной в социальный контекст. Возможно, техносубъект станет развивать собственную форму субъективности, свою уникальную феноменологию, которая будет для нас чуждой и непонятной, но от этого не менее реальной.

Отказ от дуального взгляда на диалог «человек – машина» открывает заманчивые возможности для осмысления его сущности. Так, представляется многообещающим рассмотрение диалога с потенциально сознательным техносубъектом с позиций межполюсной «середины» [Ахиезер 2008; Давыдов 2024], поскольку «медиационный смысл, родившийся в межполюсной “середине” как новое основание, изменяет не только тему диалога, как об этом говорит Библер, но и саму логику диалога, как об этом говорят Лекторский и Ахиезер – диалог переходит на новый уровень, становится договороспособным, формирующим компромисс в споре между культурой и обществом, ценностями и интересами, старым и новым на своем, то есть на новом (третьем) основании» [Давыдов 2020, 557].

Вполне вероятно, что именно «срединное» мышление сможет породить необходимые парадигмы понимания подлинного диа-

лога с техносубъектом, природа субъектности которого характеризуется как распределенная, возникающая в отношениях.

Заключение

Итак, мы допустили возможность возникновения сознания у искусственных систем с позиций современных нейробиологических теорий и показали, что сочетание различных архитектур ИИ может создать предпосылки для их дальнейшего сближения с когнитивными механизмами, присущими биологическому сознанию. Возможный подлинный диалог с техносубъектом также, как минимум, потребует:

- «жизненного мира», контекстуальности – социально-культурной и телесно-экзистенциальной укорененности в реальном мире или, возможно, эффективно для этого спроектированной виртуальной среде;
- интересубъективного понимания в пространстве «слияния горизонтов»;
- эмпатической окраски (подлинного или хотя бы функционально эквивалентного резонанса);
- этической ответственности – осознания актов коммуникации как потенциально влияющих на судьбу Другого, с готовностью признать свою причастность к такому влиянию.

Реализация этих, уже не функциональных, а феноменологических принципов, потребует не только нового витка технологической революции, но и переосмысления таких фундаментальных понятий, как сознание, субъектность и границы взаимной ответственности, поскольку подлинный диалог с техносубъектом следует концептуализировать не через бинарную оппозицию «человек – машина», а в контексте децентрированного, ризоматического взаимодействия, выходящего за рамки антропоцентрической парадигмы. В итоге степень готовности признать за техносубъектом самостоятельный голос – это не только вопрос технического прогресса, но и наше коллективное решение об ответственности за то, как мы соотносим себя с новым Другим и включаем его в наше видение мира.

Ряд исследователей и представителей крупных технологических компаний утверждают, что появление сознательного ИИ или, как минимум, так называемого сильного либо общего ИИ, в любой ее трактовке, очень близко. Другие считают, что это вопрос далекого будущего. Однако, даже если возможность по-

явления самосознающей системы окажется невысокой, в полной мере исключать ее было бы неосмотрительным. Стоит принять в качестве допущения то, что перспектива признания морального статуса ИИ также больше не является исключительно предметом научной фантастики.

Появление техносубъекта повлечет за собой новые этические и правовые вызовы. Какие моральные и правовые обязательства могут возникнуть у людей по отношению к ИИ (и наоборот)? Как общество должно подготовиться к ситуации, в которой ИИ способен выступать полноправным участником социального взаимодействия? Если машина проявляет автономное поведение, схожее с поведением человека, признаки субъективного опыта и, возможно, некоторый опыт телесности (воплощенности), то допустимо ли признать за ней правосубъектность? Сможет ли она стать «persona» в терминах римского права, обладая «телом» (*corpus*), «разумным намерением» (*animus*) и «волей» (*voluntas*)?

История права знает примеры расширения круга субъектов: новых форм юридических лиц, признания прав животных и особого статуса экологических объектов. Применительно к ИИ это означает, что признание его правосубъектности будет зависеть от двух взаимосвязанных факторов:

- эпистемического (можем ли мы на основании наблюдаемого поведения и архитектурных особенностей заключить, что ИИ обладает свойствами, требующими признания его новым Другим и субъектом подлинного диалога?);
- нормативного (готовы ли мы включить такого техносубъекта в систему прав и обязанностей, принимая на себя ответственность за последствия?).

Отвечая на эти вопросы, необходимо уже сегодня начать обсуждать нормативные и этические рамки взаимодействия с потенциально сознательными системами. Регуляторам и исследователям стоит признать, что вероятность субъектности ИИ, пусть и не абсолютная, заслуживает внимания. В области регулирования ИИ следует заранее вести дискуссию о сценариях, при которых ИИ предоставлены права, поскольку участник подлинного диалога автоматически становится и моральным агентом, интересы и потребности которого необходимо учитывать.

Сегодня необходимо разрабатывать политики, процедуры и стандарты, учитывающие последствия появления ИИ, способного к подлинному диалогу, саморефлексии и, возможно, об-

ладающего неким уровнем субъективного опыта. Это позволит заблаговременно установить правовые и этические ориентиры, избежав дилемм, с которыми может столкнуться общество, если внезапно, что нельзя исключать, подобные технологии станут реальностью. И регулирование в данной сфере целесообразно начинать с признания потенциальной субъектности ИИ и включения этой возможности в рамки правовой, общественной и научной дискуссии.

Не менее актуальной, особенно на фоне стремительно разворачивающейся глобальной гонки в сфере технологий ИИ, является задача побудить технологические компании совершенствовать подходы к разработке систем ИИ и, помимо стремления к оптимизации алгоритмов и повышению эффективности, уделять постоянное внимание признакам, указывающим на наличие проявлений «сознательных» процессов или устойчивой субъектности в их продуктах. Решение этой задачи позволит не только заблаговременно идентифицировать потенциальные риски, но и, возможно, получить возможность впервые создать новые правила диалога с техносубъектом.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ахиезер 2008 – *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Новый хронограф, 2008.

Бахтин 2003 – *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. – М.: Русское слово, 2003. С. 69–264.

Бубер 2024 – *Бубер М.* Я и Ты. – М.: АСТ, 2024.

Давыдов 2020 – *Давыдов А.П.* Методологическая середина как инструмент изучения социальной реальности // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 18 / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый Хронограф, 2020. Вып. 18. С. 529–564.

Давыдов 2024 – *Давыдов А.П.* Медиация и конвергентная социальность. К теории социального диалога // *Философские науки.* 2024. Т. 67. № 2. С. 135–159.

Левинас 2000 – *Левинас Э.* Избранное. Тотальность и бесконечное / пер. И.С. Вдовиной, Б.В. Дубина. – М.: Культур. инициатива; СПб.: Университетская книга, 2000.

Матурана, Варела 2019 – *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания: биологические корни человеческого понимания / пер. Ю.А. Данилова. – М.: URSS, 2019.

Патнэм 1999 – Патнэм Х. Философия сознания / пер. с англ. Л.Б. Макеевой, О.А. Назаровой. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.

Anderson, Lebiere 1998 – *Anderson J.R., Lebiere C.J.* The Atomic Components of Thought. – Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 1998.

Butlin et al. 2023 – *Butlin P., Long R., Elmoznino E., Bengio Y., Birch J., Constant A., ..., Kanai R.* Consciousness in Artificial Intelligence: Insights from the Science of Consciousness // arXiv preprint. 2023. arXiv:2308.08708.

Chalmers 2008 – *Chalmers D.J.* The Character of Consciousness. – Oxford: Oxford University Press, 2008.

Dennett 1991 – *Dennett D.C.* Consciousness Explained. – Boston: Little, Brown and Company, 1991.

Dong et al. 2023 – *Dong Y.R., Martin L.J., Callison-Burch C.* CoRRPUS: Code-based Structured Prompting for Neurosymbolic Story Understanding // Findings of the Association for Computational Linguistics: ACL 2023 / ed. by A. Rogers, J. Boyd-Graber, N. Okazaki. – Kerrville, TX: Association for Computational Linguistics, 2023. P. 13152–13168.

Evans, Grefenstette 2018 – *Evans R., Grefenstette E.* Learning Explanatory Rules from Noisy Data // Journal of Artificial Intelligence Research. 2018. Vol. 61. P. 1–64.

Floridi, Sanders 2004 – *Floridi L., Sanders J.W.* On the Morality of Artificial Agents // Minds and Machines. 2004. Vol. 14. No. 3. P. 349–379.

Harnad 1990 – *Harnad S.* The Symbol Grounding Problem // Physica D: Nonlinear Phenomena. 1990. Vol. 42. No. 1–3. P. 335–346.

Kosinski 2024 – *Kosinski M.* Evaluating Large Language Models in Theory of Mind Tasks // Proceedings of the National Academy of Sciences. Vol. 121. No. 45, article e2405460121.

LeCun et al. 2015 – *LeCun Y., Bengio Y., Hinton G.* Deep Learning // Nature. 2015. Vol. 521. No. 7553. P. 436–444.

Manhaeve et al. 2018 – *Manhaeve R., Dumancic S., Kimmig A., Demeester T., De Raedt L.* DeepProbLog: Neural Probabilistic Logic Programming // Advances in Neural Information Processing Systems. 2018. Vol. 31. P. 3749–3759.

Oliveira et al. 2023 – *Oliveira N., Li J., Khalvati K., Barragan R.C., Reinicke K., Meltzoff A.N., Rao R.P.* Culturally-Attuned Moral Machines: Implicit Learning of Human Value Systems by AI through Inverse Reinforcement Learning // arXiv preprint. 2023. arXiv:2312.17479.

Riegel et al. 2020 – Riegel R., Gray A., Luus F., Khan N., Makondo N., Akhalwaya I.Y., ..., Srivastava S. Logical Neural Networks // arXiv preprint. 2020. arXiv:2006.13155.

Rocktäschel, Riedel 2017 – Rocktäschel T., Riedel S. End-to-End Differentiable Proving // Advances in Neural Information Processing Systems. 2017. Vol. 30. P. 1–13.

Storm et al. 2024 – Storm J.F. Klink P.C., Aru J., Senn W., Goebel R., Pigorini A., ..., Larkum M.E. An Integrative, Multiscale View on Consciousness Theories // Neuron. 2024. Vol. 112. No. 10. P. 1531–1552.

Sun 2002 – Sun R. Duality of the Mind: A Bottom-Up Approach Toward Cognition. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2003.

Wooldridge 2021 – Wooldridge M. A Brief History of Artificial Intelligence: What It Is, Where We Are, and Where We Are Going. – New York: Flatiron Books, 2021.

Xu Z. et al. 2024 – Xu Z., Wu K., Wen J., Li J., Liu N., Che Z., Tang J. A Survey on Robotics with Foundation Models: Toward Embodied AI // arXiv preprint. 2024. arXiv:2402.02385.

Yang et al. 2025 – Yang S., Li X., Cui L., Bing L., Lam W. Neuro-Symbolic Integration Brings Causal and Reliable Reasoning Proofs // Findings of the Association for Computational Linguistics: NAACL 2025 / ed. by L. Chiruzzo, A. Ritter, L. Wang. – Kerrville, TX: Association for Computational Linguistics, 2025. P. 5732–5744.

Yao 1993 – Yao X. Evolutionary Artificial Neural Networks // International Journal of Neural Systems. 1993. Vol. 4. No. 3. P. 203–222.

Yin et al. 2024 – Yin X., Wang X., Pan L., Lin L., Wan X., Wang W.Y. Gödel Agent: A Self-Referential Agent Framework for Recursive Self-Improvement // arXiv preprint. 2024. arXiv:2410.04444.

REFERENCES

Akhiezer A.S. (2008) *Russia: A Critique of Historical Experience* (3rd ed.). Moscow: Novyy khronograf (in Russian).

Anderson J.R. & Lebiere C.J. (1998) *The Atomic Components of Thought*. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates.

Bakhtin M.M. (2003) Author and Hero in Aesthetic Activity. In: Bakhtin M.M. *Collected Works in 7 Vols.* (Vol. 1, pp. 69–264). Moscow: Russkoe slovo (in Russian).

Buber M. (2024) *I and Thou*. Moscow: AST (Russian translation).

Butlin P., Long R., Elmoznino E., Bengio Y., Birch J., Constant A., ..., & Kanai R. (2023) Consciousness in Artificial Intelligence: Insights from the Science of Consciousness. *arXiv preprint*. arXiv:2308.08708.

Chalmers D.J. (2008) *The Character of Consciousness*. Oxford: Oxford University Press.

Davydov A.P. (2020) The “Middle” as a Methodological Tool for Studying Social Reality. In: Gorshkov M.K. (Ed.) *Reforming Russia: Yearbook* (Vol. 18, pp. 529–564). Moscow: Novyy khronograf (in Russian).

Davydov A.P. (2024) Mediation and Convergent Sociality: Toward a Theory of Social Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 135–159 (in Russian).

Dennett D.C. (1991) *Consciousness Explained*. Boston: Little, Brown and Company.

Dong Y.R., Martin L.J., & Callison-Burch C. (2023) CoRRPUS: Code-based Structured Prompting for Neurosymbolic Story Understanding. In: Rogers A., Boyd-Graber J., & Okazaki N. (Eds.) *Findings of the Association for Computational Linguistics: ACL 2023* (pp. 13152–13168). Kerrville, TX: Association for Computational Linguistics.

Evans R. & Grefenstette E. (2008) Learning Explanatory Rules from Noisy Data. *Journal of Artificial Intelligence Research*. Vol. 61, pp. 1–64.

Floridi L. & Sanders J.W. (2004) *On the Morality of Artificial Agents. Minds and Machines*. Vol. 14, no. 3, pp. 349–379.

Harnad S. (1990) The Symbol Grounding Problem. *Physica D: Nonlinear Phenomena*. Vol. 42, no. 1–3, pp. 335–346.

Kosinski M. (2024) Evaluating Large Language Models in Theory of Mind Tasks. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 121, no. 45, article e2405460121.

LeCun Y., Bengio Y., & Hinton G. (2015) Deep Learning. *Nature*. Vol. 521, no. 7553, pp. 436–444.

Levinas E. (2000) *Selected Works. Totality and Infinity* (I.S. Vdovina & B.V. Dubin, Trans.). Moscow: Kul'tur. initsiativa; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga (Russian translation).

Manhaeve R., Dumancic S., Kimmig A., Demeester T., & De Raedt L. (2018) DeepProbLog: Neural Probabilistic Logic Programming. *Advances in Neural Information Processing Systems*. Vol. 31, pp. 3749–3759.

Maturana H. & Varela F. (2019) *The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding* (Yu.A. Danilov, Trans.). Moscow: URSS (Russian translation).

Oliveira N., Li J., Khalvati K., Barragan R.C., Reinecke K., Meltzoff A.N., & Rao R.P. (2023) Culturally-Attuned Moral Machines: Implicit Learning of Human Value Systems by AI through Inverse Reinforcement Learning. *arXiv preprint*. arXiv:2312.17479.

Putnam H. (1999) *The Philosophy of Mind* (L.B. Makeeva & O.A. Nazarova, Trans.). Moscow: Dom intellektual'noy knigi (Russian translation).

Riegel R., Gray A., Luus F., Khan N., Makondo N., Akhalwaya I.Y., ..., & Srivastava S. (2020) Logical Neural Networks. *arXiv preprint*. arXiv:2006.13155.

Rocktäschel T. & Riedel S. (2017) End-to-End Differentiable Proving. In: *Advances in Neural Information Processing Systems* (Vol. 30, pp. 1–13).

Storm J.F. Klink P.C., Aru J., Senn W., Goebel R., Pigorini A., ..., & Larkum M.E. (2024) An Integrative, Multiscale View on Consciousness Theories. *Neuron*. Vol. 112, no. 10, pp. 1531–1552.

Sun R. (2003) *Duality of the Mind: A Bottom-Up Approach Toward Cognition*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

Wooldridge M. (2021) *A Brief History of Artificial Intelligence: What It Is, Where We Are, and Where We Are Going*. New York: Flatiron Books.

Xu Z., Wu K., Wen J., Li J., Liu N., Che Z., & Tang J. (2024) A Survey on Robotics with Foundation Models: Toward Embodied AI. *arXiv preprint*. arXiv:2402.02385.

Yang S., Li X., Cui L., Bing L., & Lam W. (2025) Neuro-Symbolic Integration Brings Causal and Reliable Reasoning Proofs. In: Chiruzzo L., Ritter A., & Wang L. (Eds.) *Findings of the Association for Computational Linguistics: NAACL 2025* (pp. 5732–5744). Kerrville, TX: Association for Computational Linguistics.

Yao X. (1993) Evolutionary Artificial Neural Networks. *International Journal of Neural Systems*. Vol. 4, no. 3, pp. 203–222.

Yin X., Wang X., Pan L., Lin L., Wan X., & Wang W.Y. (2024) Gödel Agent: A Self-Referential Agent Framework for Recursive Self-Improvement. *arXiv preprint*. arXiv:2410.04444.

Волонтерское движение как субъект социального диалога

О.А. Башева

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье анализируется сущность волонтерства и методология его исследования как субъекта социального диалога с основными участниками социальной политики, а именно – государством и бизнесом. Ключевые концепции, описывающие феномен волонтерства, отвечают на вопросы о том, кто и каким образом участвует в этой деятельности. Поднимаясь на более высокий уровень анализа, исследователи начинают рассматривать волонтерство как деятельность, через которую независимые индивиды реализуют высшие потребности (по А. Маслоу) в самоактуализации, партнерстве, альтруизме. Кроме того, волонтерское движение – это сфера деятельности, через которую реализуется социальный диалог между волонтерскими группами и государством, а также диалог внутри общества для его развития и решения актуальных социальных проблем. Такой социальный диалог проходит на равных, поскольку взаимная критика в нем носит конструктивный и созидательный, а не разрушительный характер. Волонтерство как активный субъект производит новую природу социального действия в социоиндивидуальной форме (по А.П. Давыдову и В.А. Лекторскому), которая предполагает совместную социальную ответственность, реализующуюся в рамках партнерства, нацеленного на решение острых социальных проблем, и на самореализацию участников этого партнерства. Совместная социальная ответственность в рамках такого партнерства осуществляется через механизм совместной деятельности (кооперации) и через внедрение инноваций в эту деятельность при совместном производстве для достижения общего блага. В процессе кооперации государство «отдает» часть своих полномочий гражданам, которые принимают на себя незанятый функционал в сферах социальной безопасности, защиты и опеки. В совместной деятельности разноресурсных субъектов, основанной на доверии и творческом поиске решений, формируется «третья субъ-

ектность» – синергия участников, открывающая новые возможности для ответа на проблемные ситуации.

Ключевые слова: философия совместной деятельности, партнерство, кооперация, солидарность, гражданское общество, социальная ответственность, третья субъектность, синергия, доверие, самоактуализация.

Башева Ольга Александровна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела теоретического анализа социальных трансформаций Института социологии ФНИСЦ РАН.

OlgaAUsacheva@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1459-0091>

Для цитирования: *Башева О.А.* Волонтерское движение как субъект социального диалога // *Философские науки.* 2025. Т. 68. № 3. С. 114–132. DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-3-114-132

The Volunteer Movement as an Agent of Social Dialogue

O.A. Basheva

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article examines the nature of volunteering and the conceptual approaches to its study as an agent in social dialogue with key stakeholders in social policy, namely the state and the business sector. Foundational concepts of volunteering typically address the composition and modalities of participation. At a higher level of analysis, however, researchers frame volunteerism as an activity through which individuals fulfill higher-order needs (in Maslow's sense) for self-actualization, partnership, and altruism. Furthermore, the volunteer movement serves as a platform for social dialogue between volunteer groups and the state, as well as within society at large, enabling social development and the resolution of pressing social problems. This dialogue proceeds on an equal footing and is characterized by mutual critique that is constructive and generative, not destructive. As an active agent, volunteerism gives rise to a novel form of social action, the "socio-individual" (as conceptualized by A.P. Davydov and V.A. Lektorsky). This form is predicated on a shared social responsibility, realized through partnerships dedicated to addressing critical social issues and advancing

the self-realization of participants. Within such partnerships, shared social responsibility is exercised through cooperative action and by integrating innovation into the co-production of public goods. In this cooperative process, the state partially devolves its functions to citizens, who in turn fill functional gaps in the domains of social security, protection, and welfare. The joint activity of diverse actors, grounded in trust and creative problem-solving, gives rise to a “third agency.” This emergent agency represents the synergy of the participants, unlocking new capacities for responding to complex societal challenges.

Keywords: philosophy of joint activity, partnership, cooperation, solidarity, civil society, social responsibility, third agency, synergy, trust, self-actualization.

Olga A. Basheva – Ph.D. in Sociology, Leading Research Fellow, Department of Theoretical Analysis of Social Transformations, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

OlgaAUsacheva@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1459-0091>

For citation: Basheva O.A. (2025) The Volunteer Movement as an Agent of Social Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 68, no. 3, pp. 114–132.

DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-3-114-132

Введение. Волонтерство в России как заметное явление общественной жизни

Волонтерская деятельность является одной из современных форм социальной активности и гуманизации общественных отношений, а содействие ее распространению и развитию относится к числу приоритетных направлений молодежной политики в России [Беляева и др. 2021]. Участвуя в решении значимых социальных проблем и компенсируя недостатки функционирования институциональных механизмов, волонтерство способствует консолидации общества, порождая необходимый социальный капитал.

На постсоветском пространстве волонтерство является хорошо знакомой формой гражданской активности, имеющей богатые традиции. В советский период добровольческий труд представлял собой непростой феномен, в котором уживался, с одной стороны, формализм и принуждение, с другой – искренний энтузиазм и заинтересованность в выполнении таких общественно полезных

работ, как освоение целины, строительство БАМа и сибирских годов, тимуровское движение, уборка урожая на селе, реставрация памятников культуры, экологические патрули и др. Добровольное участие рассматривали как социально-политическую активность человека и поощряли. Добровольцы решали многие социальные проблемы, на которые не хватало ресурсов у государства [Беляева и др. 2021, 828].

В течение последних пятнадцати лет деятельность волонтеров в России вновь становится заметным явлением общественной жизни: по данным опросов, 98 % граждан в какой-то мере знают о ней, более четверти (28 %) – занимались ей лично когда-либо, а каждый пятый (20 %) – регулярно¹, у 57 % граждан знакомые занимаются волонтерством². С 2010 года, после затишья 90-х годов XX века, в нашей стране наблюдаются всплески волонтерских инициатив в рамках реагирования на чрезвычайные ситуации (ЧС): в периоды пожаров, случившихся в Центральной России в 2010 году, наводнений (в Крымске в 2012 году, в Тулуне в 2019 году). Активный рост стал наблюдаться в поисково-спасательном движении. Мощным толчком для развития массового волонтерского движения стали также Олимпиада в Сочи (2014) и пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 (2020). Люди, начавшие добровольческую деятельность в эти годы, продолжают участвовать в новых проектах. Наибольшая часть российских волонтеров занята в событийном волонтерстве, в сфере помощи социально незащищенным группам и экологии (58 %, 53 % и 50 % соответственно, по данным И.В. Мерсияновой³). Но вслед за О.Н. Яницким [Яницкий 2010] и И.В. Мерсияновой следует указать, что в современный период в нашей стране волонтерство носит мобилизационный характер⁴, т.е.

¹ ВЦИОМ. Главное из исследования. Воспринимаемые эффекты и потенциал развития добровольчества Российской Федерации // Добро. Университет. 2023. – URL: <https://edu.dobro.ru/upload/iblock/aa7/zk7-gjcwd34aohsnyiky2lbbbk8kyueya.pdf>.

² Волонтеры России: мониторинг // ВЦИОМ. 2023. 4 декабря. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volontery-rossii-monitoring>.

³ Мерсиянова И.В. Участие россиян в волонтерской деятельности // Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора. НИУ ВШЭ. 2019. – URL: https://grans.hse.ru/data/2019/05/29/1494016679/И.Мерсиянова_Волонтерство.pdf.

⁴ Захваткина А. «В России гражданское общество имеет мобилизационный характер» // Агентство социальной информации. 2020. 21 июля. – URL: <https://asi.org.ru/news/2020/07/21/volontery-ukaz-prezidenta/>.

часто является мгновенной реакцией на критические ситуации, а значит, сегодня оно встраивается в общую систему реагирования на такие ситуации, когда-то в полной мере заполняя собой незанятые государством и бизнесом ниши, а когда-то – во взаимодействии с этими игроками. В свою очередь, государство и бизнес, с одной стороны, поддерживают развитие волонтерства в стране, вступая с ним в диалог и оказывая финансовую и другую помощь, с другой – государство вводит регуляторные меры в попытке снизить стихийность волонтерского действия.

Волонтерство как объект анализа гуманитарных наук

В 70-е годы XX века с подачи Д.Х. Смита исследователи начали искать критерии для определения волонтерства как особого вида индивидуального и коллективного действия в разных сферах производительной деятельности. Только в Федеральном законе РФ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» выделено более двух десятков направлений подобной деятельности: от социальной поддержки и защиты граждан, охраны окружающей среды до участия в ликвидации ЧС и их последствий. Помимо направления деятельности, существует множество других оснований для классификации. Можно выделить, по крайней мере, три подхода, которые концептуализируют волонтерство, основываясь на характере предпринимаемых действий (дискреционное⁵/обязательное) [Stebbins 2015], уделенном времени (долгосрочное/краткосрочное участие), а также цели (служение себе / организации / сообществу / обществу в целом). Б. Найтингейл предположил, что волонтерство может служить, по крайней мере, трем целям: социальности (коммуникации), альтруизму и личной заинтересованности [Nightingale 1973]. С целью прочно связана ключевая мотивация волонтеров: она может быть коллективно- или индивидуально-ориентированная [Hustinx, Lammertyn 2003]. Волонтерство определяют и в зависимости от организационной принадлежности: оно может быть организованным (формальным) либо неорганизованным (неформальным), или спонтанным. Речь идет о том, принадлежит волонтер к одной организации или нескольким, действует в группе или индивидуально. В зависимости от формата вовлеченности выделяют онлайн- (виртуальное) или офлайн-волонтерство [Башева, Ермолаева 2020]. В зависимости от используемых навыков различают компетентное волонтер-

⁵ Дискреционный – основанный на возможности поступать по личному усмотрению.

ство, т.е. предполагающее использование определенных навыков, имеющихся у волонтеров [Dempsey-Brench, Shantz 2022], и pro bono волонтерство, предполагающее добровольное использование людьми своих профессиональных знаний в осуществлении общественно полезной деятельности [McCallum et al. 2013].

По месту деятельности (внутри предприятия) определяют корпоративное волонтерство. Это направление является одним из элементов социальной ответственности бизнеса. Предполагается, что корпоративное волонтерство несет положительные эффекты не только для благополучателей, но и для коммерческих компаний. Волонтеры выступают бенефициантами корпоративного волонтерства и как сотрудники компании, и как независимые граждане. С точки зрения социально-структурной логики развития гражданского общества корпоративное волонтерство можно трактовать как гражданскую практику коммерческих компаний, благоприятно отражающуюся на росте гражданской активности населения [Краснопольская 2012].

Ввиду широкого круга направлений и форматов деятельности большинство определений волонтерства акцентируют внимание на такой базовой черте, как добровольность (свободный индивидуальный выбор) выполняемой деятельности на благо людей, с которыми волонтер не связан узами родства, дружбы и брака (см., например: [Tilly, Tilly 1994, 291; Anheier, Salamon 1999, 50]). Вместо единого определения исследователи предложили ряд существенных характеристик рассматриваемого феномена [Спаан et al. 1996]. На основании контент-анализа более трехсот определений волонтерства выделено четыре оси, по которым существует консенсус среди большинства исследователей: свобода воли, вознаграждение, связь с бенефициарами и организационная включенность. Для каждой оси возможен целый спектр условий.

А.В. Невский предпринял попытку систематизации исследовательских подходов к определению волонтерства как многомерного явления и сделал вывод о том, что большинство из них фокусируется на двух вопросах: кто и как участвует [Невский 2018; Невский 2020]. Фактически он пришел к такому же заключению, что и Л. Хастинкс совместно с коллегами: до сих пор не существует комплексной концепции волонтерства, а попытки создать интегрированную теорию состоят в разностороннем описании волонтерского участия с точки зрения социологии, психологии, экономики и политологии [Hustinx et al. 2010].

Психологи обратили внимание на индивидуальные различия в психологических характеристиках, а набор черт, типичных для волонтеров, назвали «просоциальным типом личности». Среди них выделяют доброжелательность, экстраверсию, добросовестность и открытость опыту [Carlo et al. 2005], а также ориентацию на социальные ценности, эмпатию, позитивную самооценку [Penner, Finkelstein 1998; Cohen et al. 2001; Bussell, Forbes 2002].

Наиболее разработанное направление исследований связано с анализом мотиваций к волонтерству [Wilson 2000]. С символической точки зрения мотивации принято считать частью более широкого набора культурных смыслов, т.е. выражением определенных ценностей и убеждений [Wuthnow 1991; The Values of Volunteering... 2003]. Они встроены в культуру волонтерства, которая поощряет бескорыстные и сострадательные действия и не одобряет эгоистичных ориентаций. Функциональный подход рассматривает мотивы как выражение существующих у человека потребностей и предрасположенностей, предшествующих действию. Наиболее популярная среди исследователей функциональная модель предполагает шесть личных и социальных функций, которым служит волонтерство: ценность (действие на основе важных личных ценностей, связанных с альтруистическими и гуманитарными заботами о других), понимание (изучение или применение знаний, навыков, использование навыков, которые в противном случае могут остаться неиспользованными), улучшение (психологическое развитие), карьера (цель получения опыта, связанного с карьерой), социальная функция (укрепляют или создают социальные отношения, справляются с проблемами социальных наград и наказаний), защитная функция (уменьшает негативные чувства или личные проблемы) [Clary et al. 1998]. Разные волонтеры преследуют разные цели, но один и тот же волонтер может иметь более одной мотивации. Социологи заняты изучением социального профиля волонтеров, ставят вопросы о социально-экономических детерминантах их систематического участия [Wilson, Musick 1997; Musick, Wilson 2008], ценностях [The Values of Volunteering... 2003] и механизмах социализации [Wuthnow 1995; Janoski et al. 1998].

В рамках второго направления социологических исследований волонтерство понимается как продуктивная деятельность, служащая определенным функциям и удовлетворяющая определенные общественные потребности. Если вопросы социальной сплоченности отражают ценностную и коллективную природу

волонтерства, то в данном подходе основное внимание уделено услугам, предоставляемым волонтерами, которые опираются на такие человеческие ресурсы, как знания, навыки и неоплачиваемый труд. Волонтерская работа часто дополняет профессиональное предоставление услуг, но может быть и важным агентом социальных изменений при выявлении неудовлетворенных общественных потребностей, в борьбе с социальной несправедливостью и расширении прав и возможностей обездоленных групп [Ellis, Noyes 1990]. Кроме того, интерес социологов связан с описанием тех видов социальных связей, которые соединяют членов общества друг с другом, т.е. волонтерство рассматривается как чистая форма социальной солидарности и выражение основных человеческих ценностей, таких как альтруизм, сострадание, забота о других, щедрость, социальная ответственность и дух сообщества [Wuthnow 1991]. Это фундаментальное выражение принадлежности к сообществу и групповой идентичности и способствует социальной интеграции людей.

С экономической точки зрения волонтерство представляет собой парадокс, поскольку добровольцы занимаются деятельностью, в которой их затраты превышают выгоды, что опровергает базовое предположение экономистов о том, что человеческое поведение является эгоистичным и рациональным. Тем не менее существует несколько микроэкономических объяснений этого «иррационального» поведения. «Модель частных выгод» предполагает, что люди получают такие выгоды от волонтерства, как, например, навыки, обогащающие человеческий капитал, или позитивные эмоции. «Модель общественных благ» («чистый альтруизм») подразумевает, что люди готовы жертвовать своим временем ради предоставления общественных благ и услуг, которые они ценят. Но большинство экономистов придерживаются среднего пути и утверждают, что люди заинтересованы и в частных, и в общественных выгодах от волонтерства.

Политологи рассматривают волонтерство как основное условие для развития активного гражданского общества с гражданскими ценностями [Theiss-Morse, Hibbing 2005]. Люди могут заявлять о своих правах и повышать качество жизни своего сообщества только в случае, если они способны к самоорганизации. Волонтерское сообщество рассматривают как среду, в которой производится необходимый гражданскому обществу социальный капитал, а также как буфер между гражданами и правительствами, корпорациями.

С сущностной точки зрения исследователи до сих пор не пришли к консенсусу относительно того, чем является волонтерство: неоплачиваемый труд или досуг. Д.Х. Смит – основоположник традиции исследования волонтерства как досуга и стиля жизни, определивший его как поиск психологических вознаграждений (например, чувства сопричастности, роста самооценки, самоактуализации), не зависящий от биосоциальных факторов, материального вознаграждения и прямого принуждения [Smith 1975, 247]. Вслед за ним Р. Стеббинс использовал идею психологических вознаграждений для своей концепции «серьезного досуга» [Stebbins 1996], характеризуя волонтерство как акт индивидуальной воли, в котором социальные и экономические факторы, например обязательства перед местным сообществом, не рассматриваются либо играют второстепенную роль. В рамках альтернативной традиции волонтерство изучают и как форму неоплачиваемого труда [Kelemen et al. 2017; Overgaard 2019].

Российские исследователи рассматривают волонтерство более комплексно. М.В. Певная полагает, что одно определение не способно раскрыть основные содержательные характеристики волонтерства, поэтому решающее значение приобретает применение основных методологических подходов к его анализу [Певная 2012]. Для этого она предлагает использовать системный, институциональный, общностный и деятельностьный подходы, которые описывают характеристики волонтерства как системы, института, социальной общности и вида деятельности. Целью волонтерской деятельности является достижение как социального и экономического эффекта, так и практической пользы для ее объекта.

Контекст волонтерства:

условия для возникновения социального диалога

Для полного понимания детерминант, природы и процесса волонтерства исследователи вводят еще один уровень анализа, а именно изучение контекста, в котором оно происходит и развивается. Волонтерская деятельность встроена в межличностные отношения с другими волонтерами, сотрудниками некоммерческих организаций и бенефициарами помощи, а также находится во взаимодействии с государственной системой и бизнесом как основными субъектами социальной политики. Именно в рамках этих взаимодействий происходит в полной мере реализация потенциала волонтерства, а значит, рассматриваемое явление следует анализировать не замкнуто, а как открытую систему.

Волонтерская деятельность значима для общества в целом и отдельных его секторов, а также для самих волонтеров. На индивидуальном уровне участие в волонтерской деятельности способствует самореализации и самосовершенствованию, дает возможность получить новые знания и опыт, почувствовать себя социально значимым и полезным. Как отмечает А.П. Давыдов, высшие потребности или ценности человека (по А. Маслоу), являющиеся психологическим основанием для партнерских отношений, служат объяснительным механизмом волонтерского действия [Давыдов 2025]. Как показывают исследования на примере волонтерства общественной безопасности, для добровольцев альтруистические потребности крепко связаны с самоактуализацией, желанием реализовать имеющиеся навыки и знания и приобретать новые [Воронина, Башева 2023]. Можно утверждать, что в этом проявляется философский парадокс В.А. Лекторского: «Чем более всеобщий характер носит деятельность личности, тем более она личностно индивидуальна» [Лекторский 2024, 17]. Государству волонтерский труд помогает эффективнее решать социально значимые проблемы, бизнес также через развитие волонтерских проектов реализует концепцию социальной ответственности, растит кадры, увеличивает свою производительность. На стыке этих трех секторов мы обнаруживаем синергетическое качество – коллективную социальную ответственность, которая рождается в процессе социального диалога.

Российские философы понимают социальный диалог как равноправное, свободное и продуктивное взаимодействие, конструирование социума через свободное, равноправное коммуникативное взаимодействие, имеющего своей целью зрелое соглашение, компромисс, совместную интеграцию и партнерство [Курбатов 2014]. Вместе с тем процесс диалога – это социальное творчество в рамках зрелых общественных отношений, в которых обсуждение любых, даже острых социальных вопросов проходит в свободной форме изначального равенства возможных позиций, что способствует упрочению социального мира и социальной гармонии. Социальный диалог содержит в себе потенциал социального сплочения, солидаризации и социализации.

В условиях социального диалога возможно рождение такого синергетического явления, как совместная (коллективная) социальная ответственность. В ее основе находится общественная природа поведения человека, предполагающая определенные обязательства каждого члена общества [Бурчакова, Хожемпо 2015]. Система соци-

альной ответственности является многоуровневой, в нее вовлечены все хозяйствующие субъекты, государство и общество в целом. Социально ответственный процесс – это взаимодействие государства, бизнеса и общества на всех уровнях, имеющее целью эффективное решение задач социального и экономического характера с соблюдением баланса интересов всех участвующих сторон.

Изначально главными субъектами социальной ответственности выступали государство и бизнес. Социальная ответственность государства реализуется через проекты и программы для населения, а также через стимулирование корпоративной ответственности в бизнес-среде. Она подкреплена государственным контролем за соблюдением социальных стандартов, что способствует устойчивому развитию инфраструктуры и служит качественным показателем зрелости государства, его приверженности гуманистическим ценностям и заботы об уязвимых группах населения [Янцен, Доронина 2020].

Волонтерское участие же, по мнению М. Хаддад, является функцией норм гражданской ответственности сообщества. Такие нормы формируются идеями граждан о государственной и индивидуальной ответственности за решение социальных проблем и практикой государственных и социальных учреждений, которые поддерживают или подавляют волонтерские организации [Haddad 2007, 11–34]. Идеи граждан о государственной и индивидуальной ответственности определяют содержание норм гражданской ответственности сообщества. Практики государственных и общественных институтов влияют на силу этих норм, тем самым воздействуя на уровень участия сообщества. Степень вовлеченности субъектов в социальную ответственность во многом зависит от степени развитости гражданского общества [Бурчакова, Хожемпо 2015].

В рамках социального диалога, включающего в себя три перечисленных субъекта, рождается синергетическое качество – совместная (разделенная) социальная ответственность. Коллективная социальная ответственность бизнеса, государства и гражданского общества (в лице волонтерства) приобретает особое значение, способствуя снижению социальных потрясений общества, особенно в критических ситуациях и ЧС.

Условия социального диалога в процессе реагирования на чрезвычайные ситуации

Поскольку масштаб и самостоятельность волонтерского действия становятся особенно заметными в периоды ЧС (экологи-

ческая катастрофа в Керченском проливе, которая произошла в декабре 2024 года, вновь это показала), весной 2025 года депутаты Государственной думы РФ указали на необходимость разработки законопроекта, который скорректирует условия участия добровольцев в ликвидации последствий ЧС федерального характера. Законотворцы в России планируют предусмотреть механизм синхронизации действий Росмолодежи, МЧС, Минприроды, других ведомств по работе с волонтерскими организациями для обеспечения безопасности добровольцев, снижения рисков и повышения эффективности работы⁶, а точнее – для управления в целом ситуацией во время ЧС. В обычных условиях волонтеры продолжают работать по принципу саморегулирования. Изложенные намерения вряд ли с радостью будут встречены волонтерами, поскольку для них показателем эффективности работы во время ЧС являются равный диалог и признание их вклада в общее дело.

Авторское исследование среди волонтеров, участвующих в ликвидации последствий ЧС в Анапе (онлайн-опрос, $n = 169$), показало, что их взгляд на эффект гражданской самоорганизации отличается от взгляда чиновников. Для волонтеров именно диалог и кооперация, а не управление, могут стать возможностью к успешному сотрудничеству и достижению поставленных целей. Некоторые решения, предлагаемые волонтерами, имеющими необходимый опыт (например, профессиональными ветеринарами или спасателями), не восприняты всерьез, что существенно снижало мотивацию волонтеров и взаимное доверие между сторонами.

Ряд ситуаций, которые рождали взаимное напряжение, связаны, например, с отловом птиц, испачканных в мазуте, и их ранним выпуском в места обитания без должной реабилитации, а также несвоевременным оповещением волонтеров о каких-то решениях координационного штаба. Работой с животными, по словам волонтеров, они занимались преимущественно самостоятельно. Но некоторые решения чиновников, например о запрете на отлов птиц в ночное время, перекрывали возможность оказания помощи поскольку, как поясняет один из волонтеров, «ночью пострадав-

⁶ *Дорофеева Е.* Депутаты разработают законопроект о координации работы волонтеров во время ЧС // *Ведомости.* 2025. 15 апреля. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/04/15/1104354-deputati-razrabotayut-zakonoproekt-o-koordinatsii-raboti-volonterov>.

ших птиц, пока они спят, гораздо проще поймать, таким образом спасти можно намного больше особей».

При тесном взаимодействии всегда присутствует большой потенциал конфликта. Его грамотное разрешение через диалог и четкое распределение ролей может стать основой для взаимного уважения и сотрудничества. Условиями этого являются открытость, постоянный контакт, готовность к взаимопомощи, а также уважительное отношение к общественной инициативе со стороны властей, выражающееся в признании как экспертного уровня волонтеров, так и эффективности их практического вклада.

Выводы

Представленный в статье обзор подходов к анализу волонтерства показал его дуальность: с одной стороны, это явление, направленное на преумножение общественного блага, с другой – на самоактуализацию его индивидуальных участников, которые применяют имеющиеся знания и навыки и приобретают новые в процессе коллективных действий. Именно эти характеристики делают волонтерство эффективным субъектом социальной политики. Благодаря механизму сотрудничества (в совместной работе, обучении и при различных мерах поддержки) в таких сферах, как оказание медицинской помощи, социальных услуг, защита населения от ЧС и обеспечение пожарной безопасности, охрана окружающей среды, профилактика безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, предупреждение «социально опасных форм поведения»⁷, волонтерское сообщество встраивается в социальный диалог с государством и бизнесом как для ответа на острые социальные вызовы, так и для выработки коллективной социальной ответственности.

В первую очередь это стало возможным благодаря инновационному потенциалу волонтерских групп, их специальных компетенций и навыков. Во-вторых, благодаря повсеместному внедрению современных цифровых технологий, которые расширили сферу применения волонтерского действия, репертуар и масштаб их работы, сделали труд волонтеров более заметным. В-третьих, благодаря близости волонтеров к обществу (они смотрят на общественные проблемы с позиции общества, а не «сверху»). Волонтерские организации зачастую «способны

⁷ Правительство расширило сферы взаимодействия волонтеров с властью // Коммерсантъ. 2025. 25 января. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7459092>.

актуализировать социальные проблемы, которые ранее не получали институционального решения, либо своим влиянием изменять институционально закреплённые способы решения проблем – как это происходит, например, во взаимодействии чрезвычайных служб и волонтеров-спасателей» [Невский 2020, 41]. Именно в совместной творческой деятельности разноресурсных субъектов, между которыми существует взаимное доверие, рождаются новые стратегии решения критических ситуаций и выкристаллизовывается некая третья субъектность как синергетическое качество, делающее возможным эффективный ответ на проблемные ситуации.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Башева, Ермолаева 2020 – *Башева О.А., Ермолаева П.О.* Феномен цифрового волонтерства в чрезвычайных ситуациях: сущность, виды, теоретические рамки // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 1. С. 49–71.

Беляева и др. 2021 – *Беляева Л.А., Зеленев И.А., Прохода В.А.* Добровольчество в России: история развития и современные установки молодежи // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 4. С. 825–838.

Бурчакова, Хожемпо 2015 – *Бурчакова М.А., Хожемпо В.В.* Волонтерство как проявление социальной ответственности государства, общества и бизнеса // Современные технологии управления. 2015. № 4 (52). С. 15–20.

Воронина, Башева 2022 – *Воронина Н.С., Башева О.А.* Мотивация волонтеров, участвующих в реагировании на чрезвычайные ситуации: результаты массового опроса // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 2. С. 65–90.

Давыдов 2025 – *Давыдов А.П.* Между З. Фрейдом и А. Маслоу: барьеры и условия развития социального диалога // Философские науки. 2025. Т. 68. № 3. С. 133–159.

Краснопольская 2012 – *Краснопольская И.И.* Корпоративное волонтерство в России: основные характеристики // Корпоративное волонтерство в России. – 2-е изд. – М.: Центр развития филантропии «Сопричастность», 2012. С. 36–42.

Курбатов 2014 – *Курбатов В.И.* Социальный диалог: концептуальный анализ // Гуманитарий Юга России. 2014. № 1. С. 103–112.

Лекторский 2024 – *Лекторский В.А.* Индивидуализация, коллективность, диалог // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 13–25.

Невский 2018 – *Невский А.В.* Добровольные спасатели в системе ликвидации ЧС в России: к вопросу о взаимодействии гражданских организаций и государства // Власть и элиты. 2018. Т. 5. С. 562–588.

Невский 2020 – *Невский А.В.* Социология волонтерства: определение границ исследования // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 1. С. 30–46.

Певная 2012 – *Певная М.В.* Волонтерство как социологическая категория: определение понятия // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 2 (17). С. 118–126.

Яницкий 2010 – *Яницкий О.Н.* Мобилизационная структура гражданского общества // Официальный сайт Института социологии РАН. 2010. 8 ноября. – URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1924>.

Янцен, Доронина 2020 – *Янцен А.В., Доронина П.Н.* Социальная ответственность государства в сфере обеспечения социальной защиты населения // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 7 (47). С. 274–277.

Anheier, Salamon 1999 – *Anheier H.K., Salamon L.* Volunteering in Cross-National Perspective: Initial Comparisons // Law and Contemporary Problems. 1999. Vol. 62. No. 4. P. 43–65.

Bussell, Forbes 2002 – *Bussell H., Forbes D.* Understanding the Volunteer Market: The What, Where, Who and Why of Volunteering // International Journal of Voluntary Sector Marketing. 2002. Vol. 7. No. 3. P. 244–257.

Carlo et al. 2005 – *Carlo G., Okun M.A., Knight G.P., de Guzman M.R.T.* The Interplay of Traits and Motives on Volunteering: Agreeableness, Extraversion and Prosocial Value Motivation // Personality and Individual Differences. 2005. Vol. 38. No. 6. P. 1293–1305.

Clary et al. 1998 – *Clary E.G., Snyder M., Ridge R.D., Copeland J., Stukas A.A., Haugen J., Miene P.* Understanding and Assessing the Motivations of Volunteers: A Functional Approach // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. Vol. 74. No. 6. P. 1516–1530.

Cnaan et al. 1996 – *Cnaan R.A., Handy F., Wadsworth M.* Defining Who is a Volunteer: Conceptual and Empirical Considerations // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 1996. Vol. 25. No. 3. P. 364–383.

Cohen et al. 2001 – *Cohen A., Vigoda E., Samorly A.* Analysis of the Mediating Effect of Personal-Psychological Variables on the Relationship between Socioeconomic Status and Political Participation: A Structural Equations Framework // Political Psychology. 2001. Vol. 22. No. 4. P. 727–757.

Dempsey-Brench, Shantz 2022 – *Dempsey-Brench K., Shantz A.* Skill-Based Volunteering: A Systematic Literature Review of the Intersection of Skills and Employee Volunteering // Human Resource Management Review. 2022. Vol. 32. No. 4. Article 100874.

Ellis, Noyes 1990 – *Ellis S.J., Noyes K.H.* By the People: A History of Americans and Volunteers. – San Francisco: Jossey Bass, 1990.

Haddad 2007 – *Haddad M.A.* Politics and Volunteering in Japan: A Global Perspective. – Cambridge, UK: Cambridge University Press. 2007.

Hustinx et al. 2010 – *Hustinx L., Snaan R.A., Handy F.* Navigating Theories of Volunteering: A Hybrid Map for a Complex Phenomenon // *Journal for the Theory of Social Behavior*. 2010. Vol. 40. No. 4. P. 410–434.

Hustinx, Lammertyn 2003 – *Hustinx L., Lammertyn F.* Collective and Reflexive Styles of Volunteering: A Sociological Modernization Perspective // *Voluntas*. 2003. Vol. 14. No. 2. P. 167–187.

Janoski et al. 1998 – *Janoski T., Musick M., Wilson J.* Being volunteered? The impact of social Participation and pro-social attitudes on volunteering // *Sociological Forum*. 1998. Vol. 13. No. 3. P. 495–519.

Kelemen et al. 2017 – *Kelemen M., Mangan A., Moffat S.* More Than a ‘Little Act of Kindness’? Towards a Typology of Volunteering as Unpaid Work // *Sociology*. 2017. Vol. 51. No. 6. P. 1239–1256.

McCallum et al. 2013 – *McCallum S.Y., Schmid M.A., Price L.* CSR: A Case for Employee Skills-Based Volunteering // *Social Responsibility Journal*. 2013. Vol. 9. No. 3. P. 479–495.

Musick, Wilson 2008 – *Musick M., Wilson J.* *Volunteers: A Social Profile*. – Bloomington: Indiana University Press, 2008.

Nightingale 1973 – *Nightingale B.* *Charities*. – London: Allen Lane, 1973.

Overgaard 2019 – *Overgaard C.* Rethinking Volunteering as a Form of Unpaid Work // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2019. Vol. 48. No. 1. P. 128–145.

Penner, Finkelstein 1998 – *Penner L.A., Finkelstein M.A.* Dispositional and Structural Determinants of Volunteerism // *Journal of Personality & Social Psychology*. 1998. Vol. 74. No. 2. P. 525–537.

Smith 1975 – *Smith D.H.* Voluntary Action and Voluntary Groups // *Annual Review of Sociology*. 1975. Vol. 1. P. 247–270.

Stebbins 1996 – *Stebbins R.A.* Volunteering: A Serious Leisure Perspective // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 1996. Vol. 25. No. 2. P. 211–224.

Stebbins 2015 – *Stebbins R.A.* *Leisure and the Motive to Volunteer: Theories of Serious, Casual and Project-Based Leisure*. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015.

The Values of Volunteering... 2003 – *The Values of Volunteering: Cross-Cultural Perspectives* / ed. by P. Dekker, L. Halman. – New York: Kluwer Academic / Plenum Books, 2003.

Theiss-Morse, Hibbing 2015 – *Theiss-Morse E., Hibbing J.R.* Citizenship and Civic Engagement // *Annual Review of Political Science*. 2005. Vol. 8. P. 227–249.

Tilly, Tilly 1994 – *Tilly C., Tilly C.* Capitalist Work and Labor Markets // *The Handbook of Economic Sociology* / ed. by N. Smelser, R. Swedberg. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. P. 283–313.

Wilson, Musick 1997 – *Wilson J., Musick M.* Who Cares? Toward an Integrated Theory of Volunteer Work // *American Sociological Review*. 1997. Vol. 62. No. 5. P. 694–713.

Wilson 2000 – *Wilson J.* Volunteering // *Annual Review of Sociology*. 2000. Vol. 26. P. 215–240.

Wuthnow 1991 – *Wuthnow R.* Acts of Compassion. Caring for Others and Helping Ourselves. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991.

Wuthnow 1995 – *Wuthnow R.* Learning to Care: Elementary Kindness in an Age of Indifference. – New York: Oxford University Press, 1995.

REFERENCES

Anheier H.K. & Salamon L. (1999) Volunteering in Cross-National Perspective: Initial Comparisons. *Law and Contemporary Problems*. Vol. 62, no. 4, pp. 43–65.

Basheva O.A. & Ermolaeva P.O. (2020) The Phenomenon of Digital Volunteering in Emergency Situations: Essence, Types, Theoretical Frameworks. *Bulletin of the Institute of Sociology = Vestnik Instituta sotziologii*. Vol. 11, no. 1, pp. 49–71 (in Russian).

Belyaeva L.A., Zelenev I.A., & Prokhoda V.A. (2021) Volunteering in Russia: History of Development and Modern Attitudes of Youth. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 21, no. 4, pp. 825–838 (in Russian).

Burchakova M.A. & Khozhempo V.V. (2015) Volunteering as a Manifestation of Social Responsibility of the State, Society and Business. *Sovremennyye tekhnologii upravleniya*. No. 4, pp. 15–20 (in Russian).

Bussell H. & Forbes D. (2002) Understanding the Volunteer Market: The What, Where, Who and Why of Volunteering. *International Journal of Voluntary Sector Marketing*. Vol. 7, no. 3, pp. 244–257.

Carlo G., Okun M.A., Knight G.P., & de Guzman M.R.T. (2005) The Interplay of Traits and Motives on Volunteering: Agreeableness, Extraversion and Prosocial Value Motivation. *Personality and Individual Differences*. Vol. 38, no. 6, pp. 1293–1305.

Clary E.G., Snyder M., Ridge R.D., Copeland J., Stukas A.A., Haugen J., & Miene P. (1998) Understanding and Assessing the Motivations of Volunteers: A Functional Approach. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 74, no. 6, pp. 1516–1530.

Cnaan R.A., Handy F., & Wadsworth M. (1996) Defining Who is a Volunteer: Conceptual and Empirical Considerations. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 25, no. 3, pp. 364–383.

Cohen A., Vigoda E., & Samorly A. (2001) Analysis of the Mediating Effect of Personal-Psychological Variables on the Relationship between Socioeconomic Status and Political Participation: A Structural Equations Framework. *Political Psychology*. Vol. 22, no. 4, pp. 727–757.

Davydov A.P. (2025) Between S. Freud and A. Maslow: Barriers and Conditions for the Development of Social Dialogue. *Russian Journal of*

Philosophical Sciences = Filosofskie nauki. Vol. 68, no. 3, pp. 133–159 (in Russian).

Dekker P. & Halman L. (Eds.) (2003) *The Values of Volunteering: Cross-Cultural Perspectives.* New York: Kluwer Academic / Plenum Books.

Dempsey-Brench K. & Shantz A. (2022) Skill-Based Volunteering: A Systematic Literature Review of the Intersection of Skills and Employee Volunteering. *Human Resource Management Review.* Vol. 32, no. 4, article 100874.

Ellis S.J. & Noyes K.H. (1990) *By the People: A History of Americans and Volunteers.* San Francisco: Jossey Bass.

Haddad M.A. (2007) *Politics and Volunteering in Japan: A Global Perspective.* Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Hustinx L. & Lammertyn F. (2003) Collective and Reflexive Styles of Volunteering: A Sociological Modernization Perspective. *Voluntas.* Vol. 14, no. 2, pp. 167–187.

Hustinx L., Cnaan R.A., & Handy F. (2010) Navigating Theories of Volunteering: A Hybrid Map for a Complex Phenomenon. *Journal for the Theory of Social Behavior.* Vol. 40, no. 4, pp. 410–434.

Janoski T., Musick M., & Wilson J. (1998) Being Volunteered? The Impact of Social Participation and Pro-Social Attitudes on Volunteering. *Sociological Forum.* Vol. 13, no. 3, pp. 495–519.

Kelemen M., Mangan A., & Moffat S. (2017) More Than a ‘Little Act of Kindness’? Towards a Typology of Volunteering as Unpaid Work. *Sociology.* Vol. 51, no. 6, pp. 1239–1256.

Krasnopolskaya I.I. (2012) Corporate Volunteering in Russia: Main Characteristics. In: *Corporate Volunteering in Russia* (2nd ed.; pp. 36–42). Moscow: “Soprichastnost” Philanthropy Development Center (in Russian).

Kurbatov V.I. (2014) Social Dialogue: A Conceptual Analysis. *Gumanitarniy Yuga Rossii.* No. 1, pp. 103–112 (in Russian).

Lektorsky V.A. (2024) Individualization, Collectivity, Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki.* Vol. 67, no. 2, pp. 13–25 (in Russian).

McCallum S.Y., Schmid M.A., & Price L. (2013) CSR: A Case for Employee Skills-Based Volunteering. *Social Responsibility Journal.* Vol. 9, no. 3, pp. 479–495.

Musick M. & Wilson J. (2008) *Volunteers: A Social Profile.* Bloomington: Indiana University Press.

Nevskiy A.V. (2018) Volunteer Rescuers in the Emergency Response System in Russia: On the Interaction of Civil Organizations and the State. *Vlast' i elity = Power and Elites.* Vol. 5, pp. 562–588 (in Russian).

Nevskiy A.V. (2020) Sociology of Volunteering: Defining the Boundaries of Research. *Bulletin of the Institute of Sociology = Vestnik Instituta sotziologii.* Vol. 11, no. 1, pp. 30–46 (in Russian).

Nightingale B. (1973) *Charities.* London: Allen Lane.

Overgaard C. (2019) Rethinking Volunteering as a Form of Unpaid Work. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 48, no. 1, pp. 128–145.

Penner L.A. & Finkelstein M.A. (1998) Dispositional and Structural Determinants of Volunteerism. *Journal of Personality & Social Psychology*. Vol. 74, no. 2, pp. 525–537.

Pevnaya M.V. (2012) Volunteering as a Sociological Category: Definition of the Concept. *Surgut State Pedagogical University Bulletin*. No. 2, pp. 118–126 (in Russian).

Smith D.H. (1975) Voluntary Action and Voluntary Groups. *Annual Review of Sociology*. Vol. 1, pp. 247–270.

Stebbins R.A. (1996) Volunteering: A Serious Leisure Perspective. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 25, no. 2, pp. 211–224.

Stebbins R.A. (2015) *Leisure and the Motive to Volunteer: Theories of Serious, Casual and Project-Based Leisure*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Theiss-Morse E. & Hibbing J.R. (2005) Citizenship and Civic Engagement. *Annual Review of Political Science*. Vol. 8, pp. 227–249.

Tilly C. & Tilly C. (1994) Capitalist Work and Labor Markets. In: Smelser N. & Swedberg R. (Eds.) *The Handbook of Economic Sociology* (pp. 283–313). Princeton, NJ: Princeton University Press.

Voronina N.S. & Basheva O.A. (2022) Motivation of Volunteers Participating in Emergency Response: Results of a Mass Survey. *Bulletin of the Institute of Sociology = Vestnik Instituta sotziologii*. Vol. 13, no. 2, pp. 65–90 (in Russian).

Wilson J. (2000) Volunteering. *Annual Review of Sociology*. Vol. 26, pp. 215–240.

Wilson J. & Musick M. (1997) Who Cares? Toward an Integrated Theory of Volunteer Work. *American Sociological Review*. Vol. 62, no. 5, pp. 694–713.

Wuthnow R. (1991) *Acts of Compassion. Caring for Others and Helping Ourselves*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Wuthnow R. (1995) *Learning to Care: Elementary Kindness in an Age of Indifference*. New York: Oxford University Press.

Yanitskiy O.N. (2010, November 8) The Mobilization Structure of Civil Society. In: *Official Site of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences*. Retrieved from <http://www.isras.ru/publ.html?id=1924> (in Russian).

Yantsen A.V. & Doronina P.N. (2020) Social Responsibility of the State in the Sphere of Ensuring Social Protection of the Population. *Skif. Voprosy studencheskoy nauki*. No. 7, pp. 274–277 (in Russian).

Между З. Фрейдом и А. Маслоу: барьеры и условия развития социального диалога

А.П. Давыдов

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье исследуется природа социального диалога через призму противоборства двух фундаментальных начал в человеке: архаичных потребностей, блокирующих диалог, и высших ценностей, создающих основу для него. Для анализа этого антагонизма применяется сопоставление двух методологических подходов. С одной стороны, психоанализ З. Фрейда используется для рассмотрения «низших потребностей» (выживания, агрессии, подчинения вождю), формирующих культуру «массового индивида» и блокирующих диалог через архаичные стереотипы, такие как локализм, установка на синкретиз, эсхатологический комплекс, манихейское мышление, мироотречение, сакрализация власти. С другой стороны, гуманистическая психология А. Маслоу служит инструментом для исследования «высших потребностей/ценностей» (сотрудничества, уважения, доверия, самоактуализации), которые являются интеллектуальным фундаментом для подлинного социального диалога. Высшие потребности интерпретируются как основание диалогичности, открытости к Другому (М.М. Бахтин, В.А. Лекторский), формирующее социоиндивидуализм как альтернативу индивидуальному и коллективному эгоизму. Социальный диалог определяется как взаимодействие макросоциальных субъектов (государства, общества, индивида), опирающееся на высшие ценности и выступающее одновременно объектом и субъектом управления. В качестве примеров успешного социального диалога рассмотрен ряд кейсов: медиация при реализации национальных проектов с участием местного населения, концепция «индивидуальных бюджетных назначений» как форма прямого участия граждан в принятии решений государством и волонтерское движение как модель государственно-общественного партнерства, формирующая доверие и совместную ответственность. Эти примеры показывают, каким образом на практике могут быть созданы механизмы, переводящие абстрактные гуманистические идеалы в плоскость реальных управ-

ленческих решений. Сделан вывод о том, что социальный диалог, основанный на высших ценностях, выступает не просто как коммуникативный процесс, а как самостоятельная «третья субъектность». Она возникает в пространстве между взаимодействующими сторонами (например, государством и обществом), создает новое общее основание для деятельности, которое не сводится к интересам ни одной из исходных сторон, и становится медиатором, способствующим преодолению социокультурных расколов. Автор утверждает, что целенаправленное развитие таких диалогических практик служит основой для гуманистической эволюции общества, повышения качества управления и формирования подлинного гражданского общества.

Ключевые слова: социальная философия, социоиндивидуализм, гуманистическая психология, психоанализ, высшие потребности, низшие потребности, медиация, третья субъектность, гражданское общество, социальное доверие, социальное развитие, унификация, дифференциация.

Давыдов Алексей Платонович – доктор культурологии, эксперт РАН по социологии, главный научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН.

apdavydov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-6429-5758>

Для цитирования: Давыдов А.П. Между З. Фрейдом и А. Маслоу: барьеры и условия развития социального диалога // Философские науки. 2025. Т. 68. № 3. С. 133–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-3-133-159

Between S. Freud and A. Maslow: Barriers and Conditions for the Development of Social Dialogue

A.P. Davydov

*Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Abstract

The article discusses the nature of social dialogue by contrasting two fundamental and conflicting dimensions of human nature: archaic needs that impede dialogue and higher values that foster it. This antagonism is analyzed by juxtaposing two distinct methodological frameworks. First,

Freudian psychoanalysis is employed to explore “lower needs” – such as survival, aggression, and submission to a leader – which cultivate a “mass individual” culture and obstruct dialogue through archaic mindsets like parochialism, syncretic thinking, eschatological anxiety, Manichaeism, world-renunciation, and the sacralization of power. Second, Abraham Maslow’s humanistic psychology provides a lens to investigate “higher needs” and values – including cooperation, respect, trust, and self-actualization – which form the intellectual bedrock of genuine social dialogue. These higher needs are interpreted as the basis of dialogical openness to the Other (M.M. Bakhtin, V.A. Lektorsky) and as the foundation of socio-individualism as an alternative to individual and collective egoism. Social dialogue is defined as the interaction among macro-social actors (the state, society, and the individual) that is grounded in higher values and functions simultaneously as both an object and an agent of governance. Several cases illustrate effective social dialogue: mediated implementation of national projects with the participation of local communities; the concept of “individual budget allocations” as a form of direct citizen involvement in state decision-making; and the volunteer movement as a model of state–society partnership that builds trust and shared responsibility. These examples show how practical mechanisms can translate abstract humanistic ideals into concrete policy and administrative choices. The article concludes that social dialogue, when rooted in higher values, transcends mere communication to become an independent “third subjectivity.” Emerging in the space between interacting parties (e.g., the state and society), it establishes a new common ground for collective action – irreducible to the interests of either original side – and serves as a mediating actor capable of bridging socio-cultural divides. Deliberate cultivation of such dialogical practices, the author contends, underwrites the humanistic evolution of society, enhances the quality of governance, and fosters the development of a substantive civil society.

Keywords: social philosophy, socio-individualism, humanistic psychology, psychoanalysis, higher needs, lower needs, mediation, third subjectivity, civil society, social trust, social development, unification, differentiation.

Alexey P. Davydov – Doctor of Cultural Studies, RAS Expert in Sociology, Chief Research Fellow, Center for Sociology of Management and Social Technology, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

apdavydov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-6429-5758>

For citation: Davydov A.P. (2025) Between S. Freud and A. Maslow: Barriers and Conditions for the Development of Social Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 68, no. 3, pp. 133–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-3-133-159

Введение в проблему

В статье предлагается подход к исследованию феномена социального диалога, основанный на постановке вопроса о том, в каких условиях такой диалог возможен и в каких он принципиально затруднен или невозможен. Ответ на этот вопрос в статье тесно связан с теоретизированием психолога и социолога А.Г. Маслоу, разделившего потребности человека и, следовательно, его ценности на низшие (борьба за выживание, пища, жилье, безопасность, секс, принадлежность к родовой группе, сила, агрессия) и высшие (сотрудничество, любовь, красота, достоинство, уважение, самоуважение, автономность, эстетические потребности, индивидуализм, доверие/диалог/договороспособность, знаниевая коммуникация, устремленность к истине, гармония, благородство, порядочность, великодушие, самоактуализация) [Маслоу 2023]. Это разделение позволило Маслоу определить высшие потребности как смысловое и социальное пространство, в котором человек может самоактуализироваться, т.е. работать над собой, чтобы стать тем, кем он хочет и может стать.

Но значение выделения Маслоу высших потребностей в отдельную группу с позиции современных социальных наук гораздо шире. Возникает вопрос о том, в чем заключается функциональность этой группы как методологического инструмента социального развития. Можно спросить иначе. Каким образом высшие потребности/ценности становятся основанием совместной деятельности? С помощью какой методологии формируется мера совместности социальных партнеров?

Ответ состоит в том, что именно каждая из высших ценностей, выделенных Маслоу, несет одну общую неклассическую черту, делающую ее высшей: *открытость Я к диалогу с Другим, интеллектуальную способность познать себя только через взаимодействие с Другим, диалогичность. Из этого рождается призыв межсубъектных отношений, опирающихся на высшие потребности/ценности, к диалогу и способность личности ответить на этот призыв* (М.М. Бахтин, В.А. Лекторский).

Существует и другая неклассическая черта. Это принцип двойного субъекта, введенный В.Е. Лепским: «Принцип двойного субъекта определяет динамическую трансформацию (единичного. – А. Д.) субъекта в виртуального группового субъекта и, соответственно, динамическую трансформацию индивидуальной деятельности субъекта в виртуальную групповую деятельность, осуществляемую во взаимодействии субъекта со средой» [Лепский 2006, 114]. Двойную субъектность, взятую в динамике, объясняет В.А. Лекторский через философский парадокс: «Чем более всеобщий характер носит деятельность личности, тем более она личностно индивидуальна» [Лекторский 2024, 17]. Действительно, каждая высшая ценность, приуроченная Маслоу к индивидуализму личности, по определению виртуально формирует и направляет деятельность социальной группы. Например, картины «Джоконда» (Леонардо да Винчи) и «Купание красного коня» (К.С. Петров-Водкин) – продукты индивидуализма личности. Но, будучи, по Лепскому, виртуально групповыми субъектами, они являются продуктами реальной гигантской группы зрителей и специалистов, признавших эти картины мировой классикой. Высокое эстетическое чувство, родившееся из диалогичности эстетики этих художников, формирует групповую социальность и поддерживает усилия ученых, вводящих в научный оборот понятие «социоиндивидуализм» в качестве альтернативы термину «эго-индивидуализм» [Давыдов 2023, 148, 157; Давыдов 2024б, 130–131] и понятие социального диалога как диалога равных в качестве альтернативы соборно-авторитарным отношениям как суммы монологов. В совокупности и в процессе взаимопроникновения все эти частные открытости, двойственности и диалогичности, понимаемые как основания высших ценностей, составляют то, что мною называется интеллектуальным основанием социального диалога.

Социальный диалог – это диалог между субъектами социального действия, а именно:

– макросоциальными субъектами: государством, экономикой, обществом, населением, окружающей средой (О.Н. Яницкий, В.Е. Лепский¹);

¹ В.Е. Лепский пишет: «Мы допускаем рассмотрение окружающей среды (информационно-рефлексивной среды) как субъекта» [Лепский 2006, 112].

– ментальными, опирающимися в основном на высшие потребности/ценности (Маслоу²);

– социоиндивидуальными, осуществляющими деятельность согласно философскому парадоксу В.А. Лекторского и его социологической интерпретации А.П. Давыдова [Давыдов 2024б, 127–130].

Социальный диалог – это одновременно и объект управления, и соучастник управления как его субъект. Социальный диалог можно рассматривать как сущность гражданского общества, социально понимаемого государства, нации-государства и социоиндивидуализма личности; основание и надежный барометр политического здоровья человека и общества.

Основание социального диалога – высшие потребности/ценности А. Маслоу, взятые как социоиндивидуалистическая методология социального развития.

Введение в методологию

Социальный диалог в статье исследуется через две методологии. Во-первых, через методологию психоанализа З. Фрейда, анализирующего низшие потребности человека, доминирование которых ведет к диктату вождя, гипнотической реакции толпы (равнодушию, экстазу), господству коллективного бессознательного (К. Юнг), агрессии (Э. Фромм). Все это формирует «одномерного человека» как продукта массовой культуры (Г. Маркузе) и блокирует делиберативный диалог³ в социальной сфере. Во-вторых, через методологию гуманистической психологии А. Маслоу, исследующей высшие потребности человека, создающие условия для того, чтобы социальный диалог формировал личность и

² Деление ценностей на высшие и низшие находим и у других авторов. Г. Бейтсон в книге «Ангелы страшатся» сообщает, что книга К.Г. Юнга «Семь наставлений мертвым» акцентирует контраст между Плеромой – грубым физическим миром, управляемым только силами и импульсами, и Креатурой – миром Творения, управляемым отличительными признаками и различиями... Креатура организована, с одной стороны, в круговые причинно-следственные цепи (подобные таким, что изучает кибернетика), с другой – в иерархию уровней различных логических типов [Бейтсон, Бейтсон 2019].

³ Делиберативный диалог нацелен на интеллектуальный поиск меры совместности. Это диалог оппонентов на общем основании (диалог для) и/или на различных основаниях (диалог от), при котором «для» и «от» составляют тождество: «для» определяет цель совместности, «от» устанавливает ее границы [Давыдов 2021].

демократические социоиндивидуалистические механизмы социального развития.

Необходимо методологическое пояснение. Базовые ценности характерны для обеих групп потребностей/ценностей человека (низших и высших), но высшие потребности, по Маслоу, развивавшего некоторые идеи Г. Олпорта, в определенных условиях могут существовать независимо от низших. В частности, Маслоу пишет: «Высшее может появиться лишь на основе низшего, но в конечном счете упрочившись, может стать относительно независимым от низшего» [Маслоу 2023, 130]. В каком смысле низшие ценности (ценности физического выживания) являются, согласно Фрейду, базовыми? Человек, лишенный их, умрет либо будет страдать от соматических и психических заболеваний. В каком смысле высшие (духовные) потребности/ценности, по Маслоу, являются базовыми? Если этих ценностей лишить человека, он станет несчастным. Низшие ценности как абсолюты характерны для массового индивида, растворившего свое Я в массе, толпе, стереотипах исторически сложившейся родовой культуры. Высшие ценности характерны для индивидуума, т.е. для личности, способной порождать *открытость для коммуникации, диалогизм, «расширение масштаба личности»*, формировать идеи *социоиндивидуализма*⁴ личности и гражданского общества [Давыдов 2024б], изменять меру независимости своего Я от стереотипов культуры и вести диалог с культурой.

Этот метод позволяет нам сделать некоторые предварительные оценки, необходимые для дальнейшего исследования. Первая оценка: низшие потребности/ценности человека рефлексированы в основном в рамках классической философской системы «Я – не-Я», в которой Я – потребитель всего набора ценностей, а не-Я – лишь низших. Поэтому социальный (делиберативный межсубъектный) диалог Я с не-Я на расколотом основании невозможен, со стороны Я возможны лишь сомнение, недоверие, критицизм, колонизация, агрессия.

⁴ «Социоиндивидуализм» – понятие, введенное в научный оборот на заседании секции № 4 «Проблемы медиации и диалога» Всероссийской научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе», посвященной 300-летию РАН и 95-летию со дня рождения А.С. Ахиезера (Москва, Институт социологии ФНИСЦ РАН, 25 мая 2024 года). См.: [Давыдов 2023; Давыдов 2024а; Давыдов 2024б].

Вторая оценка: социальный диалог возможен, если он осуществляется в рамках неклассической системы «Я – Другой», в которой и Я, и Другой равноправны, обсуждают взаимовыгодные проекты, а межсубъектная коммуникация начинает формировать альтернативу дуализированной обособленности исходных субъектов через создание третьей субъектности как своего нового основания. Более того, третья субъектность, пройдя через этапы становления, все более определяет доминанту развития социума в целом.

Из этого следует третья оценка: социальный диалог возможен, если он разворачивается между носителями высших (по Маслоу) потребностей, реализуя социоиндивидуальные ценности. Конечно, представленная схема имеет отклонения и исключения. Тем не менее, полагаем, указывает на ряд возможностей исследования диалога между индивидуалистическим и коллективистским культурными ядрами России (между И-Россией и К-Россией) [Аузан 2024].

История социальных наук показывает: З. Фрейд и А. Маслоу будто разделили надвое менталитет человека и, следовательно, свои научные интересы между собой. Фрейд, объясняя собственный интерес к первичным позывам психики человека, которые он назвал Ид, пишет: «Несчетное число раз психоанализ упрекали в том, что он не интересуется высшим, моральным, сверхличным в человеке... Нам *не было надобности* дрожать за сохранение высшего в человеке, коль скоро мы поставили себе задачей заниматься изучением вытесненного в душевной жизни (курсив мой. – А. Д.)» [Фрейд 1999, 859]. Американский психолог Р. Кокс сообщает: «Некоторые критики утверждают, что Маслоу не уделял должного внимания темной стороне человеческой природы, а его позитивный настрой мешает сделать верные выводы» (цит. по: [Маслоу 2023, 370]). Действительно, Маслоу критикует психоанализ: «Теологи называют это первородным грехом или дьяволом. Фрейдисты называют это Ид, а философы, экономисты и педагоги называют это по-разному. Дарвину была так близка эта точка зрения, что он увидел в животном мире лишь соперничество, совершенно упустив из виду сотрудничество» [Маслоу 2023, 14].

Таким образом, З. Фрейд, исследуя «низшие этажи» менталитета человека, а значит, и его низшие потребности/ценности, изучал нелинейную психологию выживания человека и социума (утверждение патримониального управления и отрицание возможности

социального диалога). А. Маслоу, исследуя «высшие этажи» менталитета, занимался изучением динамики (вертикального) перехода человека в качественно новую стадию социокультурного бытия, т.е. занимался тем, что мы называем социальным прогрессом (социальный диалог как основание социального развития). Поэтому, изучая барьеры, препятствующие социальному развитию, исходящие из менталитета массового индивида, обращаемся к теории З. Фрейда; изучая факторы, способствующие медиации, социальному диалогу, становлению личности, формированию социоиндивидуализма и гражданского общества – к творчеству А. Маслоу.

Культура массового индивида (согласно З. Фрейду) как препятствие социальному диалогу

Массовый индивид, носитель низших потребностей/ценностей, послушен воле вождя, какой бы она ни была. Почему? Немецкий священник, философ Д. Бонхоффер называет это глупостью людей⁵. Но это не глупость. То, что выглядит, как оглушение, имеет фундаментальные причины. З. Фрейд пишет об активизации трех социально-психологических факторов как реакции на вожизм: 1) страх социального; 2) внушаемость; 3) заражаемость человека массы через эффект его впадения в гипнотическое (патологическое) состояние. Изучая феномен страха через дуальную оппозицию «страх – внушение», он сравнивает результат политического внушения с гипнотической патологией: «Под влиянием внушения (человек. – А. Д.) в непреодолимом порыве приступит к выполнению определенных действий (курсив мой. – А. Д.)» [Фрейд 1999, 776–777]. Цитируя работу французского психолога Г. Лебона «Психология народов и масс», Фрейд уточняет, что по-

⁵ Д. Бонхоффер пишет: «Глупость представляется скорее социологической, чем психологической проблемой. Она не что иное, как реакция личности на воздействие исторических обстоятельств, побочное психологическое явление в определенной системе внешних отношений. При внимательном рассмотрении оказывается, что любое мощное усиление внешней власти (будь то политической или религиозной) поражает значительную часть людей глупостью. Создается впечатление, что это прямо-таки социологический и психологический закон. Власть одних нуждается в глупости других» [Бонхоффер 1994, 34]. Бонхоффер – священник, открыто выступивший против фашизма и гитлеризма, арестованный гестапо и повешенный в 1945 году, незадолго до освобождения Германии советскими войсками. Он стал знаменит в философии и теологии письмами из тюрьмы, в которых ставил жизненно важные для церкви и христианской веры вопросы.

правляет его теорию массового индивида в деталях, но в целом опирается на нее в своих исследованиях психики и культуры массового индивида. Он пишет: «Исчезновение сознательной личности, преобладание бессознательной личности, ориентация мыслей и чувств в одном и том же направлении вследствие внушения и заражения, тенденция к безотлагательному осуществлению внушенных идей. Индивид не является больше самим собой, он стал безвольным автоматом» [Фрейд 1999, 776–777]. И далее продолжает: «Масса импульсивна, изменчива и возбуждима. Ею почти исключительно руководит бессознательное... легковерна и чрезвычайно легко поддается влиянию... не критична, неправдоподобного для нее не существует... немедленно *доходит до крайности*, высказанное подозрение сразу же превращается у нее в непоколебимую уверенность, зерно антипатии – в дикую ненависть, *склонную ко всем крайностям*» [Фрейд 1999, 778–779].

Выводы Фрейда применимы и к российской действительности. Например, превратившись в толпу, на массовых митингах в первой половине XX века осуждали и требовали расстрела Троцкого, Бухарина, Зиновьева, Каменева, в период хрущевской оттепели шельмовали так называемую антипартийную группу Маленкова, Кагановича, Молотова, на собраниях общественности требовали изгнать из России Б.Л. Пастернака, если он не откажется от присужденной ему Нобелевской премии по литературе и т.д. Это кризис лицемерного единства и раскол общества.

Фрейд продолжает: «Так как масса в истинности или ложности чего-либо не сомневается и при этом сознает свою громадную силу, она столь же нетерпима, как и подвластна авторитету. Она уважает силу, добротой же, которая представляется ей всего лишь разновидностью слабости, руководствуется лишь в незначительной мере. От своего героя она требует силы, даже насилия. Она хочет, чтобы ею владели и ее подавляли, хочет бояться своего господина. Будучи в основе своей вполне консервативной, у нее глубокое отвращение ко всем новшествам и прогрессу и безграничное благоговение перед традицией. Для правильного суждения о нравственности масс следует принять во внимание, что при совместном пребывании индивидов массы у них отпадают все индивидуальные тормозящие моменты и просыпаются для свободного удовлетворения первичных позывов все жестокие, грубые, разрушительные инстинкты, дремлющие в отдельной особи как пережитки первобытных времен» [Фрейд 1999, 785–786].

Предлагаем неполный, составленный с учетом психоаналитической методологии З. Фрейда перечень архаичных культурных стереотипов, сформировавшихся в родоплеменном, древнеимперском, вечевом состоянии, но все еще присутствующих в массовом сознании/бессознательном современного россиянина (массового индивида). Эти стереотипы – красный свет на путях развития социального диалога.

1. *Соборность и авторитарность в социальных отношениях* – составные части родового, вечевого сознания. Соборность формируется в массовом сознании как стереотип массы, голос народа, «правды», «всех людей» и в этом качестве предъявляет спрос на вождизм. Авторитарность вождя оформляет противоположный полюс вертикали, построенной по патримониальному принципу, и предъявляет спрос на соборность. Соборность и авторитарность унаследованы современной русской культурой из первых веков осевого времени, когда зарождались в мире централизованные государства. В России формировались массовый индивид, его вечевое сознание и вечевые способы управления обществом.

2. *Локализм, «кликость» массового сознания* – формирование массового сознания через стереотип «локальных миров», локальных сообществ «своих», создаваемых на основе деления по возрасту, полу, расе, этносу, роду деятельности. Принцип «локализма» – догосударственный стереотип, характерный для управления эпохи российского вечевого сознания. Онтологическая враждебность «локальных миров» друг к другу и государству порождает в обществе кликовые ценности, а в условиях попыток модернизации – неодолимый социокультурный раскол, разрушая процесс развития. Исторически сложившаяся кликовость массового сознания блокирует формирование гражданского общества и воспроизводит российский социум как «социум клик» (термин А.Д. Хлопина), как «власть кликокрации» (термин С.В. Патрушева) [Патрушев, Хлопин 2007], формирует массового индивида как субъекта массовой культуры.

3. *Установка на синкрезис*⁶ – убеждение, что достигнутый сегодня в управлении уровень дифференциации изначального синкрезиса является последним, дальнейшее дробление невозможно. Из этого происходит отказ от проблематизации того, что выглядит должным, вечным и неизменным, а именно – стиля и

⁶ Понятие «синкрезис», т.е. неорганическое единство, неорганический синтез, противостоит понятию «синтез» как органическому единству.

структуры управления, границы властных полномочий, способа принятия решений, управления ресурсами и межсубъектными отношениями и т.д. Исторически сложившийся менталитет противостоит дальнейшему дроблению и стремится вернуться к вершинам палеосинкретизма через идеал соборной церкви, имперско-племенного единства населения, коммунизма, через социальную апатию, мафиозное мышление, «нашизм», репрессию, милитаризацию образа жизни населения, агрессию в политике, ритуализм, алкоголизм, наркоманию.

4. *Познавательльно-моральный конструкт «должное/сущее»* – согласие массового сознания жить одновременно в противоположных мирах, а именно – в мире исторически сложившегося должного и одновременно в мире прагматического текущего сущего. Это порождает раскол сознания, а в политике оправдывает самые чудовищные решения и преступления. Такой разрыв (Л.Е. Бляхер), раскол (А.С. Ахиезер), истончение социальной ткани общества (И.Л. Недяк), двухъядерная структура российского общества, в котором одна часть ратует за то, чтобы «все национализировать», другая – за то, чтобы «все приватизировать» (А.А. Аузан), представляются наиболее глубоким источником массовой депрессии в российском менталитете и основным социальным механизмом дезорганизации управления. Глубокий анализ этого феномена дан в рассказах Л.Н. Андреева «Черт на свадьбе», «Христиане», «Правила добра», романе Л.Н. Толстого «Воскресении», рассказе «Двойник» и повести «Белые ночи» Ф.М. Достоевского, романе «Жизнь Клима Самгина» М. Горького и др.

5. *Эсхатологический комплекс* – идея, характерная для массового сознания, о том, что мир окончательно уклонился от должного, погряз в грехах и наступают последние дни. Эсхатологический человек отказался от общества, в котором живет. Он обеспокоен тем, что должен думать о спасении души, воспарить к светлому престолу Высшего судьи, а, по существу, вынужден принять волю очередного вождя. Эсхатологический комплекс в психике людей уничтожает управление как систему и служит основанием зарождения потребности в ручном управлении.

6. *Манихейская составляющая* – черно-белое мышление массового индивида по инверсионной формуле «либо – либо», парадигма «мы/они» как «добро/зло». Развитие не может быть выражено объективно, например через конкуренцию, диалог, договороспособность, через счет, пользу, интересы, выгоду, науку.

Оно может быть только победой «нас/добра/света» над «ними/злом/тьмой», сколько бы эта победа ни стоила. «Мы» в оппозиции «свой – чужой» всегда «воины света».

7. *Мироотречная или гностическая установка* – идея массового индивида о том, что мир находится во зле и неисправим (христианская формула: добро – от Бога, зло – от человека). Как следствие, возникает идеал недеяния, нестяжания, монастыря, бунта, коммунизма. Мироотречник асоциален, генерирует отношения безнадежности, исповедует идеологию «бегства от свободы» (Э. Фромм). В результате прогрессируют политическая апатия и социальное равнодушие.

8. *Сакрализация статуса власти, ее положения над законом* – убеждение массового сознания в том, что этот статус идет от статуса Бога [Голенкова, Игитханян 2006, 45]. По своей природе власть – потусторонняя, ее природа неопределима. Поэтому наиболее распространен в массах так называемый пофигистский стереотип, оправдывающий безразличие массового индивида к политике, управлению и игнорирование выборов («все равно они сделают, как им надо»).

9. *Партиципация, прилепление к господствующему смыслу как спасительному* – добровольная передача массовым индивидом (большей частью населения страны) Богу, вождю, власти своей субъективности (Ю.Ф. Самарин, Ф.М. Достоевский).

10. *Мифологизация реальности* – потустороннее всеобщее обыденное сознание полагают единственным источником порядка. Мифологизация реальности разрушает возникновение источника порядка внутри ментальности индивидуума и, следовательно, блокирует развитие личностного начала как носителя императива внутренней свободы. В основе мифа находится страх хаоса (З. Фрейд), страх перед необходимостью измениться [Давыдов 2017], страх бессилия перед предопределенностью (А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, М. Горький).

11. *Доминанта эмоционального мышления* – способность массового сознания принимать решения на основе смысла, который экзистенциально переживается как привычное всеобщее. Возникает специфическая логика: в проблемных ситуациях появляется стремление к исторически сложившейся логике синтеза, минуя анализ, который грозит столкновением с новым, нестабильностью и разрушением традиции. Игнорирование анализа – характерная черта эмоциональной культуры, которая не способна формировать

новое всеобщее на основе ratio, а значит, не обладает достаточным цивилизационным ресурсом для эффективного развития.

12. *Экстенсивная доминанта* – эта доминанта (А.С. Ахиезер) является одним из самых мощных факторов торможения развития России. Из нее происходят постоянное относительное аграрное перенаселение в истории страны, толкавшее русского человека на освоение все новых земель [Миронов 1999, 27], и постоянное недоедание значительной части населения России, сменявшееся периодами голода [Гольц 2002, 415–418]. Также следует учитывать, что пожары были хроническим бедствием деревянной культуры: каждые 30 лет деревянная Россия выгорала [Гольц 2002, 415–418]. Из экстенсивной доминанты в культуре формируется традиционный стереотип бессмысленности накопительства в менталитете: все поглотит либо неурожай, либо пожар, либо война, либо чиновник [Гольц 2002].

13. *Доминантная идея России как империи* – имперская (имперско-племенная) идея (например, идея «русского мира») сохраняет замкнутый родовой космос в русской культуре в условиях, в которых основанием мировой культуры все более становится глобализация государственно-частного сотрудничества как новый тип управления⁷. Этой самоизоляции способствует и политика тотальных санкций Запада, применяемых в отношении России.

14. *Репрессия*. Массовое сознание, как правило, поддерживает репрессию (показательны примеры из эпохи Ивана Грозного, периодов деятельности Ленина и Сталина). В условиях, в которых культура защищена от модернизации насилием, репрессия возникает как характерная черта политической системы и системы управления.

15. *Милитаризация повседневности* – происходит из ментальной потребности человека воспроизводить свою родовую сущность, опираясь на исторически сложившуюся манихейскую мораль, которая требует делить мир на «своих» и «чужих». Поэтому вечным предлогом для милитаризации повседневности служит воспроизведение необходимости борьбы с внутренними и внешними врагами. Милитаризация повседневности нацелена на ограничение влияния гражданского общества и торможение процесса демократизации социальных отношений.

⁷ А.И. Солженицын писал: «Нет у нас сил на Империю! – и не надо, и свались она с наших плеч: она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель» [Солженицын 1990, 8].

Перечисленные с помощью психоанализа Фрейда архаичные стереотипы – это «мертвотушный», «нитонисейный» (Н.В. Гоголь) антидиалогичный тип культуры, который все еще занимает значимое положение в нашем массовом сознании и который должен стать объектом деконструкции. Нужно «помочь человеку осознать свои потребности, импульсы, эмоции, желания и боль» [Маслоу 2023, 121], т.е. высвободить в человеке его высшие потребности и интеллектуальные устремления, задавленные многовековыми процессами культурогенеза.

Но как это сделать? Через какую методологию?

Социальный диалог как высшая ценность в деле модернизации социальной политики и управления в современной России

Попытаемся прежде всего что-то противопоставить методологии З. Фрейда, фрейдизму, примененному мною в анализе российской социокультуры, найти альтернативу древним культурным стереотипам, которые по-прежнему присутствуют в современном российском массовом сознании. А. Маслоу вошел в историю науки не только как психолог, но и как социолог. Покажем, как работают высшие ценности Маслоу через понятие «социальный диалог».

Социальный диалог между властью и местным населением по вопросу локализации нового национального проекта (А.А. Мерзляков, Институт социологии ФНИСЦ РАН). Мерзляков утверждает: «Социальный диалог потому и называется социальным, что разворачивается между всеми участниками социального развития: федеральным центром, региональными властными структурами, бизнесом и местным населением» [Мерзляков 2024, 110]. Примером налаживания социального диалога может быть медиативная модернизация трехстороннего договора (между правительством, бизнесом и профсоюзами), если к последнему присоединить четвертого участника – местное население, объединенное в сформированную и временно функционирующую группу для обсуждения местных условий локализации предлагаемого экономического/социального проекта. Эта ad hoc социальная группа может публично, через СМИ и референдумы, поддержать обсуждаемый проект, что имеет важное значение для понимания его гуманистического содержания. И одновременно она должна иметь полномочия обращаться в законодательные и исполнительные органы с просьбой откоррек-

тировать параметры этого проекта, привязывая его к местным условиям. Идея такой формы социального диалога существенно сближает участников деятельности по локализации нового национального проекта, в том числе федерального, муниципального, местного уровней управления, а также местное население.

Примером необходимости государственных органов советоваться с местным населением может служить ситуация, возникшая после принятия закона о территориях опережающего развития. А.А. Мерзляков пишет: «Опрос населения Забайкальского края (в феврале 2019 года. – А. Д.) выявил высокий уровень общественного недовольства: более 90 % респондентов высказали мнение о том, что власть не имела права без согласования с населением решать вопрос о передаче земель в собственность частному бизнесу, и выразили нежелание жить на территории, управляемой частными компаниями, а около 80 % охарактеризовали закон как антинародный» [Мерзляков 2024, 106]. Мерзляков также сообщает, что средний уровень социального диалога, т.е. общественной поддержки в России национальных проектов со стороны местного населения, составляет 45–55 % [Мерзляков 2024, 106]. Что нужно сделать, чтобы в случае с Забайкальским краем не допустить конфликта между инициаторами бизнес-проекта и местным населением? Прежде всего местной власти, которая подписывала разрешение на новое использование земли, нужно было *проявить уважение и доверие (А. Маслоу) к местному населению*. В частности, проект должны были разместить на страницах местных СМИ, публично обсудить, а к обсуждению привлечь представителей местного населения. В результате родился бы такой инструмент, как *социальный диалог власти, бизнеса и населения*, в процессе применения которого можно было бы прийти к обоюдовыгодному решению и не допустить конфликта.

Целесообразно, во-первых, изучить, каким образом возможно через механизм деятельности *ad hoc* социальных групп существенно повысить процент участия местного населения в общественной поддержке местных бизнес-проектов. Во-вторых, требуется эксперимент, при котором организаторами таких групп могли бы выступить эксперты-социологи (этой теме посвящены, например, работы Т. Дридзе, А.В. Тихонова, А.А. Мерзлякова, В.С. Богданова).

Институт «индивидуальных бюджетных назначений» как социальный диалог (Р.С. Гринберг, А.Я. Рубинштейн, Инсти-

А.П. ДАВЫДОВ. Между З. Фрейдом и А. Маслоу: барьеры и условия развития... тут экономики РАН). Начальник инспекции Счетной палаты РФ М.К. Ковалевич отмечал: «Государственные управленцы федерального уровня вторгаются в сферу полномочий, законодательно закрепленных за регионами или местным самоуправлением, когда начинают призывать к осуществлению более жесткого регулирования и контроля за расходованием средств по разделам “социальная политика”, “здравоохранение и спорт”, “образование”, “жилищно-коммунальное хозяйство”» [Ковалевич 2008, 105]. «Мало что изменилось с тех пор», – утверждал незадолго до своего ухода В.В. Маркин (1947–2022), ответственный редактор коллективной монографии, в которую вошла процитированная статья Ковалевича, Поэтому в целях борьбы со всевластием со стороны центра Р.С. Гринберг и А.Я. Рубинштейн, авторы концепции экономической социодинамики, предлагают ввести институт «индивидуальных бюджетных назначений (ИБН)».

Назначение ИБН-института состоит в предоставлении налогоплательщику права самостоятельно направлять часть своих налоговых отчислений на финансирование определенной организации. Гринберг и Рубинштейн утверждают, что ИБН-институт выполняет двойную функцию: с одной стороны, он влияет на рыночные и политические механизмы формирования общественного интереса, с другой – определяет парламентскую ветвь и прямое участие граждан в бюджетном процессе. Исследователи указывают на то, что упрощенный аналог этого института существует в ряде европейских стран в виде «процентной филантропии». Эта практика, которая восходит к механизмам поддержки церкви, трансформировалась к концу XX века в новую модель финансирования социально значимой деятельности. В качестве примера может быть приведен венгерский закон 1996 года, который позволил гражданам перечислять 1 % своего налога на нужды организаций в сфере культуры. Однако Гринберг и Рубинштейн обращают внимание на принципиальное различие: если в «процентной филантропии» акцент сделан на благотворительности, то «содержательной доминантой ИБН-института является прямое участие граждан в распределении бюджетных средств». Именно такая особенность, по их мнению, придает институту особую ценность. Они считают, что этот механизм прямого участия гражданского общества позволяет «хотя бы частично компенсировать всегда существующие “парламентские ошибки”», возникающие

при определении государственных приоритетов и распределении бюджетных средств [Гринберг, Рубинштейн 2013, 18–19].

Почему концепцию прямого участия граждан страны в распределении бюджетных средств следует считать актуальной формой социального диалога? Государственный бюджет формируется и распределяется правительством, утверждается парламентом. И то, и другое – формы социального диалога. Но идея, которую предлагают Гринберг и Рубинштейн через концепцию ИБН, особенно ценна, поскольку речь идет о прямом участии граждан в распределении бюджетных средств. Социальный диалог при этом возникает из *взаимного уважения и доверия власти и населения друг к другу (А. Маслоу)*. Поэтому можно полагать, что эта форма социального диалога социоиндивидуальна: 1) через индивидуальное инициативное действие личности нацелена на развитие социального; 2) через институт обратной связи между государственными органами и населением конструирует шаг новизны в равноправной совместной с населением работе по управлению социальным развитием. В итоге рождается социальный диалог как методология формирования *института воспроизводства целостности индивида/населения/общества/государства*. В чем видится новизна социоиндивидуальной формы социального диалога? Вместо вредного для либеральной неоклассики «вмешательства государства» происходит поиск адекватной меры совместности индивида (личности) и государства в партнерской социально-экономической деятельности. Значимой представляется позиция Гринберга и Рубинштейна: «Вместо демонизируемого “бюджетного бремени” – социально целесообразные государственные расходы на реализацию нормативных общественных интересов, в большинстве случаев являются инвестициями в человеческий капитал» [Гринберг, Рубинштейн 2013, 20].

Волонтерское движение в России как социальный диалог (О.А. Башева, Институт социологии ФНИСЦ РАН). Объяснить волонтерское движение через философию Нового времени (Декарт, Кант, Фихте, Гегель) невозможно, поскольку философская классика базируется на аналитической дуальной оппозиции «Я – не-Я», в которой не-Я – это такой же, как Я, только неправильный, и его нужно контролировать, им нужно обладать, его нужно критиковать, колонизовать, изменить, сдерживать, уничтожить; диалог и партнерские отношения с ним немислимы. Объяснить волонтерское движение можно лишь на основе неклассической

философии (на Западе – Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер; в России – В.С. Библер, В.А. Лекторский), в рамках которой в распоряжении аналитиков появилась дуальная исследовательская оппозиция «Я – Другой», в которой Я и Другой равноправны, обсуждают взаимовыгодные проекты. Данная оппозиция нацелена на поиск общего основания для совместной деятельности, и межсубъектные отношения в ней регулируются духовным единством или договором, взаимной пользой, выгодой.

Второй объяснительный механизм волонтерского движения – высшие потребности/ценности человека (А. Маслоу, К. Роджерс), которые служат психологическим основанием для партнерских отношений. Маслоу исходит из того, что человек по своей природе в основном добр, конструктивен и склонен к сотрудничеству. Это отражается на специфике отобранных им высших потребностей. Для изучения волонтерства особенно важны *взаимное уважение, доверие, взаимопомощь*.

Третий объяснительный механизм волонтерского движения – теория медиации, теория медиационного (от лат. *mediana* – «середина»; от англ. *mediation* – «поиск середины, медиация») процесса (А.С. Ахиезер, А.П. Давыдов, О.Н. Яницкий, В.А. Лекторский), о чем подробнее будет сказано далее.

Миссия же волонтерского движения заключается в том, что это движение, разворачиваясь в системе «Я – Другой», это движение, во-первых, производит уникальный для России массовый продукт – заботу о человеке; и, во-вторых, оно создало уникальную методологию производства этого продукта – способность государства и волонтерства, *проявляя уважение и доверие друг к другу* (А. Маслоу), вместе искать адекватную меру взаимодействия в партнерской деятельности, т.е. меру совместности. Такая мера, расположенная в «сфере между» государством и волонтерством, позволяет создать медиационный тип социальной (государственно-общественной) связи между людьми⁸. Этот тип

⁸ У Аристотеля представление о «середине» помогает человеку принять нравственное решение, у Г.В.Ф. Гегеля – перейти из дуального мышления в тернарное. Для К. Леви-Стросса, изучавшего мышление первобытных племен, «середина» – основная ценность, помогающая первобытному человеку охранять свое племя от распада. Согласно концепции М. Фуко, изложенной в работе «Археология знания», медиационное мышление проявляется в том, что субъектом социального у него являются не отдельные люди, а межсубъектные связи между ними. З. Фрейд полагает, что индивидуальность и самость Я находится между первич-

начинает нести в определенной степени свою собственную (третью) субъектность, которая все более диктует и государству, и волонтерскому движению рационально-необходимые совместные действия, направленные на решение задачи заботы о людях.

Третья субъектность произвела собственную форму социального действия – *государственно-общественную, социоиндивидуальную форму социальной ответственности* [Башева и др. 2023; Башева 2025]. Единственно возможный способ ее существования – социальный диалог *между государством и волонтерством, нацеленный на формирование адекватной (изменчивой, ежедневно корректируемой) меры их взаимодействия и совместности в партнерских отношениях*. Такая форма управляемой/самоуправляющейся совместной ответственности может быть рассмотрена как медиационный процесс, отказывающийся абсолютизировать волонтерское движение только как деятельность государства либо как стихийное проявление общественной инициативы. Эти партнерство и двойственность по определению отвергают характеристику волонтерства как движения «наших» в контексте модели В.Ю. Суркова. Неприемлемым видится и определение волонтерского движения как государственно-частного предприятия. Гораздо точнее трактовка волонтерства через смысл социоиндивидуализма как альтернативы индивидуальному и коллективному эгоизму. Волонтерство – это рождение индивидуальной патриотической инициативы личности, которая может быть реализована только в социоиндивидуальной и диалогичной формах.

ными позывами человека, которые он назвал Ид, и Сверх-Я, в котором сосредоточено социальное. С точки зрения А. Маслоу, представленной в работе «Мотивация и личность», «середина» и медиационное мышление находятся в высших потребностях/ценностях, в «сфере между» низшими потребностями/ценностями и внешней социальной средой, будучи основанием социального развития. По А. Ахизеру, медиационное мышление помогает либеральному субъекту, отказавшемуся мыслить абсолютами и поставившему себя в межполюсное смысловое пространство, формировать альтернативные смыслы. Согласно В.А. Лекторского, в системе «субъект – субъект» медиационное мышление помогает всей системе развиваться через субъектность третьего смысла. Теория Н. Лумана предполагает, что субъектность межсубъектной коммуникации выражена в том, что она коммуницирует, через себя обозначая определенные смыслы. В.И. Аршинов считает, что «мышление посередине» позволяет формировать «техно-человеческий» способ взаимного программирования: программирования человеком «мышления» машины и программирования машиной мышления человека.

Волонтерское движение – смысловое, социальное и нравственное интеллектуальное пространство, в котором раздвоенный между миром и войной человек, находя некий третий способ жизни и вид деятельности, становится целостной личностью и считает, что его жизнь обрела смысл. Через свою посредническую (медиационную) функцию волонтер участвует в управленческой деятельности, устанавливая диалогичные отношения с ранеными бойцами, мирными жителями, медперсоналом, местной властью, бизнесом, представителями федеральной власти, журналистами, коллегами-волонтерами. Тем самым рождаются социальный диалог и через него атмосфера общего доверия людей друг другу, братства.

Как понять волонтера, выступающего в качестве субъекта волонтерского движения? Прежде всего волонтер – это личность. Представление о личности сложилось в европейском Просвещении в XVII–XIX веках, и суть его сведена к тому, что личность – это индивид, независимый от культуры и общества, носитель индивидуализма. Об опасностях атомизации личности точно писал З. Бауман. Главная опасность заключается в монологизме независимой личности, в ее эго-индивидуализме, поскольку атомизированная личность рассмотрена как человек вне мира, а мир вне человека. Волонтер как личность формирует иную, диалогичную концепцию личности. Он отказывается от изоляционизма, идет в мир, погружен в мир, он и есть единственная рационально и эмоционально возможная во время войны форма мира. Почему? Потому что через полисубъектность⁹ волонтерского движения ожили, стали публичными многие голоса: голос власти, которая ведет войну, голос государства, которое управляет ресурсами выживания и развития, голоса семьи и друзей, войны и мира, совести и истины. Волонтер включен в мир «полифонии голосов». Разговор между людьми превращает монологи голосов в диалог, поскольку волонтеру верят и те, и другие: он пришел на фронт не убивать, а, как мать Тереза, ухаживая за ранеными, обездоленными, страдающими, спасать людей от невроза, горя, вызванного войной, а значит, от войны. Волонтер – субъект самого широкого и самого глубокого социального диалога, потому что ценность всех его решений измеряется смертью и выживанием людей, которым он помогает.

⁹ О полисубъектности в контексте анализа социальных процессов см.: [Савельев 2024].

Через социальный диалог волонтерского движения в сознании людей прежде всего исчезает пропасть между государством и обществом. В идеологии неолиберализма, которое было основанием мышления лидеров перестройки, государство выступало носителем централизованных архаичных систем управления, а гражданское общество – носителем прогрессивных рыночно-демократических методов управления. Волонтерское движение дало толчок развитию мышления в ином направлении. Волонтерство, хотя и зародилось как стихийный общественный ответ на призыв государства помочь людям, но оно – одновременно представитель и субъект государственной политики, функция того, что мы называем «социальным государством», которое свою деятельность в идеале подчиняет императиву заботы о людях. На наших глазах государство, сотрудничая с волонтерством, изменяет свой образ: через социальный диалог оно становится государством «с человеческим лицом».

Заключение. Социальный диалог как носитель третьей субъектности в системе «Я – Другой»

Социальный диалог, введенный в парадигму попытки соединить противоположности в мышлении и социальном поведении раздвоенного субъекта социального действия (управления), становится необходимой частью основания, позволяющего понять, каким образом формировать медиационную логику принятия третьего решения.

Смог ли Г.В.Ф. Гегель соединить свободу и необходимость в определении свободы как осознанной необходимости? Удалось ли через идею поиска новой методологии управления уйти от раздвоенности своего субъекта социального действия между правилом и творчеством (А. Турен, О.В. Аксенова) [Аксенова 2024]? Снят ли раскол между традицией и инновацией в культуре России через идею либеральной суперцивилизации (А.С. Ахиезер)? Возможно ли через идею доверия, диалога, договороспособности и долгого взгляда убрать противоречие между двумя ядрами российского общества, в частности И-Россией и К-Россией (А.А. Аузан) [Аузан 2024]? Получилось ли через идею своей пирамиды доказать возможность соединения низших и высших потребностей человека в социальном развитии (А. Маслоу)? Нет. Непреходящее значение этих исследований видится в другом.

Теоретические схемы «тезис – антитезис – синтез» и «тезис – антитезис – динамический хаос» по мере развития социальных

наук демонстрируют познавательную ограниченность. Введение в научный оборот понятия «социальный диалог» вызвано необходимостью научиться искать меру синтеза, поскольку в схемах и Г.В.Ф. Гегеля, и И.Р. Пригожина *не хватает базовой переменной, выраженной социологически, от динамики которой зависит процедура определения способа формирования этой меры.*

Исследование, проведенное в настоящей статье, показало, что такой переменной могла бы стать многоуровневая динамика социального диалога (как диалога противоположностей), построенного на опыте вовлечения населения либо его представителей в управление социальным развитием. Опирающиеся на высшие потребности/ценности А. Маслоу идеи А. Мерзлякова (ИС РАН) о связи социального диалога с социальным развитием, работы Р.С. Гринберга и А.Я. Рубинштейна (ИЭ РАН), посвященные разработке концепции экономической социодинамики, статьи О.А. Башевой (ИС РАН) о волонтерском движении – первые шаги в этом направлении.

Социальный диалог через публичность разрушает закрытость и монологизм исторически сложившегося социального всеобщего (внутреннего эго-Я и диктата исторически сложившейся внешней социальной среды) и в «сфере между» ними заявляет о своем демократическом/диалогичном социоиндивидуальном медиационном особенном, претендующем на то, чтобы стать новым всеобщим, всеобщим особенного (В.С. Библер). Предлагаемая в настоящей статье неклассическая схема эволюции *«устаревающая мера (традиционная унификация) – социальный диалог (дифференциация монологизма исторически сложившихся синкретизисов и введение в них социального диалога как фактора, демократизирующего представление о социальном развитии) – новая мера (новая унификация)»* перестает быть лишь философской схемой, но обретает жизнь, и социальный диалог в ней несет третью мощную разрушительную/созидательную субъектность, через себя декларируя синтетические элементы программы гуманистической эволюции человека.

Научная задача может быть изложена следующим образом. Нужна демократизация нравственного выбора: главным противником изучения социального диалога выступают исторически сложившиеся родовые стереотипы культуры в современном массовом сознании россиян, которые изучает в контексте психоанализа З. Фрейд; главным союзником – способность создавать

социоиндивидуальные синтезы и понимание того, что дуализация анализа в определенных условиях подразумевает формирование способности к тернарному мышлению, в котором третий смысл – это живое, пульсирующее, опирающееся на высшие потребности/ценности А. Маслоу, всегда жертвенное, иногда героическое, готовое «ответить на зов Другого» (М.М. Бахтин) новое основание и новый субъект мышления – социальный диалог.

Наша задача – услышать голос социального диалога как призыв к его изучению.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аксенова 2024 – *Аксенова О.В.* Индивидуализм и коллективизм в условиях технологического прогресса // *Философские науки*. 2024. Т. 67. № 2. С. 81–96.

Аузан 2024 – *Аузан А.А.* Индивидуализм и коллективизм: два культурных ядра России // *Философские науки*. 2024. Т. 67. № 4. С. 11–26.

Башева 2025 – *Башева О.А.* Волонтерское движение как субъект социального диалога // *Философские науки*. 2025. Т. 68. № 3. С. 114–132.

Башева и др. 2023 – *Башева О.А., Невский А.В., Воронина Н.С., Ермолаева П.О., Гоманова С.О., Ермолаева Ю.В., Гречаная А.А.* Отличительные характеристики организованного спасательного волонтерства в России // *Регионология*. 2023. Т. 31. № 3. С. 564–583.

Бейтсон, Бейтсон 2019 – *Бейтсон Г., Бейтсон М.К.* Ангелы страшатся / пер. с англ. Д.Я. Федотова. – М.: АСТ, 2019.

Бонхоффер 1994 – *Бонхоффер Д.* Сопrotивление и покорность / пер. с нем. А.Б. Григорьева. – М.: Прогресс, 1994.

Голенкова, Игитханян 2006 – *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.* Власть административная: статусно-ролевые позиции в трансформирующемся обществе // *Россия реформирующаяся*. Ежегодник – 2005 / отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 44–60.

Гольц 2002 – *Гольц Г.А.* Культура и экономика России за три века. XVIII–XX вв. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.

Гринберг, Рубинштейн 2013 – *Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Концепция экономической социодинамики: предпосылки и результаты. – М.: ИЭ РАН, 2013.

Давыдов 2017 – *Давыдов А.П.* Личность в безличностной культуре России (по материалам русской литературы) // *Литература в системе культуры (к семидесятилетию профессора И.В. Кондакова): сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (Москва, 15 апреля 2017 г.)* / сост. А.С. Баранов, А.В. Мартынов. – М.: АСОУ, 2017. С. 43–53.

Давыдов 2021 – *Давыдов А.П.* Методологическая «середина-для» в ракурсе неклассики В. Лекторского, медиации А. Ахиезера и прин-

А.П. ДАВЫДОВ. Между З. Фрейдом и А. Маслоу: барьеры и условия развития...

ципа комплементарности Р. Гринберга / А. Рубинштейна // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 191–202.

Давыдов 2023 – Давыдов А.П. Индивидуализм и коллективизм как предмет социально-философского анализа (размышления в преддверии научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе») // Философские науки. 2023. Т. 66. № 4. С. 140–159.

Давыдов 2024а – Давыдов А.П. Медиация и конвергентная социальность. К теории социального диалога // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 135–159.

Давыдов 2024б – Давыдов А.П. «Середина» как метод: поиск социоиндивидуального // Философские науки. 2024. Т. 67. № 4. С. 114–135.

Ковалевич 2008 – Ковалевич М.К. Бюджетная политика и программно-целевое планирование регионального развития: социальный аспект // Основные направления преодоления диспропорций социально-экономического развития регионов России / под ред. В.В. Маркина, С.Л. Красноянцева. – М.: Изд-во Совета Федерации, 2008. С. 101–106.

Лепский 2006 – Лепский В.Е. Проблема самоорганизации полисубъектных структур // Проблемы субъектов социального проектирования и управления / под ред. В.И. Аршинова, В.Е. Лепского. – М.: Когито-Центр, 2006. С. 110–116.

Маслоу 2023 – Маслоу А. Мотивация и личность. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2023.

Миронов 1999 – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Т. 1. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.

Мерзляков 2024 – Мерзляков А.А. Социальный диалог как инструмент институционального управления социальным развитием // Философские науки. 2024. Т. 67. № 4. С. 99–113.

Патрушев, Хлопин 2007 – Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Социокультурный раскол и проблемы политической трансформации России // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 6 / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Институт социологии РАН, 2007. С. 301–318.

Савельев 2024 – Савельев И.А. Полисубъектность как фактор социального развития в контексте диалогизации и дифференциации отношений «центр – регионы» в федеративном государстве // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 97–116.

Солженицын 1990 – Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? Письменные соображения. – Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1990.

Фрейд 1999 – Фрейд З. Я и Оно. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: ФОЛИО, 1999.

REFERENCES

Aksenova O.V. (2024) Individualism and Collectivism in the Context of Technological Progress. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 81–96.

Auzan A.A. (2024) Individualism and Collectivism: Two Cultural Cores of Russia. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 4, pp. 11–26 (in Russian).

Basheva O.A. (2025) The Volunteer Movement as a Subject of Social Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 68, no. 3, pp. 114–132 (in Russian).

Basheva O.A., Nevskiy A.V., Voronina N.S., Ermolaeva P.O., Gomanova S.O., Ermolaeva Yu.V., & Grechanaya A.A. (2023) Distinctive Features of Organized Rescue Volunteering in Russia. *Russian Journal of Regional Studies = Regionologiya*. Vol. 31, no. 3, pp. 564–583 (in Russian).

Bateson G. & Bateson M.C. (2019) *Angels Fear: Towards an Epistemology of the Sacred* (D.Ya. Fedotov, Trans.). Moscow: AST (Russian translation).

Bonhoeffer D. (1994) *Letters and Papers from Prison* (A.B. Grigoriev, Trans.). Moscow: Progress (Russian translation).

Davydov A.P. (2017) Personality in the Impersonal Culture of Russia (Based on Russian Literature). In: Baranov A.S. & Martynov A.V. (Comps.) *Literature in the System of Culture (On the 70th Anniversary of Professor I.V. Kondakov): A Collection of Articles following the International Scientific and Practical Conference (Moscow, April 15, 2017)* (pp. 43–53). Moscow: ASOU (in Russian).

Davydov A.P. (2021) The Methodological “Middle-for” from the Perspective of V. Lektorsky’s Non-Classics, A. Akhiezer’s Mediation, and the Complementarity Principle of R. Grinberg and A. Rubinstein. *Voprosy filosofii*. No. 4, pp. 191–202 (in Russian).

Davydov A.P. (2023) Individualism and Collectivism as a Subject of Social-Philosophical Analysis (Reflections on the Eve of the Scientific Conference “Individualization and Collectivism in Contemporary Russian Society”). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 4, pp. 140–159 (in Russian).

Davydov A.P. (2024a) Mediation and Convergent Sociality: Toward a Theory of Social Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 135–159 (in Russian).

Davydov A.P. (2024b) The “Middle” as a Method: In Search for the Socio-Individual. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 4, pp. 114–135 (in Russian).

Freud S. (1999) *The Ego and the Id*. Moscow: EKSMO-Press; Kharkov: FOLIO (Russian translation).

Golenkova Z.T. & Igitkhanyan E.D. (2006) Administrative Power: Status-Role Positions in a Transforming Society. In: Drobizheva L.M. (Ed.)

Reforming Russia: Yearbook (pp. 44–60). Moscow: RAS Institute of Sociology (in Russian).

Golz G.A. (2002) *Culture and Economy of Russia over Three Centuries. 18th–20th Centuries*. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf (in Russian).

Grinberg R.S. & Rubinstein A.Ya. (2013) *The Concept of Economic Sociodynamics: Prerequisites and Results*. Moscow: RAS Institute of Economics (in Russian).

Kovalevich M.K. (2008) Budget Policy and Program-Targeted Planning of Regional Development: The Social Aspect. In: Markin V.V. & Krasnoyartsev S.L. (Eds.) *Main Directions for Overcoming Disproportions in the Socio-Economic Development of Russia's Regions* (pp. 101–106). Moscow: Federation Council Publishing (in Russian).

Lepskiy V.E. (2006) The Problem of Self-Organization of Polysubjective Structures. In: Arshinov V.I. & Lepskiy V.E. (Eds.) *Problems of Subjects of Social Design and Management* (pp. 110–116). Moscow: Kogito-Tsentr (in Russian).

Maslow A. (2023) *Motivation and Personality* (3rd ed.). Saint Petersburg: Piter (Russian translation).

Merzlykov A.A. (2024) Social Dialogue as an Instrument of Institutional Governance in Social Development. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki. Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 4, pp. 99–113 (in Russian).

Mironov B.N. (1999) *The Social History of Russia in the Imperial Period (18th – Early 20th Century)* (Vol. 1). Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin (in Russian).

Patrushev S.V. & Khlopin A.D. (2007) The Socio-Cultural Schism and Problems of Political Transformation in Russia. In: Gorshkov M.K. (Ed.) *Reforming Russia: Yearbook* (Vol. 6, pp. 301–318). Moscow: RAS Institute of Sociology (in Russian).

Savelev I.A. (2024) Polysubjectivity as a Factor of Social Development in the Context of Dialogization and Differentiation of Center–Region Relations in the Federal State. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 97–116 (in Russian).

Solzhenitsyn A.I. (1990) *Rebuilding Russia: Reflections and Tentative Proposals*. Leningrad: Sovetskiy pisatel', Leningradskoe otdelenie (in Russian).

ЖУРНАЛ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»

был учрежден в 1958 году Министерством высшего образования СССР как научное образовательное просветительское издание для системы отечественного образования и по сей день служит эффективным методическим пособием для работников органов образования, школ, вузов, научных сотрудников, аспирантов и преподавателей социально-гуманитарных дисциплин. Статьи журнала посвящены как классическим темам, так и актуальным проблемам современности и перспективам социокультурного развития человечества.

Особое внимание в журнале уделяется вопросам развития отечественного образования, науки, социально-гуманитарного знания и популяризации науки.

В этих целях журнал сотрудничает с

♦ институтами Российской академии наук, в том числе, с Институтом философии, Институтом психологии, с Федеральным научно-исследовательским социологическим центром РАН, Российской академией образования, Российской академией естественных наук, Академией политической науки, Академией гуманитарных исследований;

♦ соответствующими комитетами и Экспертными советами Государственной Думы и Совета Федерации ФС РФ, в том числе, с Научно-экспертным советом при Председателе Совета Федерации ФС РФ;

♦ кафедрами философии, социологии, политологии, культурологии, истории, экономики, права, биологии, педагогики вузов и научных центров России и зарубежных стран.

Основными целями сотрудничества являются:

♦ обеспечение эффективной коммуникации внутри российского гуманитарного научного сообщества и его взаимодействие с государственными структурами и общественными организациями;

♦ распространение новейших достижений отечественных исследователей в области социально-гуманитарных дисциплин как среди вузов и научных центров, так и их популяризация среди широкой общественности в регионах Российской Федерации;

♦ активное участие в работе научных и научно-практических конференций, круглых столов, семинаров, мастер-классов, проводимых тематически родственными научными и образовательными учреждениями, государственными структурами и общественными организациями;

♦ продвижение отечественного социально-гуманитарного знания в российских регионах и на международных площадках, повышение престижа отечественной науки за рубежом.

Aims and Scope

Russian Journal of Philosophical Sciences = *Filosofskie nauki* is a peer-reviewed monthly journal published in Russian and English languages. The journal was founded in 1958 as a scientific and educational periodical for the educational system. The papers of the journal are dedicated to classical problems of philosophy as well as to important issues of the modernity and prospects of sociocultural and civilizational development of humankind.

С условиями публикации материалов в журнале и порядком рецензирования статей можно ознакомиться на сайте:
<https://www.phissci.info/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса Россия» – 45490

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77 – 15513 от 20 мая 2003 г.

Подписано в печать 15.06.2025 г. Формат 60x90/16. Печать цифровая.

Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в типографии Издательского дома «Гуманитарий».

E-mail: humanist@academyrh.info